ФИЛИП РИВ

АДСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ. КНИГА 3

АЗБУКА

Annotation

В новой редакции – третий роман эпопеи «Хроники хищных городов». Итак, со времени действия «Золота хищников» прошло шестнадцать лет (а «Смертных машин» – восемнадцать). На все это время мир, охваченный войной между Лигой противников движения и движущимися городами, позабыл об Анкоридже, затерянном где-то на берегах Мертвого континента. Но выйдет из войны победителем только тот, кто расшифрует записи таинственной Жестяной Книги, хранящейся в архиве этого города-призрака…

Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация «Хищных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером и автором сценария картины выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

- Содержание
  -
  -
  -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15

        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
    -
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

Содержание

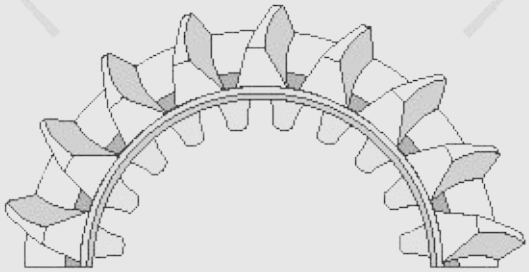
Филип Рив
Адские конструкции

Philip Reeve
INFERNAL DEVICES

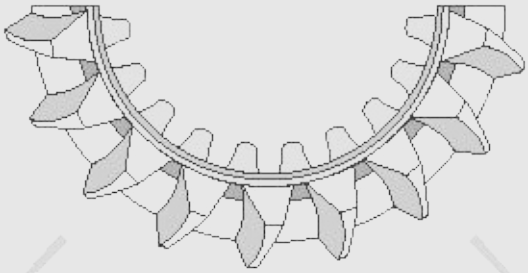
© Н. Жаров, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*** * ***

Посвящается, как всегда, Саре, моим редакторам Кирстен Стэнсфилд и Холли Скит, с благодарностью, и когда-нибудь потом – Сэму Риву, Тому Скиту и Эдварду Стэнсфилду



Часть первая



Глава 1
Спящий пробуждается

Сначала ничего не было. Потом что-то сверкнуло, зашипело, как на раскаленной сковородке, и в памяти замелькали неясные образы и воспоминания. Затем раздался сухой треск, напряженное гудение, и вместе с ослепительно-голубым потоком электричества жизнь хлынула в опустошенные каналы его тела и мозга – так морская вода заполняет скальные гроты во время прилива. Тело судорожно напряглось и вытянулось с такой силой, что на какой-то момент застыло на весу, опираясь только на пятки и стальной затылок. Он закричал и очнулся, внезапно ощутив, что куда-то проваливается; глаза запорошила метель атмосферного электричества.

Вспомнил, как умирал. Вспомнил изуродованное шрамом лицо девушки, которая пристально наблюдала за ним, неподвижно лежащим в мокрой траве. Та девушка была ему по-настоящему дорога, гораздо более дорога, нежели позволительно Сталкерам, мало чем дорожившим на этом свете. Ему тогда очень хотелось сказать ей что-то, но никак не получалось. Теперь в памяти остался только туманный отпечаток ее обезображенного лица.

Как же ее звали? Речевые мышцы непроизвольно сократились, и родился звук:

– Э…

– Ожил! – произнес кто-то.

– ЭС…

– Повторить! Побыстрее, пожалуйста!

– Внимание!

– ЭСТЕР.

– Разряд!

Еще один удар электрического хлыста выжег последние остатки воспоминаний; теперь его сознание хранило единственную информацию: он – Сталкер по имени Шрайк. Один глаз начал видеть. Сквозь снегопад помех стали различимы размытые движущиеся пятна. Он наблюдал, как пятна медленно приняли очертания человеческих фигур в свете фонарей на фоне сумеречного неба, по которому стремительно летели одна за другой тучи, а в редких промежутках выглядывала круглая луна. Дождик моросил не переставая. Однаждырожденные, одетые в военную форму, в защитных

очках и накидках из водонепроницаемой пленки, сгрудились вокруг его разрытой могилы. Некоторые держали включенные йодно-кварцевые фонари, у других в руках были какие-то приборы со светящимися электронными лампами и мерцающими в темноте циферблатами. От приборов к его телу тянулись провода. Он понял, что у него с головы снят металлический корпус, верхняя часть черепной коробки вскрыта и его Сталкерский мозг обнажен.

– Мистер Шрайк, вы слышите меня?

Очень молодая женщина склонилась над ним.

Он подумал, не та ли это девушка, чей неуловимый образ так неотступно преследовал его? Но нет: у той, которая ему грезилась, было что-то не так с лицом, а это лицо казалось в полном порядке – широкоскулое, восточного типа, кожа светлая, глаза темные в черной оправе больших очков. Коротко стриженные волосы выкрашены в зеленый цвет. Под прозрачным плащом виднелась военная форма черного цвета, на черном воротнике-стойке – серебряное шитье в виде черепов с крылышками.

Она положила руку на его разъеденную коррозией металлическую грудь и сказала:

– Не волнуйтесь, мистер Шрайк. Понимаю, вам сейчас нелегко прийти в себя. Вы находились в состоянии смерти целых восемнадцать лет.

– СМЕРТИ, – повторил он.

Молодая женщина улыбнулась. Зубы у нее были белые и неровные и казались слишком крупными для ее маленького рта.

– Ну, скажем, в состоянии спячки. Возможно, это слово более точное. Сталкеры старого образца на самом деле полностью не умирают, мистер Шрайк…

Сверху послышался пульсирующий рокот, словно равномерно повторялись удары грома. Тучи окрасились оранжевыми сполохами, превращая в черные силуэты каменные утесы над усыпальницей Шрайка. Солдаты начали беспокойно поглядывать вверх.

– Тупорылые пушки бьют, – прокомментировал один из них. – Прорвались-таки через наши укрепления на болотах. И часа не пройдет, как их пригороды-амфибии будут здесь.

Женщина бросила взгляд через плечо и сказала:

– Благодарю вас, капитан, – но тут же вновь сосредоточила все свое внимание на Шрайке, непрерывно копаясь в его черепной коробке. – Вы отключились в результате серьезного повреждения, но мы все исправим. Я доктор Энона Зеро из корпуса Воскрешенных.

– НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ, – сообщил ей Шрайк.

– Ваша память повреждена, – ответила она. – Сожалею, но восстановить ее невозможно.

Он ощутил прилив ярости и даже паники, будто эта женщина лишила его чего-то жизненно важного, хотя уже не понимал, чего именно. Хотел было выпустить стальные когти, но не смог и пальцем пошевелить, словно все, что от него осталось, – один только глаз, взирающий на мир с сырой земли.

– Не беспокойтесь, – сказала доктор Зеро, – ваше прошлое уже не имеет никакого значения. Теперь вам предстоит послужить Зеленой Грозе, и очень скоро у вас снова будет что вспомнить.

Небо вокруг ее улыбающегося лица окрасилось красными и желтыми вспышками беззвучных разрывов. Кто-то из военных закричал:

– Они приближаются! Дивизия генерала Наги перешла в контрнаступление, забрасывает противника бомбами-стаканами, только вряд ли это их остановит…

Доктор Зеро кивнула и выбралась из могилы на поверхность, вытирая испачканные глиной руки.

– Надо немедленно эвакуировать мистера Шрайка. – Она еще раз взглянула на лежащего внизу Сталкера и улыбнулась. – Вам нечего бояться, мистер Шрайк! Нас уже ждет воздушный корабль. Переправим вас на Центральную фабрику Сталкеров в Батмунх-Цаке. Мы с вами еще поработаем вместе!

Она посторонилась; на ее место выступили два существа мощного телосложения. Это были Сталкеры; их броню украшала незнакомая Шрайку эмблема в виде зигзагообразной зеленой молнии с наконечником, как у стрелы. Металлические лица плоские, вроде лопаты, нет ни носа, ни рта, только узкие щели-глазницы, светящиеся зеленым сиянием. Сталкеры подняли Шрайка на поверхность и опустили на носилки. Потом молча понесли его по тропинке, а мужчины с приборами поспешали по обеим сторонам носилок по направлению к висящему над землей воздушному караван-сараю, оборудованному системой защиты. От него то и дело отчаливали дирижабли и поднимались к темным намокшим небесам. Доктор Зеро бежала впереди и все время покрикивала:

– Скорее! Скорее! Осторожно! Это же раритет, единственный экземпляр!

Тропинка все круче забиралась вверх, и тут Шрайку стало ясно, почему так торопится доктор Зеро и чем обеспокоены ее люди. В разрывах между утесами виднелось обширное водное пространство, на поверхности

которого отражались вспышки непрерывной орудийной стрельбы. Гигантские тени передвигались по воде и по темнеющему вдали плоскому участку суши. В сверкании огненных залпов воздушных кораблей, усеявших небо над головой, и бледно-белом сиянии осветительных бомб, медленно опускающихся на парашютах, Шрайк разглядел бронированные гусеницы, огромные стальные челюсти и ярусы спрятанных под металлом фортификационных сооружений и орудийных батарей.

Движущиеся города. Да их там целое полчище! Вот они неумолимо ползут через болота. При виде их в памяти Шрайка снова всплыли какие-то неясные образы. Он помнил похожие города или по меньшей мере знал об их существовании. Однако доводилось ли ему бывать хотя бы на одном из них, и если да, то что он там делал? Тут память отказывала.

И еще ему вспомнилось – на какую-то долю секунды – изуродованное лицо девочки, глядящей на него снизу вверх с доверием и надеждой в глазах, словно в ожидании чего-то обещанного. Носилки со Шрайком быстро приближались к готовому взлететь воздушному кораблю.

Кто эта девочка и почему ее лицо то и дело возникает в его сознании, теперь навсегда осталось для Сталкера неразрешимой загадкой.

Глава 2
Анкоридж-Винляндский

Прошли месяцы. Совсем на другом конце света девочка по имени Рен Нэтсуорти лежала в постели и наблюдала, как полоска лунного света медленно скользит по потолку ее спальни. Уже было за полночь. Стояла глубокая тишина, Рен слышала только собственное дыхание да редкое поскрипывание стен старого дома. Вряд ли где-то еще в мире, подумалось ей, есть более спокойное место, чем то, в котором она живет. Анкоридж-Винляндский был когда-то ледоходным городом, а теперь, полуразрушенный, укрылся в скалах на южном берегу безымянного острова посреди неизвестного озера, затерянного в глухом уголке Мертвого континента.

Однако даже в этой непроницаемой тишине девочке не спалось. Вертелась с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее, но лишь запуталась в жарких простынях. Накануне, за ужином, она снова поругалась с матерью. Началось, как обычно, с пустяка: Тилди Смью и братья Заструджи позвали Рен гулять – и она отказалась мыть посуду.

А потом спор быстро разгорелся в ужасную ссору со слезами, взаимными обвинениями и поминанием старых обид, которыми обе бросались друг в друга, как ручными гранатами, а расстроенный отец держался за пределами поля боя и только повторял: «Рен, утихомирься!», «Эстер, успокойся!».

В конце концов Рен, конечно, пришлось смириться с поражением. Она перемыла посуду и демонстративно отправилась к себе наверх спать, постаравшись, чтобы все это слышали. С той минуты у нее в голове одна за другой рождались колючие фразы, которые хотелось кинуть в лицо матери. Ведь мама даже понятия не имела, что значит быть девушкой пятнадцати лет. Она в этом возрасте со своей уродливой внешностью, наверное, вообще не встречалась с мальчиками, особенно с такими, как Нэт Заструджи, в которого влюблены все девочки Анкориджа и который в разговоре с Тилди обмолвился, что Рен ему очень нравится. Мама, скорее всего, никогда не нравилась ни одному мальчику, кроме папы конечно (и что он в ней нашел, остается для Рен одной из Великих Нераскрытых Тайн Винляндии).

Она снова заворочалась в постели, пытаясь отогнать злые мысли, но, убедившись в тщетности усилий, решила прогуляться. Может быть, на

свежем воздухе раздражение выветрится само. А если родители проснутся и обнаружат исчезновение дочери, то пусть думают, что она утонула или убежала из дома, и пусть это послужит для мамы уроком. Рен уже не маленькая, чтобы с ней так обращались! Девочка выбралась из постели, оделась, натянула на ноги носки и ботинки и крадучись спустилась по лестнице в живом безмолвии дома.

Мама и папа решили поселиться в этом доме шестнадцать лет назад, когда Анкоридж только что выполз на здешний берег, а Рен была всего лишь маленьким росточком жизни, зародившимся в мамином чреве. Те события стали частью истории их семьи, рассказы о них многократно выслушивала маленькая Рен вместо сказки на ночь. Фрейя Расмуссен позволила маме и папе выбрать для себя любой дом на верхней палубе города. И они выбрали именно этот – виллу какого-то торговца на улице под названием Сириус-Корт с видом на воздушную гавань. Дом хороший – уютный, добротно построенный, с керамическими трубами отопительной системы, с мозаичными полами и стенами, отделанными деревом и бронзой. Родители годами обставляли свое жилище мебелью, найденной в других брошенных домах по соседству, развешивали картины и портьеры, украшали плавником, который ветром прибивало к берегу озера, и изделиями древних мастеров, добытыми папой на раскопках во время его походов на Мертвые холмы.

Рен неслышно прошла к вешалке в прихожей, где висело ее пальто, не обратив ни малейшего внимания на репродукции на стенах и драгоценные ископаемые останки кухонных комбайнов и телефонных аппаратов, выставленные на полках в стеклянных шкафах. За всю жизнь это барахло ей порядком надоело. А за последний год и сам дом стал казаться слишком тесным, будто она выросла из него. И даже привычный, такой домашний запах пыли, мебельной полировки и папиных книг теперь действовал на нее как-то удушающе. В пятнадцать лет знакомый с детства мир становится мал и начинает жать, как старый ботинок.

Рен закрыла за собой дверь тихо-тихо и поспешила вдоль по Сириус-Корт. Туман окутал Мертвые холмы, словно дым от костра, и пар от ее дыхания тоже повисал в воздухе, как туман. Еще только начало сентября, но уже ощущалось приближение зимы.

Луна опустилась низко к горизонту, на востоке занималась заря, но звезды тем не менее ярко горели. В центре города возвышался Зимний дворец, и его ржавые шпили, увитые плющом, будто покрытые взлохмаченными космами, чернели на фоне светлеющего неба. Дворец когда-то служил резиденцией правителей Анкориджа, а теперь его

единственная обитательница и последняя маркграфиня, мисс Фрейя, по совместительству работала учительницей в городской школе. С пятилетнего возраста Рен каждый зимний день, кроме выходных, приходила на урок в свой класс, расположенный в одном из залов первого этажа Зимнего дворца, и слушала лекции мисс Фрейи о географии, логарифмах, муниципальном дарвинизме и многом другом, что, возможно, никогда не пригодится ей в жизни. Учиться было скучно, но вот Рен исполнилось пятнадцать, уроки для нее закончились, и ей вдруг стало мучительно не хватать школы. Никогда уж не сидеть ей в своем родном классе – разве только в качестве учительницы самых маленьких, если она согласится принять предложение мисс Фрейи.

С тех пор как мисс Фрейя обратилась к ней с просьбой помочь в обучении первоклашек, прошло уже несколько недель, и Рен следовало поторопиться с ответом, ведь сразу после окончания сбора урожая дети Анкориджа снова пойдут в школу. Однако она все еще не была уверена, действительно ли хочет пойти по стопам мисс Фрейи. Честно говоря, ей не хотелось даже задумываться об этом. Во всяком случае, сегодня.

В конце улицы имелась лестница, ведущая сквозь палубный люк в район машинных отсеков. Металлические ступени загремели под ее башмаками; она глубоко вдохнула подымающийся навстречу сладкий запах лета: внизу громоздилась целая куча сена. Из-под ног с хрустом отвалились и упали на сено несколько осколков ржавчины. Было время, эта часть города жила полной жизнью; здесь шумно работали мощные двигатели, заставляя Анкоридж легко скользить по льду на самой верхушке мира в поисках торговых партнеров. Но кочевое существование закончилось еще до того, как родилась Рен, а машинные отсеки приспособили под зимние стойла для скота и под хранилища сена и корнеплодов. В тусклом свечении предутреннего неба, проникающем через щели в плитах верхней палубы, девочка могла различить тюки сена, сложенные в промежутках между пустыми баками для горючего.

Когда Рен была помладше, эти безлюдные палубы служили ей площадкой для игр. Она и сейчас любила гулять здесь в минуты грусти или ничегонеделания, думая о том, как здорово, наверное, жить в городе, который никогда не стоит на месте. Взрослые только и знают, что талдычат о тяжелом прошлом и как страшно все время ждать, когда тебя сожрет более крупный и скоростной город. Но Рен многое отдала бы, чтобы увидеть высоченные движущиеся мегаполисы, полетать с одного на другой на воздушном корабле, как мама с папой еще до ее рождения. У папы на столе есть фотография, где оба стоят в швартовочной «тарелке» города

Сан-Хуан-де-Лос-Моторес на фоне своего маленького, хорошенького, красненького воздушного кораблика с замечательным именем «Дженни Ганивер». Только они никогда не рассказывают о своих приключениях, хотя наверняка их было немало. Рен известно лишь, что в конце концов «Дженни Ганивер» пришвартовалась на Анкоридже, откуда ее угнал злодей, которого звали профессор Пеннироял, и маме с папой пришлось навсегда остаться в городе и смириться с уготованной им долей влачить нынешнее однообразное существование в этой полусонной Винляндии.

«Как же мне не повезло!» – подумала Рен, снова с удовольствием вдыхая теплый цветочный аромат сена. Как было бы здорово, если бы ее отец продолжал заниматься воздушной торговлей! Вот действительно интересная жизнь, не то что сейчас, торчи на этом богами забытом острове, среди людей, у которых главное развлечение – соревнования по гребле на лодках, а для полного счастья достаточно хорошего урожая яблок.

Впереди в темноте хлопнула дверь, заставив девочку вздрогнуть. Она настолько привыкла к тишине и одиночеству, что даже мысль о присутствии поблизости постороннего человека почти пугала. Но тут Рен огляделась вокруг и поняла, что, замечтавшись, дошла до самого центра этого района города, где в старом сарае, притулившемся между двумя ярусными опорами, жил Коул, инженер Анкориджа. Кроме него, больше никто не обитал на нижних уровнях, да и какой глупец выберет для жилья место, окруженное одной только ржавчиной и тьмой, если наверху, под сияющим солнцем, пустуют прекрасные особняки. Но Коул – большой оригинал. Подростком он долгое время жил в Гримсби, подводном воровском притоне, и с тех пор не любил солнечного света, да и чужого общества тоже. Правда, одно время он сдружился со стариком Скабиозом, прежним городским инженером, но после того как тот умер, Коул окончательно замкнулся в себе и почти не вылезал из своей берлоги здесь, в Чреве Анкориджа.

Так зачем же ему понадобилось шататься по машинным отсекам посреди ночи? Снедаемая любопытством, Рен тихонько забралась по металлическому трапу на одну из пешеходных эстакад, откуда поверх моторных шахт хорошо видно хибару Коула. Он стоял возле двери с электрическим фонарем в руке и светил им на какой-то клочок бумаги, который держал в другой руке. Потом сунул бумажку в карман и отправился в сторону границы города.

Рен спустилась по тому же трапу, в темноте нащупывая ногами перекладины, и последовала за фонарным лучиком. Ее вдруг охватило чувство, похожее на охотничий азарт. Еще в школьном возрасте она

перечитала все немногочисленные детские книги, что имелись в библиотеке маркграфини, и больше всего увлекалась рассказами об отважных девочках-сыщиках, неизменно срывающих замыслы контрабандистов или разоблачающих шпионские сети противников Движения. И всегда сожалела о том, что в Винляндии ни разу не совершилось преступления, которое можно было бы раскрыть. Но ведь Коул в свое время занимался воровством! А вдруг в нем проснулись прежние наклонности?

Звучало бы правдоподобно, если не принимать во внимание тот факт, что в Анкоридже красть не имело смысла, поскольку каждый мог взять любую вещь, какая душе угодна, из сотен бесхозных магазинов и домов. Поэтому Рен, с трудом пробираясь между грудами демонтированного оборудования, наваленного позади хижины Коула, попыталась придумать более вероятное объяснение его ночным похождениям. Очевидно, ему не спалось, так же как и ей. Наверное, его что-то заботило. Тилди, подруга Рен, рассказывала как-то, что многие годы тому назад, когда Анкоридж еще только прибыл в Винляндию, Коул был влюблен в мисс Фрейю и мисс Фрейя тоже была влюблена в Коула, но из этого ничего не вышло, потому что Коул уже в то время вел себя не так, как все. И теперь, возможно, он каждую ночь бродит по темным улицам машинной палубы, тоскуя по утерянной любви. Или, наоборот, встретил новую возлюбленную и теперь спешит на романтическое свидание при лунном свете за стенами города…

Эта последняя версия показалась настолько соблазнительной, что Рен невольно прибавила шагу, предвкушая, как утром будет рассказывать Тилди о своем ночном приключении.

Коул, однако, достигнув края города, не остановился, а сбежал вниз по лестничному маршу, спускающемуся прямо к открытой земле, и пошел дальше, вверх по склону холма, водя перед собой из стороны в сторону лучом фонаря. Рен секунду помедлила, потом тоже спрыгнула на пружинистые заросли вереска и незаметно последовала за ним по тропинке, ведущей к сложенному из камней домику. В нем гудела гидроэлектростанция, построенная еще стариком Скабиозом. Но Коул не остановился и там, а так и шагал через яблоневые сады, и верхнее пастбище, и еще дальше – в лес.

В самой верхней части острова – там, где воздух напоен смолистым запахом сосен, а скалы проступают сквозь тонкий дерн, как гребень на спине ящера, – Коул остановился, выключил фонарь и осмотрелся по сторонам. В пятнадцати метрах позади него затаилась Рен, спрятавшись в переплетении теней, отбрасываемых в лунном свете стволами деревьев.

Легкий ветерок играл ее волосами, а над головой под бездонным ночным небом шевелились сосновые лапы.

Коул взглянул вниз, на спящий город, приютившийся у излома береговой линии на юге острова.

Потом повернулся к нему спиной, поднял фонарь и три раза включил и выключил его. «Он сошел с ума! – подумала Рен, но тут же решила: – Нет, подает кому-то сигнал, прямо как оказавшийся предателем директор школы из „Милли Крисп и тайна двенадцатого яруса“!»

И в самом деле, снизу, со стороны необитаемых каменистых бухт северного побережья, сверкнул ответный огонек.

Коул возобновил движение, и Рен тоже продолжила преследование. Она спускалась все ниже по обрывистому склону северной половины острова, потеряв из виду город. Может быть, Коул и мисс Фрейя снова сошлись, но боятся пересудов и не хотят, чтобы их видели вместе? Рен эта мысль показалась очень романтичной, и она улыбнулась, не отставая от Коула на последнем, почти отвесном участке едва заметной тропинки, потом пересекла вслед за ним березовую рощицу и наконец очутилась у самого берега. Слева и справа от нее в озеро вдавались два мыса.

Коула ждали. Но не мисс Фрейя. У кромки воды стоял мужчина и молча наблюдал, как Коул приближается к нему, с громким шуршанием ступая по прибрежной гальке. Даже с такого расстояния, даже при сумеречном свете едва зародившейся зари Рен могла с уверенностью сказать, что этого человека видела впервые в жизни.

Сначала она не поверила глазам. В Винляндии просто не могло быть незнакомых людей! Единственными ее обитателями являлись те, кто прибыл сюда на борту Анкориджа или родился здесь в последующие годы, и Рен знала всех до одного. Но этот мужчина на берегу не входил в их число, и голоса его, когда он заговорил, девочка тоже никогда раньше не слышала.

– Коул, старый приятель! До чего же я рад снова тебя видеть!

– Гаргл, – настороженно произнес Коул, словно не замечая протянутой ему руки.

Они еще что-то говорили друг другу, но Рен прослушала, целиком занятая поиском ответов на вопросы, кто этот незнакомец, как попал сюда и что ему надо.

Вдруг ее осенило, и Рен вовсе не обрадовалась найденному решению загадки. Пропащие Мальчишки! Так называли ту воровскую шайку, в которой состоял Коул. Еще во времена ледовой эпопеи Анкориджа Пропащие Мальчишки проникли в город и ограбили его с помощью своих

жутких паукообразных машин. Коул тогда перешел на сторону мисс Фрейи и мистера Скабиоза, покинув бывших сообщников. Но так ли обстояло дело в действительности? А что, если все эти годы он поддерживал с воришками тайную связь, выжидая, пока город оправится от невзгод, вновь станет благополучным и процветающим, и вот тогда-то Пропащие Мальчишки опять нагрянут, чтобы поживиться за его счет?

Однако стоящий на берегу незнакомец выглядел далеко не мальчиком, но взрослым мужчиной с длинными черными волосами. На нем были какие-то пиратские, прямо как в книжках, ботфорты и длинный, до колен, сюртук. Он откинул назад полы сюртука, чтобы просунуть большие пальцы под широкий ремень, и Рен заметила у него на боку пистолетную кобуру.

Тут она поняла: происходит что-то очень нехорошее и опасное. Ей захотелось поскорее очутиться дома, вместе с мамой и папой, и рассказать им обо всем. Но те двое прохаживались по берегу совсем близко, и, если сейчас побежать, они сразу заметят. Рен еще сильнее прильнула к земле за низкими кустиками утесника, растущего вдоль береговой полосы, и даже дышать старалась одновременно с шорохом набегающего на гальку прибоя.

Гаргл – так, кажется, звали того человека – рассказывал, судя по голосу, какой-то анекдот, но Коул резко оборвал его:

– Ты зачем явился сюда, Гаргл? Вот уж не чаял я снова встретиться с Пропащими Мальчишками! Когда нашел у себя под дверью твою записку, подумал даже, что кто-то пытается сыграть со мной плохую шутку. И давно вы ошиваетесь вокруг Анкориджа?

– Со вчерашнего дня, – ответил Гаргл. – Просто заскочили по пути – выяснить, как у тебя дела, знаешь, по старой памяти.

– Тогда чего же вы прячетесь? Мог бы просто прийти ко мне в дом, у всех на виду. Но вместо этого тебе зачем-то понадобилось вытаскивать меня за пределы города, причем втихую, посреди ночи.

– Слово чести, Коул, именно так я и намеревался поступить. Пришвартую-ка, думаю, свою пиявку прямо на берегу, в открытую, не таясь, но сначала все же пошлю на разведку парочку краб-камов – так, на всякий случай! Ну скажи, разве не умница я после этого? Послушай, Коул, в чем дело? Я был уверен, ты здесь большой человек! И что же я вижу – засаленная роба, немытые космы, щетина недельной давности! Или на Анкоридже в этом сезоне мода на внешность полоумного бродяги? Ты же, кажется, собирался жениться на ихней маркграфине, Фрейе, как там ее по фамилии?

– Расмуссен, – нехотя подсказал Коул, глядя в сторону от собеседника. – Ну, собирался. Только ничего не получилось. Знаешь, Гаргл,

все не так просто. Жизнь в действительности отличается от того, что краб-камы высвечивают тебе на мониторах. Не прижился я тут…

– А я-то решил, что сухопутники приняли тебя с распростертыми объятиями, – произнес Гаргл с деланым недоумением. – Ты ведь для них и карту добыл, и все такое…

Коул пожал плечами:

– Относятся ко мне хорошо, только не гожусь я для них. Сухопутники любят пообщаться, а я не умею вести себя на людях. Если бы мистер Скабиоз не помер, все было бы в порядке. Мы работали вместе, а на работе не до разговоров. Работа заменяла нам общение. Ну, да теперь его не стало… А у тебя как дела? И что Дядюшка? Как он?

– Не забыл его, значит?

– Нет, я о нем часто вспоминаю. Он еще не?..

– На месте старичок, куда он денется, – ответил Гаргл на незаконченный вопрос.

– А помнишь наш последний разговор, как ты хотел избавиться от него, занять его место?

– А я и занял его место, – ответил Гаргл, и его ухмылка сверкнула в темноте. – Того, прежнего, всемогущего Дядюшки больше нет. Он так и не сумел оправиться после переделки на Разбойничьем Насесте. Потерял там своих лучших парней, и все по собственной вине. Он из-за этого чуть сам копыта не откинул. Теперь во всем полагается на меня… Ну, почти во всем. И ребята уважают, слушаются.

– Да уж, не сомневаюсь, – сказал Коул с иронией, непонятной для Рен, будто оба мужчины продолжали какой-то давнишний спор, затеянный еще до ее появления на свет.

– Так о какой помощи ты просил в записке? – спросил Коул.

– Да вот решил к тебе обратиться, – начал Гаргл. – По старой памяти.

– Что ты замыслил на этот раз?

– Да ничего я не замыслил, – обиженным голосом произнес Гаргл. – Коул, поверь, я здесь не на гастролях. Мы не собираемся трясти твоих милых друзей-сухопутников. Мне нужна только одна вещь, одна-единственная маленькая вещица, пропажу которой никто даже не заметит. Краб-камы не смогли ее обнаружить, наш лучший форточник не нашел ее, но я точно знаю – эта вещь здесь. И тогда я подумал: «Нам нужна помощь изнутри». А тут как раз ты. Весь мой экипаж уверен, что на тебя можно положиться.

– Ну, так вы все ошибаетесь, – сказал Коул, и голос его дрогнул. – Хоть мне здесь и не жизнь, но я тебе не Пропащий Мальчишка. Со старым

покончено. Хочешь, чтобы я помог тебе ограбить Фрейю? Не дождешься. Можете убираться, откуда пришли. Я никому не скажу о вашем появлении, но учти, буду начеку. Если услышу, как где-то краб-кам зашебуршился или у кого-нибудь вдруг что-то пропало, тут же продам вас сухопутникам. А если еще раз сунетесь на Анкоридж, то, будь уверен, здесь вас встретят так горячо, что мало не покажется!

Он повернулся и зашагал прочь, прошелестев сквозь поросль утесника в двух шагах от места, где затаилась Рен. У подножия холма споткнулся и выругался, затем начал карабкаться по склону, и звуки его возни становились все тише.

– Коул! – окликнул его Гаргл, но не слишком громко, и в голосе его звучала досада и даже обида. – Коул! – Потом замолчал, провел рукой по волосам и замер в безмолвии, словно задумался.

Рен зашевелилась, очень-очень осторожно, потихонечку, готовясь сразу же уползти под деревья, как только мужчина повернется к ней спиной. Но Гаргл продолжал неподвижно стоять. Вдруг он поднял голову и посмотрел точно в том направлении, где пряталась девочка:

– Мои глаза видят и уши слышат лучше, чем у старого Коула, дружок. А теперь можешь подняться.

Глава 3
Пиявка «Автолик»[1]

Рен словно пружиной подбросило; она неловко отпрянула в обратную от Гаргла сторону и бросилась наутек на подгибающихся от ужаса ногах, но не успела сделать и трех шагов, как из темноты слева возник еще один незнакомец, схватил ее в охапку, развернув по инерции вокруг, и швырнул обратно на землю.

– Коул! – закричала она, но холодная рука зажала ей рот. Рен увидела над собой другое бледное лицо, наполовину закрытое длинными прядями черных волос.

Подбежал мужчина с берега, и в глаза девочки ударил узкий луч голубого света от включенного фонаря, заставив ее сощуриться.

– Аккуратнее, – сказал тот, которого звали Гаргл. – Убери лапы, не видишь – женщина! Молоденькая. Я так и думал.

Он отвел в сторону луч фонаря, чтобы не слепил Рен. Вначале Гаргл показался ей ровесником Коула, но он был явно моложе. На лице улыбка.

– Как зовут, красавица?

– Р-рен, – выговорила та, запинаясь. – Р-рен Н-н-н-нэтсуорти.

Гаргл на секунду задумался, вычитая в уме лишние «Н», и его улыбка стала шире и дружелюбнее.

– Нэтсуорти? Не может быть! Дочь Тома Нэтсуорти?

– Вы знакомы с папой? – вырвалось у Рен.

В стремительной неразберихе событий она сперва даже представила себе, как отец тоже тайком встречается с Пропащими Мальчишками в безлюдных окрестностях северного берега, но тут же сообразила, что речь, скорее всего, идет о старом знакомстве, когда ее еще не было на свете.

– Я, во всяком случае, отлично помню его, – ответил Гаргл. – Он гостил некоторое время на борту нашей пиявки «Винтовой червь». Твой отец – хороший человек. А твоя мать, наверное, та девушка, со шрамом на лице? Как бишь ее?.. Ах да, Эстер Шоу! То, что Том Нэтсуорти полюбил такую, как она, говорит в его пользу, я всегда так считал. Внешность для него не имеет значения. Для сухопутников это редкое качество.

– Что будем делать с ней, Гар? – спросил тот, что поймал Рен, каким-то странным мелодичным голосом. – Скормим рыбам?

– Давай-ка пригласим ее на борт, – предложил Гаргл. – Хочу поближе

познакомиться с дочерью Тома Нэтсуорти.

Рен, постепенно приходя в себя, снова ощутила приступ паники.

– Мне надо домой! – пискнула она, сделав движение в сторону, но Гаргл поймал ее рукой за талию.

– Мы только на минутку, – заверил он со сладенькой улыбочкой. – Поболтаем. Так и быть, расскажу, для чего мы без спроса забрались в ваше озеро. То есть мы всегда и везде забираемся без спроса, но все же, думаю, тебе лучше узнать нашу точку зрения прежде, чем примешь решение.

– Приму решение? – переспросила Рен.

– Да, примешь решение – рассказывать или нет родителям и друзьям о том, что ты здесь видела.

«Кажется, этому человеку можно верить», – сказала себе Рен. Раньше ей никогда не приходилось задумываться, заслуживает ли кто-то доверия. Улыбка Гаргла смущала ее. Она заглянула за его плечо и увидела, что вода между двумя мысами светится голубым сиянием, которое сначала приняла за оставшийся в глазах след фонарного луча, но оно не исчезало, а, наоборот, становилось все ярче, и тогда Рен поняла, что свечение проникает из глубины. Затем что-то очень большое с плеском всплыло на поверхность примерно в ста метрах от берега.

На машинной палубе за хибарой Коула ржавела пиявка, на которой он в свое время прибыл на Анкоридж. Это и был «Винтовой червь», и маленькая Рен с друзьями часто играла в прятки между его громадными паучьими ходулями. Он всегда казался девочке немного комичным с его плоскими ступнями и носовыми иллюминаторами, похожими на округлившиеся от испуга глаза. Рен и понятия не имела, как плавно умеет передвигаться пиявка, каким обтекаемым выглядит ее закругленный корпус, когда она неторопливо выныривает из озера и выползает на берег и с гладких боков вместе с потоками воды соскальзывает мерцание лунного света.

Эта пиявка по размерам уступала «Винтовому червю», более плоская, и напоминала скорее клеща, чем паука. Рен показалось, что ее поверхность покрывают бесформенные камуфляжные пятна, но при обманчивом освещении она не могла рассмотреть как следует. Сквозь выпуклые иллюминаторы было видно совсем маленького мальчика за пультом управления, но его лица тоже не разглядеть из-за струек, сбегающих по стеклу. Аппарат остановился у самой кромки берега, и из его нижней части бесшумно выдвинулась гидравлическая сходня, с шорохом уткнувшаяся в береговую гальку.

– Добро пожаловать на пиявку «Автолик», – широким жестом

пригласил Гаргл, – гордость флота Пропащих Мальчишек. Прошу на борт. Пожалуйста. Обещаю, вернешься на сушу прежде, чем мы пойдем на погружение.

– А если заявятся другие сухопутники? – спросил Пропащий Мальчишка, который, как поняла Рен, был вовсе не мальчик, а девушка с красивым и недовольным лицом. – Может, Коул уже поднял тревогу!

– Коул дал слово, – возразил Гаргл, – а он свое слово держит.

Девушка с сомнением уставилась на Рен. Из-под ее короткой черной куртки нараспашку виднелся засунутый за ремень пистолет.

«У меня нет выбора, – размышляла Рен. – Я должна делать то, что велит Гаргл». И стоило принять однозначное решение, ей уже не составило труда подняться по сходне в прохладное голубовато-светлое нутро пиявки. Да и подумать: если бы Гаргл хотел прикончить ее, было бы проще сделать это на берегу.

Девочку отвели в кормовую часть пиявки, в помещение, служившее, как она догадалась, личной каютой Гаргла. Уродливые стальные стены здесь спрятаны под обоями, на полках книги, повсюду разложены разнообразные сувениры со всего света. Курилась ароматическая палочка, чтобы заглушить запах плесени и железа. От восточного благовония на Рен повеяло дальними странами и загадочными цивилизациями. Она расположилась на единственном стуле, а Гаргл уселся на узкую койку. Черноволосая девушка выжидающе остановилась в проделанном в переборке дверном проеме, по-прежнему не сводя с пленницы неприязненного взгляда. Позади нее возник маленький мальчик, которого Рен заметила через иллюминатор пиявки. Он изумленно рассматривал девочку широко раскрытыми глазами, пока Гаргл не скомандовал:

– Отправляйся на свое место, Селедка!

– Да я это…

– На место!

Мальчика как ветром сдуло, а Гаргл виновато улыбнулся.

– Не обращай внимания, – сказал он Рен. – Селедка – новичок, только-только из Грабиляриума, да и пацан совсем, ему недавно десять исполнилось. До тебя видел сухопутников исключительно на мониторах краб-камов. А ты вдобавок хорошенькая…

Рен покраснела и опустила взгляд на роскошный турецкий ковер, на котором ее ботинки уже оставили грязные следы. Она вспомнила: Грабиляриум – что-то вроде школы, где Пропащих Мальчишек обучают многочисленным хитростям воровского ремесла. Всех их похитили с нижних палуб плавучих городов в младенческом возрасте, так что они даже

не знали, где родились, и увезли в Гримсби, подводный воровской притон. А краб-камы – это такие телекамеры-роботы для наблюдения за намеченными жертвами ограбления. Мисс Фрейя включила Пропащих Мальчишек в список тем для внеклассной работы. А Рен тогда сказала, что от изучения этой темы нет никакого проку…

Гаргл обратился к стоящей в дверях девушке:

– Ремора, наша гостья, похоже, замерзла. Принеси-ка ей горячего шоколада.

– Я не знала, что бывают и Пропащие Девчонки, – заметила Рен, когда девушка вышла.

– В Гримсби многое изменилось с тех пор, как его покинул Коул, – сказал Гаргл. – Только между нами, Рен, признаюсь, что теперь в основном там командую я. Мне удалось избавиться от большинства слишком крутых и задиристых парней, входивших в окружение Дядюшки. И я убедил его похищать не только мальчиков, но и девочек. Их присутствие сделало отношения между обитателями Гримсби лучше, более цивилизованными.

Рен стала наблюдать через полураскрытую дверь, как девушка по имени Ремора с грохотом переставляет посуду в небольшом помещении, приспособленном под кухню, и отметила про себя, что ее присутствие пока никак не делало их отношения более цивилизованными, а скорее наоборот.

– Так она ваша жена? – полюбопытствовала Рен и тут же добавила, не желая выглядеть слишком консервативной: – Ну, или подруга какая-нибудь?

Девушка на кухне внезапно остановилась и подняла голову.

– Мора – жена? – переспросил Гаргл. – Нет, конечно! На самом деле некоторые девочки освоили воровскую профессию гораздо лучше, чем многие ребята. Ремора входит в число наших лучших взломщиков. Так же как Селедка считается первоклассным механиком, несмотря на юный возраст. Я специально отобрал их для этой командировки, чтобы меня сопровождали самые умелые и надежные. Теперь понимаешь, Рен? В Анкоридже есть нечто, в чем я очень нуждаюсь. Оно попалось мне на глаза давным-давно, во время нашего с Коулом первого визита сюда на борту «Винтового червя», но тогда я не прибрал эту штуку к рукам, поскольку не понимал, какая от нее может быть польза.

– И что же это? – поинтересовалась Рен.

Гаргл ответил не сразу, но помедлил, изучающе рассматривая лицо девочки, словно хотел убедиться, что ей можно доверить то, о чем собирался сказать. Рен это понравилось. В отличие от большинства взрослых он относился к ней как к равной. Даже назвал ее женщиной и обращался с ней именно как с женщиной.

– Не думай, что мне это нравится, – произнес он наконец, внимательно глядя ей в глаза. – Поверь, мне совсем не по душе являться сюда вот так, тайком. Я бы предпочел играть в открытую, пришвартовать «Автолик» в гавани Анкориджа и сказать: «А вот и мы, ваши друзья из Гримсби, пришли просить вас о помощи». И это было бы возможно, если бы мои надежды оправдались и Коул стал уважаемым гражданином города. Но при нынешнем раскладе кто нам поверит? Мы же Пропащие Мальчишки, воры. И если мы скажем, что хотим заполучить всего лишь книгу, и ничего, кроме единственной книги из библиотеки маркграфини, нам просто никогда не поверят!

Ремора вошла в каюту и подала Рен жестяную кружку, полную горячего, душистого шоколада.

– Спасибо, – поблагодарила та, обрадованная возможностью переключить внимание и скрыть от Гаргла, как потрясло ее только что сказанное им.

Библиотека мисс Фрейи была для Рен одним из любимейших мест, сокровищницей с тысячами и тысячами чудесных старых книг. Когда-то она располагалась на верхних этажах Зимнего дворца, но, поскольку в той части здания больше никто не жил, отапливать помещения ради книг, по мнению мисс Фрейи, слишком расточительно, и библиотеку перенесли вниз…

– Вот почему вы не можете найти то, что ищете! – вдруг произнесла Рен вслух. – С тех пор как вы были здесь, книги переставили в другом порядке!

Гаргл кивнул, одобрительно улыбаясь.

– Совершенно верно! – подхватил он. – Краб-камам понадобятся недели, чтобы разыскать нужную книгу, но у нас нет столько времени. Вот я и подумал, мисс Нэтсуорти, а не поможете ли вы нам?

Рен в этот момент как раз отхлебнула шоколада. На Анкоридже его запасы давным-давно закончились, и Рен уже забыла, какой замечательный у него вкус. Но когда Гаргл задал свой вопрос насчет помощи, она чуть не поперхнулась.

– Я? – смогла она выдавить, прокашлявшись. – Я воровать не обучена…

– Речь идет не о том, чтобы ты воровала, – начал объяснять Гаргл. – Послушай, твой отец – очень умный человек. Насколько я помню, он всегда был с маркграфиней на дружеской ноге. Наверняка через него ты могла бы разведать, где хранится нужная нам книга. Только узнай место, скажи мне, а Ремора проделает всю работу. То, что мы ищем, называется Жестяная

Книга.

Рен никогда не слышала о такой книге, и это заставило ее помедлить с ответом, хотя она уже была готова наотрез отказаться. Вопреки ее ожиданию, Гаргл не покусился ни на одно из сокровищ Анкориджа, как, например, на рукописный иллюминированный сборник «Деяния Богов Льда» или *Historia Anchoragia* Уормволда. Поразмыслив, Рен спросила:

– Кому охота читать книжку про жесть?

Гаргл рассмеялся, будто услышал удачную шутку.

– Эта книга не про жесть, – сказал он. – Эта книга сделана из жести. Сшита из жестяных листов.

Рен в недоумении покачала головой. Ничего подобного ей видеть пока не доводилось.

– Зачем она вам?

– Затем, что мы воры, а книга, насколько я знаю, представляет ценность! – объяснил Гаргл.

– Наверное, только вам это известно, раз именно вы проделали за ней такой долгий путь!

– Есть люди, которые коллекционируют старые вещи – книги и прочее. Мы выменивaем у них то, что нам необходимо. – Гаргл помолчал, продолжая глядеть на нее в упор, затем снова заговорил с горячностью в голосе: – Пожалуйста, Рен, просто спроси у отца, и больше ничего. Он же не вылезает из музеев и библиотек, всегда был таким, я же помню! Вполне может оказаться, что ему известно, где хранится Жестяная Книга!

Рен неторопливо допивала шоколад, размышляя об услышанном. Если бы Гаргл охотился за иллюминированными «Деяниями» или одним из дорогостоящих изданий классической литературы, она бы не колеблясь сказала «нет». Но речь шла о каком-то металлоломе, о никому не известном и, судя по всему, не нужном старье… Так есть ли смысл ломать копья из-за подобного пустяка? Гарглу, очевидно, эта книга нужна позарез, и он готов на все, чтобы добиться своего, а здесь ее наверняка никто и не хватится.

– Хорошо, я спрошу, – нехотя согласилась Рен.

– Спасибо! – Гаргл взял ее за руку.

У него были теплые ладони и красивые глаза.

Рен уже предвкушала изумление и зависть Тилди, когда с наслаждением расскажет ей, как среди ночи угощалась горячим шоколадом в компании дерзкого подводного пирата. Но тут она вспомнила, что не только Тилди, но и никому другому не сможет сказать о Гаргле и его «Автолике». Что ж, так даже лучше. Теперь у нее есть собственная тайна.

– Давай встретимся завтра около шести в лесочке на верхушке холма, –

предложил Гаргл. – Годится? Сможешь улизнуть?

– Вообще-то, в это время как раз ужин… Меня мама будет искать.

– Тогда в полдень. В двенадцать часов. Можно чуть позже.

– Хорошо.

– Ну и ладненько. Хочешь, Ремора проводит тебя домой?

– Не надо, сама дойду, – отказалась Рен. – Я часто гуляю одна в темноте.

– Погоди, мы еще сделаем из тебя Пропащую Девчонку! – сказал Гаргл и засмеялся, чтобы Рен не приняла его слова всерьез.

Потом встал, она тоже поднялась со стула, и по узким коридорам пиявки оба направились к сходне. Селедка из рулевой рубки украдкой проводил их взглядом. Снаружи стояла прохладная ночь, светила луна, волны с тихим плеском набегали на берег, и вообще все было так, словно ничего не случилось. Рен помахала рукой, сказала «до свидания», снова помахала, повернулась и быстро зашагала прочь от озера к опушке леса.

Гаргл провожал ее взглядом, пока она не скрылась за деревьями. Сзади подошла девушка по имени Ремора, остановилась рядом и взяла его за руку.

– Думаешь, ей можно верить? – спросила она.

– Пока не уверен, но хочется надеяться. Попытка не пытка. Вообще-то, другого варианта у нас пока просто нет, и времени нет торчать здесь и тыкаться вслепую. В ихней свалке от краб-камов мало толку, тем более что у здешних сухопутников с нами давние счеты. Рано или поздно кому-то из них покажется знакомым шорох магнитных лапок в вентиляционных трубах. Да не переживай ты! Сейчас скажу Селедке, чтобы послал пару камер в дом Нэтсуорти, и, если Рен настучит на нас своим, узнаем вовремя.

– Ну и что будешь делать, если настучит?

– Тогда придется пришить всех, – пожал плечами Гаргл. – А Рен отдам тебе, чтобы ты получила удовольствие и возможность поупражняться со своим хорошеньким ножичком.

Они поцеловались и, обнявшись, поднялись по сходне на пиявку.

Ничего не подозревающая Рен благополучно добралась до дома. В голове у нее творился полный сумбур. Она чувствовала себя и виноватой, и счастливой одновременно. Ей казалось, что за последние несколько часов в ее жизни произошло гораздо больше, чем за все предшествующие пятнадцать лет.

Глава 4
Легенда о Жестяной Книге

Утро с самого рассвета выдалось ясное, над озером раскинулось чистое небо цвета колокольчиков, вода – прозрачная, как стекло, и такая тихая, что все острова Винляндии, казалось, мирно покоятся каждый на своем собственном перевернутом отражении. Рен еще спала, утомленная ночными приключениями, но Анкоридж у нее за окошком уже проснулся. Дымятся трубы всех тридцати заселенных домов, рыбаки приветствуют друг друга, шагая вниз по городским лестничным маршам к берегу, где их ждут причаленные лодки.

Над Мертвыми холмами, расположенными в южной части острова, с северной стороны возвышается пятнистая гора, нижние склоны которой покрывают зеленые заросли кустарника, молоденьких сосенок и сочной травы, испещренной полевыми цветами. Вот на одном из крутых горных лужков пасется стадо диких оленей. Их очень много в лесах этого благодатного острова; некоторые уже переплыли на другие, необитаемые острова и остались жить там. Люди долгое время гадали, откуда взялись олени в этих краях: то ли выжили здесь с тех пор, как пала древняя Американская империя; то ли пришли с Севера, из Заполярья; то ли добрались сюда с дальнего Запада из неведомых и, видимо, обширных зеленых оазисов. Однако единственный интерес, который олени представляли для Эстер Нэтсуорти, когда она натягивала тетиву своего лука, укрывшись среди деревьев с подветренной стороны стада, – это количество добытой оленины.

Спущенная тетива издала короткий, упругий звук, олени высоко подпрыгнули на месте и бросились бежать вверх по склону в спасительную чащу – все, кроме самой крупной самки, упавшей замертво с торчащей из сердца стрелой. Ее тонкие ноги еще долго били копытами в воздухе. Эстер не спеша подошла к затихшей оленухе, вытащила стрелу, обтерла пучком травы наконечник и аккуратно сунула ее на место в висящий за спиной колчан. В безмятежном солнечном свете кровь животного была ярко-красной. Эстер погрузила палец в рану и провела кровавую черту у себя на лбу, одновременно произнося негромким голосом молитву богине охоты, чтобы душа убитой оленухи не преследовала ее. Затем с трудом взвалила тушу на плечо и зашагала вниз по склону холма к лодке.

Другие винляндцы редко охотились на оленей. Объясняли это тем, что

им вполне хватает озерной рыбы и птицы. Но Эстер считала, что ее земляки просто слишком мягкосердечные, у них рука не поднимается убивать этих животных с огромными выразительными глазами и красивыми стройными телами. Сердце Эстер было твердым как камень и рука твердая, поэтому и охотницей она слыла самой лучшей. Ей нравилось ощущение покоя и одиночества, которое дарил ей лес ранним утром; здесь она отдыхала от присутствия своей дочери, Рен.

Эстер с ностальгией вспоминала маленькую веселую девочку, какой была Рен в детстве, как она поднимала своими ножками брызги на мелководье или засыпала у нее на коленях под колыбельную песню. И когда дочка с радостью смотрела ей в лицо и нежно трогала пальчиками пересекающий его ужасный шрам, Эстер со светлым чувством думала, что вот наконец появился на свете дорогой ей человек, который будет всегда любить ее такой, какая она есть, не испытывая ни малейшей неловкости из-за уродства матери. Том хоть и утверждает неизменно, что не придает никакого значения внешности и любит ее за многое другое, но Эстер все же так и не удалось справиться с подозрениями, что втайне он мечтает о другой, красивой женщине.

Рен между тем росла и, когда ей исполнилось восемь или девять, начала смотреть на мать так же, как и все вокруг. Нет, она не говорила ничего обидного, просто Эстер хорошо знала этот жалеющий, неловкий взгляд и чувствовала отчужденность Рен, если ее друзья видели их вместе. Дочь стыдилась своей матери.

– Это возрастное, – пытался успокоить жену Том, когда она пожаловалась ему. Он обожал дочь и, как казалось Эстер, всегда и во всем принимал ее сторону. – Подростковый период, сама знаешь. У нее это скоро пройдет.

Но Эстер не знала, что такое подростковый период. У нее детство закончилось, когда она была совсем маленькой и ее мать и мужчину, которого она считала своим отцом, зверски убил Таддеус Валентайн, ее настоящий родитель, а на лице дочери навек оставил страшную отметину. Эстер понятия не имела, что значит быть обычным ребенком… По мере того как взрослела Рен, характер ее становился все более своенравным, а длинный, с горбинкой нос деда все заметней выпирал на лице девочки, как лезвие ножа, проткнутое сквозь портрет. Эстер уже с трудом могла спокойно общаться с дочерью и раз-другой со стыдом ловила себя на мысли о том, что лучше бы Рен не рождалась. Ей хотелось снова остаться вдвоем с Томом и, как в старое доброе время, вместе путешествовать по птичьим дорогам.

* * *

Когда Рен проснулась, солнце уже стояло высоко. Через открытое окошко с берега доносились возгласы рыбаков, смех ребятишек, размеренный стук топора во дворе, где отец колол дрова. Девочка почувствовала во рту слабый привкус шоколада. Ей вдруг стало очень радостно на душе. Рен полежала в постели еще немного, наслаждаясь мыслью о том, что никто из этих людей за окном и вообще ни один человек во всей Винляндии ведать не ведает, о чем знает только она. Потом выбралась из постели и побежала в ванную. Из старого, в пятнышках, зеркала над умывальником на нее взглянуло собственное отражение – узкое умное лицо. Рен с обычным отвращением посмотрела на острый, вроде птичьего клюва, нос и прыщики вокруг слишком маленького рта. Зато глаза ей нравились: огромные, широко расставленные, насыщенного серого цвета – глаза моряка, сказал однажды папа, и это прозвучало очень красиво, хоть и не совсем понятно. Она зачесала назад медно-рыжие волосы, связала их на затылке и вспомнила, как Гаргл назвал ее хорошенькой. Раньше Рен не задумывалась о своей внешности, но теперь, разглядывая себя в зеркале, решила, что он прав.

Сбежала вниз по лестнице. В кухне никого. За окном на веревке сушатся белоснежные мамины сорочки. Мама как-то уж слишком переживает по поводу собственной одежды. Носит только мужское (благо заходи и бери, что приглянется, в бесхозных магазинах Заполярной аркады) и лезет из кожи вон, лишь бы все у нее было стираное, глаженое и не дай бог прохудится или моль попортит. Будто опрятная одежда заставит людей не замечать ужасный шрам, рассекающий пополам ее лицо. Это еще одно свидетельство того, какая мама несчастная, подумала Рен, достала кувшин с холодным молоком, налила себе в стакан и размазала мед по оставшейся с вечера овсяной лепешке. Ну хорошо, а каково приходится Рен, имея такую не похожую ни на кого мамашу? Вон отец Тилди, старый мистер Смью… Никому не кажется странным, что в нем росту меньше метра, ведь он свой, из Анкориджа, к нему привыкли. С мамой же все иначе. Ни с кем не дружит, оттого ее уродство и бросается в глаза людям. Как была чужачкой, так и осталась, из-за нее и дочь тоже иногда чувствует себя здесь посторонней.

Может, потому ее так тянуло сейчас к Пропащим Мальчишкам. И Гаргл, наверное, ощутил в девочке общее для обоих состояние неприкаянности и решил ей довериться.

На ходу жуя лепешку, Рен вышла во двор, стараясь держаться подальше от белых сорочек, чтоб не запачкать медом. Отец ставил одно за другим поленья на отпиленный от толстого дерева большой кусок ствола и топором раскалывал их на две половинки. Его голову покрывала старая соломенная шляпа, поскольку с возрастом волосы у него заметно поредели и лысина подгорала на солнце. Увидев Рен, он сразу перестал махать топором и сел на обрубок дерева, держась рукой за грудь. Рен поняла, что у отца снова разболелась старая рана; появление дочери дало ему предлог сделать перерыв в работе.

– Ну, проснулась наконец? – только и спросил он.

– Нет, это я во сне хожу, не видишь?

Рен носком ботинка отбросила с дороги пару щепок, подсела к отцу, поцеловала его в щеку и положила голову ему на плечо. Она слушала, как жужжат пчелы над ульями в углу двора, и размышляла, как бы завязать разговор о Жестяной Книге Анкориджа, не раскрывая своего истинного интереса. Но вместо этого вдруг решила задать совсем другой вопрос:

– Па, а помнишь тех Пропащих Мальчишек?

Отец замялся, как всегда бывало, когда речь между ними заходила о делах давно минувших дней, и принялся поигрывать широким золотым браслетом у себя на запястье – обручальным браслетом с гравировкой из его с мамой инициалов, сплетенных вместе.

– Пропащих Мальчишек… – повторил он. – Уж их-то я вряд ли когда-нибудь забуду…

– А вот интересно, – продолжала Рен, – они в самом деле такие плохие?

– Ну ты же знаешь Коула. Что ж он, плохой?

– Неплохой, но немного странный.

– Пусть странный, зато человек хороший. Когда тебе понадобится помощь, можешь смело к нему обращаться. Если хочешь знать, именно благодаря Коулу нам удалось добраться сюда. Если бы он не сбежал из Гримсби вместе с картой Снори Ульвессона…

– Да знаю я, знаю… – перебила Рен. – Но я спрашиваю про тех, что в Гримсби. Вот они-то, наверное, действительно плохие…

Том покачал головой:

– Главный у них – Дядюшка – самый настоящий злодей. Он заставляет их заниматься гадкими делами. Но мне кажется, в большинстве Пропащих Мальчишек есть и плохое и хорошее, так же как во всех остальных людях. Помню, там был парнишка по имени Гаргл. Это он спас Коула, когда Дядюшка собирался его убить, а через него и карту для нас тоже он

передал.

– Значит, Гаргл такой же хороший, как Коул?

– Пожалуй, да, в определенном смысле.

– А ты видел его? Сколько ему тогда было лет?

– Да совсем маленький, – ответил отец, заметно взволнованный воспоминаниями о жутком, хоть и недолгом времени, проведенном в логове Пропащих Мальчишек. – Лет девять-десять. Может, даже меньше.

Если Гарглу было только девять, когда с ним познакомился папа, значит сейчас ему не больше двадцати пяти, то есть не настолько уж старше ее самой, с удовлетворением подсчитала Рен. И ведь уже тогда совершил благое дело – помог спасти Анкоридж.

– А тебе зачем вдруг понадобилось это знать? – спросил папа.

– Так просто, – постаралась ответить Рен как можно равнодушнее.

Ей впервые приходилось врать отцу, которого она любила, как никого на всем белом свете. Он всегда обращался с ней как с другом, а не просто как с ребенком, и еще не было случая, чтобы Рен скрыла от отца правду. Ей нестерпимо захотелось рассказать ему о происшествии на северном берегу острова и услышать совет, как ей поступить. Но нет, нельзя этого делать, таким образом она предала бы Гаргла.

Том продолжал вопросительно смотреть на нее, и Рен поспешно добавила:

– Не знаю, взбрело в голову ни с того ни с сего, стала думать о них, вот и все.

– Потому что они Пропащие? Или потому что Мальчишки?

– А вот это секрет! – поддразнила Рен, сунула в рот последний кусок лепешки с медом и чмокнула отца в щеку липкими губами. – Ладно, пойду к Тилди. Пока!

Она вышла со двора через калитку и зашагала по Сириус-Корт, а солнце золотом горело на ее волосах. Том стоял и с гордостью смотрел вслед дочке, любуясь ее высокой стройной фигурой, пока она не свернула за угол. В который раз после всех прошедших лет он изумлялся, как это ему и Эстер удалось создать нового человека, самостоятельную личность.

Укрывшись в тени под поленницей, радиоуправляемый краб-кам фокусировал на Томе свой объектив. Подрагивающее изображение его лица светилось на круглом голубом экране где-то в укромном месте на одном из островков посреди озера.

– Чуть не проболталась! – воскликнул мальчик по прозвищу Селедка. – Теперь он догадается!

Гаргл похлопал его по плечу:

– Не беспокойся. Нэтсуорти так же слеп, как и все сухопутники. Ничего не заподозрит.

* * *

Рен быстро добралась до дома Тилди, но заходить в калитку не стала. Все семейство Смью, без сомнения, с утра в полном составе отправилось в свой сад собирать яблоки. Рен знала, потому что накануне сама обещала прийти и помочь. Но ведь тогда она даже предположить не могла, что у нее появится более важное дело.

В одно мгновение проскочила через Заполярную аркаду, не забыв посмотреться, как в зеркало, в запыленные витрины заброшенных магазинов, потом бегом по проспекту Расмуссен и наконец взлетела вверх по пандусу, ведущему к Зимнему дворцу. Огромные двери парадного входа летом не закрывались. Рен, не сбавляя хода, вбежала внутрь и позвала:

– Мисс Фрейя!

Но в ответ прозвучало лишь эхо ее собственного голоса, отразившееся от высоченного потолка. Она снова вышла наружу, обогнула дворец по ведущей вдоль стены дорожке, посыпанной гравием, и тут же увидела мисс Фрейю, которая у себя в огороде срывала стручки фасоли и складывала их в корзину.

– Рен! – обрадовалась она при виде девочки.

– Здрасьте, мисс Фрейя!

– Пожалуйста, обращайся ко мне просто Фрейя, – сказала мисс Фрейя, наклоняясь и опуская корзину наземь.

Можно подумать, для этой женщины жизненно важно убедить окружающих называть ее просто Фрейя, однако до сих пор ей не удалось добиться своей цели. Долгожители Анкориджа помнили, что она – последняя представительница рода Расмуссен, и в разговоре с ней по-прежнему добавляли официальные титулы «маркграфиня», или «ваше сиятельство», или «свет ледяных полей». Молодежь знала ее прежде всего как свою школьную учительницу, а значит, для них она навечно «мисс Фрейя».

– Ты ведь теперь совсем взрослая, – говорила она, улыбаясь и промокая платочком испарину на своем круглом лице. – Возможно, мы скоро станем коллегами. Ты обдумываешь мое предложение прийти в школу обучать маленьких, когда завершится сбор урожая яблок?

Рен постаралась сделать вид, что ее привлекает эта идея, но пока не

приняла окончательного решения. В глубине души она боялась, что если согласится работать в школе, то в конечном итоге станет такой же, как мисс Фрейя, – доброй, толстой и незамужней. Рен быстро переменила тему разговора, попросив:

– Можно мне взять книгу в библиотеке?

– Конечно! – немедленно, как и ожидала Рен, согласилась мисс Фрейя. – Тебе не обязательно каждый раз спрашивать разрешения. Ты хочешь какую-то конкретную книжку?

– Да, мне папа рассказывал про нее. Жестяную Книгу.

Рен немедленно покраснела с непривычки врать, но мисс Фрейя не заметила.

– Ах, эту старушку! Вряд ли ее даже можно назвать книгой, она скорее антиквариат. Часть хлама, унаследованного от дома Расмуссен.

Обе направились в библиотеку. Неудивительно, подумала Рен, что Пропащим Мальчишкам понадобилась ее помощь. Огромное помещение было забито высоченными, от пола до потолка, стеллажами с книгами, расставленными в порядке, известном только самой мисс Фрейе. Потрепанные бумажные обложки старых изданий Чун-Май Споффорта и Рифка Буги соседствовали с деревянными футлярами, в которых хранились бесценные древние свитки и рукописные книги. На футлярах золотыми буквами значились названия содержащихся в них манускриптов, но многие уже стерлись и потускнели, так что не прочесть. Да и откуда Пропащим Мальчишкам знать грамоту? В общем, перед бедными воришками стояла практически невыполнимая задача.

Мисс Фрейе пришлось забраться на стремянку, чтобы дотянуться до самой верхней полки. Рен стало совестно и немножко боязно: а вдруг свалится – не пристало маркграфине с ее весом карабкаться по крутым шатким ступенькам. Но мисс Фрейя знала, что делает, и вскоре благополучно спустилась вниз, порозовев от напряжения, держа в руках футляр, украшенный гербом дома Расмуссен, вырезанным из бивня нарвала.

– Взгляни-ка, – предложила она, отпирая замок футляра с помощью ключика, снятого с крючка на ближайшей стенке.

Внутри ящичек был обит искусственным шелком, на котором лежала вещь, соответствующая описанию Гаргла, – книга из двадцати листов жести размером пятнадцать на двадцать сантиметров, скрепленных между собой ржавой проволокой. Листы толстые, с завернутыми кромками, чтоб не порезать пальцы о заусенцы, металл потускнел и покрылся пятнами ржавчины. На самом первом листе нарисован овал, в нем – корявое

изображение орла, а вокруг и внизу – какой-то текст, который нельзя прочитать, настолько стерся. Остальные листы сохранились лучше, вполне можно разобрать длинные строчки букв, чисел и значков, старательно нацарапанных кем-то на жестяной поверхности. Для Рен они ничего не значили. Единственное, что показалось ей хоть сколько-нибудь вразумительным, – приклеенная к последнему листу потертая бумажная этикетка с печатью в виде герба Анкориджа и надписью: *Ex Libris Rasmussen*.

– Не слишком впечатляет, правда? – сказала мисс Фрейя. – Зато считается очень-очень древней. Существует легенда об этой книге, которую историк Уормволд приводит в своей *Historia Anchoragia*. Давным-давно, после ужасов Шестидесятиминутной войны, жители Анкориджа были вынуждены бежать с насиженного места куда глаза глядят, чтобы заново отстроить свой город. Они плыли на утлых лодчонках по северным морям в поисках какого-нибудь острова, где оказались бы в безопасности. По пути натолкнулись на потерпевшую аварию подводную лодку. Ее экипаж погиб от эпидемий и радиоактивных бурь – все, кроме одного человека, который находился при смерти. Он вручил моей прародительнице, Долли Расмуссен, один документ и завещал сохранить его любой ценой. Долли согласилась, и документ передавался от матери к дочери из поколения в поколение рода Расмуссен, пока бумага не пришла в негодность… Тогда сделали копию документа, но, поскольку бумага в то время была большой редкостью, текст переписали на расплющенных молотом старых консервных банках. И конечно же, люди, которые этим занимались, наверняка имели не больше понятия о его значении, чем мы с тобой. Однако сам факт, что содержание документа дошло до нас из навсегда утерянного довоенного мира, превращает его в священную реликвию.

Рен перелистывала металлические страницы, и они скрипели и скрежетали по соединяющей их проволоке. Она попыталась представить себе переписчика, который при свете фитиля, плавающего в тюленьем жире, посреди вековой темени ядерной зимы старательно копировал чем-то острым непонятные ему знаки в самоотверженном стремлении сохранить хоть что-то из прежней жизни, погубленной войной.

– Но для чего? – вслух гадала девочка. – И почему тот документ был так важен для моряка с подводной лодки?

– Этого никто не знает, Рен, – ответила мисс Фрейя. – Может, он умер, не успев сказать, а если успел, то его слова канули в Лету. Жестяная Книга – лишь одна из множества нераскрытых тайн, доставшихся нам от Древних. Известно только, что среди математических формул почему-то

несколько раз упоминается имя тогдашнего божества – Одина. Значит, текст, возможно, имеет отношение к религии. Да, а орел на первом листе соответствует печати президента Американской империи.

Рен критически взглянула на рисунок:

– По мне, так больше похоже на мокрую курицу.

Мисс Фрейя засмеялась. Она стояла в сиянии полуденного солнца, заливавшем библиотеку через оконные проемы, и казалась невероятно красивой – большой и золотистой, словно земная богиня, и Рен чувствовала огромную любовь к этой женщине и одновременно стыд из-за того, что хочет ее обворовать. Она задала еще несколько вопросов для отвода глаз, хотя, в общем-то, потеряла интерес к истории Жестяной Книги. Потом вернула древнюю реликвию владелице, пообещав не медлить с ответом, намерена ли она стать учительницей, и оставила мисс Фрейю копаться в огороде.

* * *

Время летело, тень от Зимнего дворца быстро перемещалась по ржавому настилу городской палубы по мере того, как поднималось солнце. Приближался условленный час свидания Рен с Гарглом. А на душе у девочки становилось все неспокойнее. Гаргл, конечно, решительный, смелый, красивый, и ей очень хотелось помочь Пропащим Мальчишкам, однако рука не поднималась красть у людей, вместе с которыми жила со дня своего рождения. Рано или поздно кто-нибудь хватится Жестяной Книги, и тогда мисс Фрейя припомнит расспросы Рен и подозрение неизбежно падет на нее.

И вообще, что это за Жестяная Книга такая? Почему Гаргл из кожи вон лезет, чтобы заполучить ее? Рен не настолько глупа. Она знала, что некоторые документы Древней эры могут содержать по-настоящему опасную информацию; папа рассказывал как-то, что Лондон – город, в котором он вырос, – буквально разрушило до основания устройство под названием МЕДУЗА. А вдруг Жестяная Книга – инструкция по сборке подобного устройства и Гаргл нашел способ расшифровать эти записи?

Рен добрела до южного края города, спустилась к причалу по трапу, истертому сапогами рыбаков, села на берегу в тени старых, давно заржавевших гусениц и стала размышлять о том, как же ей все-таки поступить. Огромная тайна, вызывавшая поначалу приятное волнение, теперь все больше распирала ее изнутри и превращалась в источник

досадного беспокойства. Хотелось поделиться с кем-нибудь своими сомнениями. Но с кем? Только не с мамой, или папой, или мисс Фрейей; известие, что Пропащие Мальчишки добрались до Винляндии, приведет их в ужас. Тилди? У нее, скорее всего, начнется истерика. Рен подумала было, а не рассказать ли обо всем Нэту Заструджи, попросить его о помощи, но почувствовала, что теперь, после знакомства с Гарглом, он больше не кажется ей таким уж красивым; да и вообще, просто мальчишка, неинтересный вовсе, увалень и ни в чем не разбирается, кроме рыбной ловли.

Задумавшись, она не заметила, как в заводь вплыла лодка и причалила к берегу, пока не услышала голос матери:

– Рен! Ты что там сидишь? Иди сюда, помоги мне вытянуть это!

«Это» оказалось безжизненным телом несчастной маленькой оленухи с дырой в груди. Мама тащила его через борт лодки, чтобы затем отнести домой на Сириус-Корт, а там разделать и засолить мясо на зиму. Рен поднялась и направилась было к матери, но тут обратила внимание на солнце, которое стояло уже высоко.

– Не могу! – сказала она.

– Что?

– Меня ждут!

Эстер уронила тушу животного и уставилась на дочь:

– Кто же тебя ждет? Полагаю, этот мальчишка, Заструджи?

Рен не собиралась затевать очередную ссору, но после слов матери вспыхнула как спичка.

– Ну так что из того? – повысила она голос. – Почему бы и нет? Я уже не маленькая! Может, хочешь, чтобы я была, как ты? Если ты в моем возрасте не нравилась мальчикам, это не значит…

– В твоем возрасте, – перебила ее мать глухим низким голосом, в котором звучала угроза, – я уже испытала такое, о чем ты понятия не имеешь. И мне хорошо известно, чего можно ожидать от людей. Вот почему и я, и папа все время защищаем тебя, не отпускаем от себя, чтобы ты была в безопасности.

– Ах, вы меня защищаете? – с горечью воскликнула Рен. – Ну конечно, тебя послушать, в Винляндии опасности подстерегают на каждом шагу! Да здесь ничего никогда ни с кем не может случиться! Только и твердишь, как тебе тяжело жилось, как мне повезло по сравнению с тобой, а я считаю, жизнь тогда была гораздо интереснее! Наверняка и папа так думает. Я же видела, как он подолгу рассматривает ту фотку с вашим воздушным кораблем. Папа любил свободу, ему нравилось летать по всему свету, и я

уверена, летал бы до сих пор, если бы не застрял здесь с тобой!

Тут мама ударила ее. Пощечина была сильной и неожиданной, широко раскрытой ладонью, и мамин обручальный браслет оцарапал щеку Рен, когда голова у нее дернулась в сторону. Мать, бывало, раньше шлепала ее, но в последний раз это случилось давным-давно. Рен почувствовала, как горит щека, дотронулась и увидела на пальцах пятнышки крови. Хотела что-то сказать, но горло сдавило, и она не смогла произнести ни слова.

– Вот тебе, – пробормотала Эстер охрипшим голосом.

Казалось, случившееся потрясло ее не меньше Рен. Она протянула руку, желая лишь слегка коснуться лица дочери, но та увернулась и бросилась бежать по берегу в густой прохладный сумрак под громадой Анкориджа. Пронеслась через нежилые кварталы старого города и снова выскочила с другой стороны на солнцепек среди зеленых пастбищ. Вслед донесся сердитый голос матери: «Рен! Вернись! Вернись немедленно!» Но девочка бежала и бежала по опушке леса, чтобы не попасться на глаза сборщикам яблок в садах, бежала, не разбирая дороги, пока, запыхавшаяся, вся в слезах, не очутилась на скалистой верхушке горы, где ее ждал Гаргл.

Глава 5
Новости с океана

Он был сама доброта и участие: усадил ее на теплый мох, ковром устилающий валун, вытер носовым платком горькие слезы обиды и держал за руку, пока девочка не успокоилась и не смогла говорить.

– Ну что ты, Рен? Что с тобой?

– Ничего. Нет, честно, ничего… Ну и пусть. Это все мама. Она плохая.

– А вот это неправда. – Гаргл опустился на колени рядом с ней.

Рен казалось, что с момента ее появления он ни на секунду не отвел в сторону своих добрых, заботливых глаз, прикрытых синими очками, глаз друга.

– Тебе повезло, что у тебя есть мама, – продолжал Гаргл. – Пропащих Мальчишек похищают, когда они совсем маленькие. Никому из нас не известно, кто наши мамы и папы, хотя иногда они приходят к нам во сне, и тогда очень-очень хочется увидеть их наяву. И раз твоя мама строга с тобой, значит ты ее чем-то расстроила.

– Ты ее просто не знаешь, – еле выговорила Рен, стараясь не всхлипывать. Наконец это ей удалось, и она добавила: – Я видела ту книгу.

– Ты нашла Жестяную Книгу? – В голосе Гаргла звучало неподдельное удивление, будто, обеспокоенный состоянием Рен, он совсем забыл, для чего в первую очередь явился сюда, в Винляндию. – Спасибо тебе! За одно утро тебе удалось сделать то, на что у нас бы ушло не меньше недели. Где она?

– Не знаю, – неуверенно промолвила Рен. – То есть я не знаю, правильно ли будет, если скажу тебе. А тебе известно, что это за книга? Мисс Фрейя рассказала мне о ее происхождении, но… Для чего она может понадобиться кому-то? Что с ней делать?

Гаргл поднялся с колен и, глядя прямо перед собой, молча отошел от девочки, остановившись к ней спиной среди сосен. Как показалось Рен, он обиделся и рассердился, и она испугалась, что говорила с ним слишком недружелюбно. Но когда тот снова повернулся к ней лицом, оно выражало лишь тревогу, и ничего больше.

– Рен, мы в опасности, – начал Гаргл. – Ты когда-нибудь слышала о профессоре Пеннирояле?

– Конечно. Он стрелял в папу и серьезно ранил его. Из-за него чуть не погиб весь Анкоридж. Он угнал воздушный корабль, принадлежавший

маме с папой, и скрылся на нем…

– Так вот, Пеннироял написал обо всем этом книгу, – продолжал Гаргл, – под названием «Золото хищников». Еще в ней говорится о том, как «пираты-паразиты», по его собственному определению, появляются из морских глубин сквозь ледяную толщу и грабят города. Содержание книги в основном – сущая клевета, но ее раскупают, как горячие пирожки, жители плавучих городов Северной Атлантики и городов-ледоходов, то есть именно тех, за счет которых существуют Пропащие Мальчишки. Города принялись устанавливать у себя олд-тековские охранные системы и ежедневно проверяют свои днища, чтобы вовремя обнаружить паразитов. Теперь пиявкам стало намного опаснее работать!

Профессор Пеннироял… На протяжении всей своей жизни Рен то и дело слышала рассказы о злодеяниях этого человека. Она видела на груди отца длинный, похожий на перевернутую букву «Г» шрам, оставшийся после того, как миссис Скабиоз извлекла оттуда пулю. А теперь его жертвами, оказывается, стали и Пропащие Мальчишки!

– Но все же непонятно, зачем вам Жестяная Книга? – настаивала Рен.

– Мы вынуждены посылать пиявки все дальше и дальше на юг, – стал объяснять Гаргл. – Прямиком в Срединное море и Южный океан, где плавучие города еще не ждут нас. Во всяком случае, до сих пор не ждали. Этим летом у нас начали пропадать пиявки. Сразу три штуки уплыли в южном направлении и не вернулись. Никаких сообщений, сигналов бедствия, ничего. Я даже подумал, что какой-то из городов обзавелся аппаратурой, позволяющей засекать нас еще на подходе, и потопил или захватил в плен те пиявки. А если наши попали в плен и заговорили под пытками…

– Кто-то может пуститься на поиски Гримсби?

– Именно. – Гаргл посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом, словно благодарил за понимание и радовался тому, что доверился этой смышленой девочке. Потом снова вернулся к делу: – Нам необходимо победить сухопутников в этой борьбе за выживание, Рен. Вот почему мне нужна Жестяная Книга.

– Но в ней ничего нет, кроме бесконечных чисел, – возразила Рен. – Она хранилась на американской подводной лодке…

– Правильно, – подхватил Гаргл. – У Древних имелись подлодки, намного совершеннее всего, что есть сейчас у нас. Подводные крейсеры величиной с город могли запросто обогнуть весь земной шар, ни разу не всплывая на поверхность, чтобы пополнить запас воздуха. Обзаведись мы такой техникой, никакие сухопутники не страшны. Мы бы сделали

движущимся весь Гримсби целиком, и тогда ищи ветра в море.

– Так ты думаешь, Жестяная Книга – это описание конструкции подводной лодки?

– Вряд ли полное описание, но наверняка достаточное, чтобы понять, как она устроена. Прошу тебя, Рен, скажи, где хранится книга?

Рен покачала головой:

– Послушай, вам не нужно бояться мисс Фрейи и остальных. Давай пойдем в город вместе. Познакомишься со всеми. Я расспросила папу, и он сказал, что ты помог спасти Анкоридж. Опять же тебе, как и нам, тоже досталось от Пеннирояла. Я уверена, мисс Фрейя с радостью подарит тебе Жестяную Книгу.

Гаргл тяжело вздохнул:

– Хотелось бы, чтоб это было так. Очень хотелось бы. Да только времени нет. Столько придется объяснять, преодолевая барьер недоверия. А пока мы здесь разговоры разговариваем, пиявки продолжают исчезать и враг, возможно, уже подбирается к Гримсби. Прости, Рен. Нам придется провернуть это дело так, как подобает Пропащим Мальчишкам. Скажи, где книга, мы сегодня же возьмем ее и отчалим. А уж потом, когда Гримсби снова будет в безопасности, я, возможно, вернусь, познакомлюсь со всеми и наши города будут сосуществовать в мире и согласии.

Рен отстранилась от него и поспешно отошла в сторону, туда, где сквозь деревья можно видеть верхушки крыш Анкориджа. Конечно, он говорил несерьезно насчет того, что вернется, Рен не сомневалась. Сказал это только для ее успокоения. Уедет, и она уже никогда его не увидит. Зачем ему возвращаться в винляндское захолустье, если перед ним открыт весь мир? Мир городов, что плывут, летят, катятся, а в небе над ними повсюду парят воздушные корабли? Вот в какой мир возвращается Гаргл, а она… Самое большее, что выпадет на ее долю, – работать помощницей мисс Фрейи, медленно стариться в беспросветной скуке Анкориджа и когда-нибудь – если мама разрешит – стать женой Нэта Заструджи и нарожать ребятишек, не знающих, куда деваться от той же нескончаемой скуки.

– Рен, – позвал Гаргл.

– Нет, – решительно сказала она и повернулась, глядя ему в лицо и стараясь сдерживать дрожь в голосе. – Нет, я не скажу тебе, где спрятана книга. Я сама возьму ее и принесу сегодня вечером. И уеду с тобой.

Она засмеялась и широко развела руки, словно охватывая Анкоридж вместе с озером и холмами за ним и весь Мертвый континент.

– К черту этот город! Мне здесь слишком тесно. Ты уедешь, и я уеду. Хочу увидеть Гримсби, и Охотничьи земли, и плавучие города, и

движущиеся города, и птичьи дороги. Вот моя цена за Жестяную Книгу! Я сама принесу ее тебе, а ты возьмешь меня с собой.

Глава 6
Мы создаем новый мир

Доктор Зеро самоотверженно относилась к работе, часто задерживалась допоздна, когда фабрика Сталкеров затихала и пустела в ночи, и все продолжала своими чуткими пальцами оперировать вскрытую грудную клетку или обнаженный мозг Шрайка. При этом постоянно разговаривала со старым Сталкером, сообщая обо всем, что произошло за годы, прошедшие со дня его погребения. Рассказала и о том, как в странах – противниках Движения в старой Азии и на Севере – власть перешла к экстремистской фракции Зеленая Гроза и та начала затяжную войну против движущихся городов. Рассказала о бессмертном вожде Зеленой Грозы – Сталкере Фанг.

– ВОЖДЬ – СТАЛКЕР? – удивился Шрайк.

У него уже сформировалось свое представление о Сталкерах Зеленой Грозы: бездумные, безликие существа, не способные даже восстановить собственный энергетический ресурс, потому что кто-то посторонний должен вынимать и после подзарядки вновь устанавливать их аккумуляторы через каждые несколько дней работы. Подобные ублюдочные образцы стали нынешним стереотипом Воскрешенных людей. Непостижимо, каким образом одно из таких несовершенных созданий могло вести в бой целые армии.

– Нет-нет, Сталкер Фанг совсем не похожа на них, – заверила его доктор Зеро. – Она прекрасна, она гениальна. В ее мозгу, как и в вашем, использован олд-тек, а корпус оснащен специальными устройствами и сконструирован на основе тела знаменитой Анны Фанг, агента Лиги противников Движения. По мнению руководства Грозы, под предводительством воскрешенной Анны Фанг мы сможем довести войну против варваров до победного конца.

При упоминании о войне в сознании Сталкера Шрайка проснулись первичные инстинкты. Мышцы рук напряглись – однако, вопреки ожиданию, он не услышал клацанья выпускаемых лезвий.

– Я демонтировала ваши перстяные клинки, – сказала доктор Зеро.

– НЕДОУКОМПЛЕКТОВАННОСТЬ ВООРУЖЕНИЕМ СНИЖАЕТ МОЮ БОЕСПОСОБНОСТЬ, – заметил Сталкер.

– Мистер Шрайк, – начала объяснять доктор Зеро, – у меня хватает подручного материала, чтобы собрать очередного функционально

ограниченного боевого Сталкера. Мы не испытываем недостатка в человеческих трупах для технологического воскрешения. Но вы представляете для нас особую ценность, ваша древняя конструкция недосягаема для современного производства. Вы не просто машина-воин, вы – личность. – Она прикоснулась к его невооруженной ладони. – Мне приятно работать со Сталкером, которому доступны чувства однаждырожденных.

* * *

Для переброски Шрайка в место дислокации передового командования прибыл воздушный корабль «Печаль всего сущего»[2]. Во время полета курсом на запад Сталкер стоял в наблюдательной гондоле рядом с доктором Зеро. Под ними проплывали сначала заснеженные горные вершины, затем восточные равнины Охотничьих земель, которые теперь контролировала Зеленая Гроза, где там и сям посреди травы громоздились ржавеющие останки движущихся городов, павших на поле боя.

– Всю эту территорию мы захватили в первые же недели войны, почти четырнадцать лет назад, – поясняла своему подопечному доктор Зеро. – Варвары совершенно не ожидали широкомасштабного воздушного налета, осуществленного с низкой высоты из-за горного прикрытия. Мы начали быстро продвигаться на запад, гоня перед собой стадо дезорганизованных городов, сметая с пути любого, кто отваживался развернуться и оказать сопротивление. Но постепенно города стали группироваться и создавать оборонительные позиции. Так, объединение немецкоговорящих промышленников «Тракционштадтсгезельшафт» сумело остановить продвижение наших войск на запад и отбросить их назад в район Ржавых болот, а сборища славянских бродячих городишек нанесли удары по нашим укреплениям на Хамчатке и в горах Алтай-Шаня. С тех пор дело застопорилось. Время от времени нам удавалось незначительно продвинуться на запад и уничтожить несколько городов, иногда они оттесняли нас на восток и по пути пожирали наши крепости и фермы.

Местность внизу стала выглядеть иначе: земля изрыта и исполосована шрамами – следами недавних сражений. Солнечный свет отражался в заполненных водой громадных воронках, как в зеркалах, вшитых в толстое одеяло из грязи. С такой высоты широкие борозды от гусениц вражеских боевых пригородов и траншеи позиционной обороны грозовиков казались почти одинаковыми.

– Все твердим, что снова делаем мир зеленым, – грустно вздохнула доктор Зеро. – А на самом деле только превращаем его в грязь.

* * *

Передовое командование расположилось в захваченном движущемся городе – небольшом четырехъярусном сооружении, застывшем у подножия холма в районе северной окраины Ржавых болот. Перебитые гусеницы валялись в грязи. На искореженных и закопченных нижних уровнях никаких признаков жизни, зато на верхних этажах в сгущающихся сумерках загорались огоньки. Боевые дирижабли непрерывно садились и взлетали с построенных на скорую руку причалов, над поврежденными кровлями зданий взмывали стаи птиц. Шрайк удивился, как организованно уворачивались птичьи стаи от воздушных кораблей, но когда «Печаль всего сущего» подошла ближе, понял, что это не живые птицы, а Сталкеры. Их глаза светились точно таким же потусторонним зеленым светом, как и его, а вместо клювов и когтей поблескивали лезвия. Внизу, по дорогам, проложенным в грязи бульдозерами, маршировали колонны Сталкеров – человекообразных и похожих на огромных крабов, членистоногих.

– У ЗЕЛЕНОЙ ГРОЗЫ МНОГО СТАЛКЕРОВ, – заметил Шрайк.

– А нужно еще больше – у Зеленой Грозы впереди много сражений, – ответила доктор Зеро.

«Печаль всего сущего» приземлилась на посадочной площадке под стенами городской ратуши.

Там их встречал маленький лысый старичок, закутанный в подбитую мехом мантию. Он то и дело вздрагивал от грохота орудийных выстрелов, которые докатывались с запада, со стороны болот. При виде Шрайка, спускающегося по трапу воздушного корабля, старичок осклабился.

– Привет, старина! Приятно знать, что ты снова в строю! Помнишь меня? Мы встречались в Лондоне, вечная ему память. Я был одним из ассистентов старушки Твикси, вместе исследовали тебя.

Мозг Шрайка, рассчитанный на запоминание внешности не менее десяти тысяч однаждырожденных, теперь хранил только образы доктора Зеро и некоторых техников с фабрики Сталкеров. Шрайк внимательно осмотрел желтые зубы старика, татуировку в виде красного колеса, прячущуюся в морщинистых складках между кустистых бровей, и вопросительно повернулся к доктору Зеро, как ребенок в ожидании подсказки матери.

– Это доктор Попджой, – объяснила та успокаивающим тоном, – личный хирург-механик нашего вождя. Создание корпуса Воскрешенных – его заслуга.

Затем продолжила, повернувшись к старику:

– Боюсь, у мистера Шрайка не много осталось воспоминаний из его биографии, доктор Попджой. Часть мозга, содержащая эту информацию, оказалась серьезно повреждена, и мне не удалось получить к ней доступ.

– Жаль-жаль, – задумчиво протянул Попджой. – Могли бы посудачить о былом. Впрочем, так даже лучше.

Он дважды обошел вокруг Сталкера, похлопывая рукой по новому сияющему корпусу, подергал за гибкие кабели, выступающие из-под стального затылка, и одобрительно хмыкнул:

– Отлично, милочка! Сделано на совесть! Даже у меня не получилось бы лучше!

– Я лишь стараюсь выполнять свой долг перед Сталкером Фанг, – кротко проговорила доктор Зеро.

– Мы все стараемся, милочка. Ну, хватит болтать, пошли наверх. Она ждет нас.

* * *

Длинные коридоры здания скудно освещались аварийными фонарями. Одетые в военную форму однаждырожденные сновали, выкрикивая команды, размахивая листами бумаги, громко переговариваясь через трансиверы радиосвязи. У многих волосы окрашены в зеленый цвет в знак верности Грозе. Между собой общались условными фразами фронтового кода, и Шрайк открыл для себя, что понимает их превосходно – без сомнения, благодаря предусмотрительности доктора Зеро. Интересно, какие еще новшества она внесла в его программу, думал Шрайк, поднимаясь вслед за ней и Попджоем по широкому лестничному пролету.

На площадку выходила двустворчатая, обитая бронзой дверь, испещренная вмятинами от пуль. Часовые с лязгом вытянулись по стойке смирно.

– Корпус Воскрешенных, – небрежно бросил Попджой. – Ее превосходительство ждет нас.

Обе створки широко распахнулись, открыв доступ в просторный темный зал. Новая зрительная система Шрайка автоматически переключилась на ночное видение. Он обратил внимание, что дальняя,

западная, стена защищена бронированным покрытием без окон, зато с длинной незастекленной прорезью, похожей на щель в забрале рыцарского шлема. Фигура наблюдателя, приникшего к амбразуре, лишь приблизительно напоминала человеческую.

– Ваше превосходительство… – обратился к фигуре Попджой.

– Ждите, – ответил из темноты приглушенный властный голос.

Попджой замер. В наступившей тишине Шрайк уловил, как у доктора Зеро стучали зубы и колотилось сердце.

Внезапно гигантское зарево разлилось где-то в районе западных болот, наполняя помещение оранжевым светом, который тут же задрожал и затрепетал после того, как первая вспышка разделилась на мелькание бесчисленных огоньков стрелкового оружия и на белое свечение повисших в воздухе звездочек фосфорных ракет. Пол под ногами Шрайка дрогнул, старые металлические конструкции скрипнули. Через несколько секунд издалека докатился грохот и глухие удары, словно кто-то передвигал тяжелую мебель в соседней комнате.

Сталкер Фанг, обагренная, как кровью, сполохами своей войны, оторвалась от амбразуры и повернулась к вошедшим. Вместо лица они увидели отлитую из бронзы посмертную маску женщины. С плеч свисала длинная, до пола, серая мантия.

– Наша артиллерия только что начала массированный обстрел фронтовых городов группировки «Тракционштадтсгезельшафт», – объявила она. – Через некоторое время я вылетаю на передовую, чтобы лично командовать наступлением сухопутных войск.

– Я уверен, ваше присутствие на фронте обеспечит нам еще одну великую победу, Фанг, – прозвучал голос Попджоя где-то на уровне лодыжек Шрайка.

Тот опустил взгляд и увидел его и доктора Зеро на полу коленопреклоненными, уткнувшимися лбами в гладкую поверхность деревянного пола.

– Великую, но не окончательную. – Голос Сталкера Фанг походил на шелест обледеневших стеблей камыша на зимнем ветру. – Нам нужны новые вооружения, Попджой, еще более мощные.

– Вы их получите, ваше превосходительство, – заверил тот. – Я неустанно работаю с полезными находками олд-тека. А пока прошу принять подарок от всего Сталкерского корпуса в знак безграничного почитания вашего превосходительства.

Миндалевидные глаза Сталкера Фанг засветились зеленым, поймав в фокус Шрайка.

– Вы Сталкер Шрайк, – определила Фанг, приблизившись к нему плавными движениями. – В моей памяти есть образцы вашей внешности. По имеющейся у меня информации, вы прекратили функционировать.

– Его жизнедеятельность полностью восстановлена, ваше превосходительство, – доложил Попджой.

Фанг остановилась в нескольких шагах от Шрайка и некоторое время молча изучала его.

– Что все это значит, Попджой? – наконец спросила она.

– С днем рождения, ваше превосходительство! – Попджой, кряхтя, поднялся с пола. – Маленький сюрприз в годовщину вашего славного воскрешения. Идея принадлежит доктору Зеро. Вы наверняка помните Энону, дочь старого аса воздухоплавания Хираку Зеро. Она настоящий маленький гений, уже сейчас является лучшим хирургом-механиком корпуса – не считая, конечно, вашего покорного слуги. Именно ее осенило откопать старика Шрайка, привести его в порядок и доставить вам в подарочной упаковке.

Сталкер Фанг молча разглядывала Шрайка. Доктора Зеро била дрожь, настолько сильная, что вибрация через пол передавалась Шрайку.

– Только не говорите мне, что совсем забыли, – снова зачирикал Попджой. – Сегодня исполнилось ровно семнадцать лет с того дня, как я вернул вас к жизни в мастерской Разбойничьего Насеста! Вы достигли семнадцатилетия, Фанг, прекрасный возраст!

Сталкер Фанг не отрывала от Шрайка ничего не выражающих зеленых глаз.

– Что мне с ним делать?

Доктор Зеро впервые осмелилась поднять на нее взгляд.

– Я подумала… Я д-думала… Он мог бы нах-ходиться при вас, ваше п-превосходительство, – заикаясь от страха, выговорила Энона. – Служить вам. Пока вы очищаете мир от скверны движущихся городов, мистер Шрайк будет ох-х-х-хранять вас.

– В-в-в-вот-вот, – передразнил ее Попджой, – ох-х-х-хранять вас. Телохранитель, не уступающий по мощи и остроте органов чувств даже вам…

– Сомневаюсь, что он так же силен, как я, – возразила Сталкер Фанг.

– И правильно сомневаетесь! – поспешил согласиться Попджой. – Милочка, разве вы не знаете, что ее превосходительство не нуждается в телохранителях! Что за чушь вы несете! – Он подобострастно улыбнулся неподвижной Сталкерше. – Я просто подумал, что с ним вам будет не так скучно.

Сталкер Фанг наклонила голову набок, по-прежнему оценивающе разглядывая Шрайка.

– Ну хорошо. Эта модель представляет интерес. Зачислите его в мой штаб.

В дальнем конце зала открылась дверь, адъютант в военной форме низко поклонился и объявил:

– Ваше превосходительство, воздушный корабль готов к отправке на фронт.

Не проронив больше ни слова, Сталкер Фанг повернулась спиной к присутствующим и вышла.

– Замечательно! – воскликнул Попджой, дождавшись, когда затихнут ее шаги. Он дотянулся до выключателя, зажег аргоновую лампу и похлопал по попке доктора Зеро, которая как раз поднималась с пола, чем вогнал ее в краску. – Поздравляю, милочка, мы сумели угодить Цветку Огня! Говорят, понять, о чем она думает, невозможно, но знайте, я могу вычислить и получить довольно точное представление о том, что происходит за этой маской. – Вытирая пот с лысины носовым платком, Попджой посмотрел на Шрайка. – А что думает о нашем доблестном вожде Шрайкуша?

– ЕЕ ПОТЕНЦИАЛ ВЕЛИК, – ответил Сталкер.

Попджой согласно кивнул:

– Это точно. Мой шедевр. У нее внутри – потрясающая электроника. В Сталкерской части мозга есть чипы покруче твоих. Некоторые олд-тековские навороты настолько замороченные, что даже мне до конца непонятно, как они работают. Больше ничего подобного я создать не сумел. Но, может, одной такой достаточно, а, Шрайчонок?

Шрайк повернулся лицом к амбразуре и к разгорающемуся вдали сражению. Ночное небо то и дело озарялось ослепительными вспышками, будто невидимые руки одним взмахом расстилали на нем белые простыни. На их фоне роились точки воздушных кораблей. Хорошо, что ему предстоит служить у Сталкера Фанг, подумал Шрайк. Одно дело – подчиняться кому-то не менее сильному, чем он сам, и совсем другое – выполнять приказы слабых и мягкотелых однаждырожденных. Шрайк будет служить ей верой и правдой, и со временем эта преданность, возможно, заполнит гнетущую пустоту в его сознании, освободит от болезненного ощущения потери чего-то очень дорогого.

О, это лицо, рассеченное шрамом!

Оно возникает в памяти, трепетное и мимолетное, будто привлеченный светом мотылек, и тут же вновь исчезает во мраке.

Глава 7
Она уходит из дома[3]

Ночь. Из тумана над Мертвыми холмами поднимается луна, похожая на отстриженный ноготь. В доме на Сириус-Корт Рен лежит на кровати полностью одетая и прислушивается к монотонному звучанию голосов родителей за стенкой спальни. Через некоторое время голоса затихают. Уснули. Для верности она подождала еще немного. Иногда ей хочется кричать, наблюдая однообразие их жизни. Спать в такую ночь, при этой сказочной луне! Но сегодня так лучше. Она обулась в ботинки, тихонько вышла из комнаты, спустилась по лестнице, ощущая, как сумка с Жестяной Книгой Анкориджа оттягивает плечо.

Украсть ее оказалось настолько легко, что даже не было похоже на воровство. «Да и не воровство это вовсе, – уверяла Рен саму себя. – Мисс Фрейе Жестяная Книга не нужна, а всем остальным в Анкоридже наплевать, что она пропала. Так какое же это воровство!»

И все-таки жаль, что ей приходится покидать Анкоридж, совершив подобный поступок. Чувство вины не оставляло Рен все время, пока она прилаживала к хлебнице прощальную записку, которую сочиняла весь вечер, и когда крадучись вышла из дома на улицу, уводящую куда-то вдаль под серебристо-звездным небом.

*** * ***

Днем, расставшись с Гарглом, она сбежала вниз с холма и сразу направилась в Зимний дворец. Мисс Фрейя по-прежнему торчала в своем огороде, только теперь была занята бесконечным обсуждением с миссис Скабиоз подробностей постановки спектакля, который младшие школьники будут исполнять на празднике Луны. Рен пошла в библиотеку и достала с полки тот деревянный футляр, что мисс Фрейя показала ей утром. Вынула Жестяную Книгу, снова заперла ящичек и преспокойно водворила на место. Через открытое окно было слышно, как мисс Фрейя говорит:

– Прошу тебя, Виндолен, зови меня просто Фрейя. Мы с тобой так давно знаем друг друга…

Рен выскользнула из библиотеки, потом из дворца и поспешила домой,

засунув Жестяную Книгу глубоко под куртку и борясь с угрызениями совести.

* * *

Луна застряла в шпилях Зимнего дворца, будто унесенное ветром перо. В окне комнаты Фрейи Расмуссен светилась лампа; Рен, пробегая мимо, мысленно попрощалась: «До свидания, мисс Фрейя!» И ей захотелось плакать.

Накануне дома было еще хуже. Весь вечер слезы выступали у нее на глазах всякий раз, когда она задумывалась о предстоящем расставании с папой, и даже стало казаться, что покинуть маму тоже будет нелегко. Рен успокаивала себя тем, что уходит не навсегда. В один прекрасный день на Анкоридж явится принцесса Пропащих Мальчишек и все вновь станут счастливы. Перед тем как отправиться в постель, к немалому удивлению отца, Рен нежно обняла его. Наверняка он решил, что дочь расстроена из-за недавней ссоры с матерью.

Спустившись в район машинных отсеков, Рен торопливо зашагала к краю города. Вскоре тень от верхнего яруса над головой осталась позади, и перед девочкой открылась широкая улица с двумя полуразрушенными складскими зданиями по бокам. В это мгновение у нее на пути возник Коул.

Рен обеими руками прижала к груди сумку и попыталась пронырнуть мимо, но мужчина сделал шаг в сторону и снова загородил дорогу. Его глаза зловеще мерцали на заросшем густыми волосами лице.

– Что вам от меня надо? – спросила Рен, стараясь, чтобы голос звучал не испуганно, а сердито.

– Не ходи туда, – промолвил Коул.

– С какой стати? Куда хочу, туда хожу. И вообще, о чем это вы?

– О Гаргле. Вчера ночью я видел с верхушки холма, как ты выходила из пиявки. Он просил тебя помочь ему? Ты согласилась?

Девочка молчала.

– Рен, Гарглу нельзя верить, – сказал Коул. – Он был совсем мальчишкой, когда мы работали вместе, но уже тогда отличался коварством. У него очень хорошо получается скрывать свои истинные намерения и использовать других людей в собственных интересах. О чем бы он ни просил тебя, не делай этого.

– И как же вы меня остановите? – с вызовом спросила Рен.

– Расскажу твоим родителям.

– Хорошо, расскажите, можете и мисс Фрейе рассказать, ей тоже будет интересно, – продолжала дерзить Рен. – Если раскачаетесь. Только вы не станете никому рассказывать, так ведь? Если бы вы хотели рассказать маме и папе, то давно бы сделали это, сразу после того, как я вышла из «Автолика». Однако вы своих не предаете.

– Что ты понимаешь в… – начал было Коул, но, пока подыскивал подходящие слова, Рен прошмыгнула мимо и что есть духу бросилась наутек, только металлическая лесенка в конце улицы загудела под ботинками и затихла, когда девочка спрыгнула с последней ступеньки на землю.

На бегу сумка била ее по спине, сердце колотилось, готовое выскочить из груди. Рен оглянулась, ожидая погони, но Коул все так же стоял на прежнем месте, не двигаясь, и смотрел ей вслед. Она махнула ему рукой, повернулась и побежала вверх по склону холма.

* * *

Эстер в ту ночь заснула быстро. Том тоже начал было дремать, но вдруг очнулся, потревоженный чем-то. Только гораздо позже он поймет, что его разбудил звук притворяемой входной двери.

Том лежал с открытыми глазами в темноте и прислушивался к биению собственного сердца. Временами оно как бы пропускало удар, иногда возникала боль, или даже не боль, но болезненное ощущение, будто что-то не так в груди, там, где много лет назад ее пронзила пуля Пеннирояла. Том всегда чувствовал себя хуже после физической нагрузки. Вот и теперь, не надо было утром колоть так много дров. Но кто-то же должен их наколоть, иначе ему пришлось бы объяснять Эстер насчет болей в груди и она бы, конечно, разволновалась и заставила его пойти на прием к Виндолен Скабиоз, городскому врачу, которая устроила бы целое обследование и, как опасался Том, докопалась бы до чего-нибудь серьезного. Слава богам, хорошо прожиты все эти годы с Эстер и Рен, а дальше будь что будет.

Однако его будущее уже мчалось к нему бегом вдоль проспекта Расмуссен, через Заполярную аркаду, по Сириус-Корт; влетело через калитку во двор, перепрыгнуло через ступеньки крыльца и стало колотить кулаком в дверь.

– Квирк всемогущий! – Том испуганно сел в постели.

Эстер рядом застонала и перевернулась на другой бок, не в силах до

конца очнуться от сна. Он откинул одеяло и в ночной рубашке бросился вниз в прихожую. За стеклянными филенками входной двери смутно маячила чья-то расплывчатая фигура, похожая на привидение, и барабанила по деревянной раме, во весь голос выкрикивая имя хозяина дома.

– Коул, ты? Открыто! – Том распахнул дверь.

Коул не впервые поднимал его с постели, принося плохие вести. Однажды, когда Анкоридж был еще ледоходным городом, Эстер в одиночку улетела на «Дженни Ганивер», и Коул буквально материализовался из ночи, чтобы сообщить об этом Тому. Тогда он был совсем мальчишкой. А теперь, заросший длинными волосами и бородой, с дико вытаращенными глазами, был похож на полоумного пророка. Коул ворвался в прихожую, опрокинув вешалку для головных уборов и рассыпав по полу древние футляры для мобильных телефонов, которые коллекционировал Том.

– Да тише ты! – попытался он призвать к порядку нежданного гостя. – Какая муха тебя укусила!

– Рен, – невпопад выдохнул бывший Пропащий Мальчишка. – Рен, там…

– Рен спит у себя в комнате, – начал Том, но тут же с тревогой вспомнил, как странно дочь обняла его, прощаясь на ночь, и пораненную щеку, которую, по ее словам, оцарапала, когда забрела в колючие кусты. Вспомнил возникшее у него смутное ощущение какой-то двусмысленности в поведении дочери. – Рен! – позвал он, задрав голову.

– Ее там нет! – выкрикнул Коул. – Она ушла!

– Как ушла? Куда?

Эстер, спустившаяся уже до середины лестницы, на ходу натягивая рубашку, побежала обратно и ногой распахнула настежь дверь спальни Рен.

– Боги и богини! – услышал Том возглас жены, а потом она выскочила на лестничную площадку. – Том, ее нет! И сумки нет, и пальто!

– Может, она полуночничает где-нибудь вместе с Тилди Смью? – неуверенно предположил Том. – Здесь же Винляндия, в конце концов. Что с ней приключится?

– Пропащие Мальчишки, вот что! – бросил Коул.

Он мерил шагами прихожую, глубоко сунув руки в карманы старого, засаленного пальто. Помещение наполнилось запахом его неухоженного тела.

– Помнишь Гаргла? Прислал мне записку! Пишет, помоги кое-что стибрить. Что – не знаю. Похоже, Рен следила за мной и попалась к ним в лапы, а теперь они ее используют. У них сейчас встреча.

Эстер прошла на кухню и вернулась с клочком бумаги:

– Том, взгляни-ка…

В руке она держала записку от дочери.

Мои самые любимые папа и мама!

Я решила уехать из Винляндии. Здесь объявились Пропащие Мальчишки. Но не волнуйтесь, они хорошие. Они возьмут меня с собой. Я увижу плавучие города, Охотничьи земли и весь-весь огромный мир, и со мной случится много приключений, не хуже ваших. Простите, что не сказала вам «до свидания», но иначе вы бы меня не отпустили. Не беспокойтесь за меня, я скоро вернусь и расскажу много интересного.

Я люблю вас. Ваша Рен.

Эстер опустилась на колени и принялась отдирать с пола прихожей ковровое покрытие. Под ним был вмонтирован сейф, в котором предыдущий владелец дома, торговец, хранил свои ценности. Сейчас в нем находились лишь несколько картонных коробок с патронами и револьвер. Эстер выхватила оружие, сдернув с него промасленную тряпку.

– Где они, Коул? – спросила она.

– Эт!.. – попытался остановить ее Том.

– Мне следовало сказать вам раньше, – пробормотал Коул, – но ведь это Гаргл. Гаргл! Он спас мне жизнь когда-то…

– Где они?!

– В бухте на северном берегу. В том месте, где опушка леса ближе всего к воде. Только прошу, никто не должен пострадать!

– Раньше надо было думать! – отрезала Эстер, проверяя действие спускового механизма.

Все оружие, какое перепало ей в свое время от охотников Архангельска, она выбросила в море с борта Анкориджа, еще когда тот дрейфовал на льдине. Но этот револьвер сохранила – так, на всякий случай. Он, конечно, не такой красивый, как другие: нет ни оскаленной волчьей пасти на рукоятке, ни серебряного орнамента на стволе. Обычный увесистый черный «шаденфройде»[4] тридцать восьмого калибра – уродливый, но надежный инструмент убийства. Эстер полностью снарядила магазин шестью патронами, щелчком поставила его на место и засунула револьвер за пояс. Потом протиснулась мимо Тома к двери, на ходу сорвав с вешалки пальто.

– Разбуди людей, – бросила она ему через плечо и скрылась в ночной

тьме.

* * *

С самой высокой точки острова Рен могла видеть «Автолик», похожий на расположившегося на мелководье краба с подогнутыми ножками, в той же бухте, где впервые увидела Гаргла. На поверхности воды мерцали отблески голубоватого света из открытого люка пиявки. Рен начала торопливо спускаться вниз по еле заметной тропинке, протоптанной оленьими копытами, между деревьями и колючими кустами утесника по направлению к силуэту, напоминающему одновременно краба и паука, оступаясь на податливой земле, спотыкаясь о торчащие корни деревьев, глотая ночной, холодящий горло воздух.

Гаргл стоял в сапогах по щиколотку в воде возле края сходни, спущенной из открытого люка. Ремора была рядом, а когда Рен подошла поближе, по сходне спустился Селедка и присоединился к ним.

– Готов отчалить? – спросил его Гаргл.

– Одним нажатием кнопки, – ответил мальчик.

Двигатели пиявки работали на холостом ходу, из снабженных герметическими клапанами выхлопных отверстий в кормовой части поднимался прозрачный дымок. Краб-кам блеснул полированной спиной, забрался на корпус пиявки, перебирая лапками по одной из ее ходулей, и устроился в предназначенном для него гнезде. Другие запоздавшие краб-камы быстро сползались по берегу, настолько похожие на больших пауков, что Рен от страха захотелось убежать. Но она усилием воли заставила себя шагать среди них по гальке, рассудив, что, если уж решила путешествовать с Пропащими Мальчишками, придется привыкать к присутствию этой мерзости.

– Это я, – негромко сказала Рен, когда Гаргл всем телом повернулся на шорох ее шагов. – Я принесла Жестяную Книгу.

* * *

Анкоридж-Винляндский просыпался, возмущенный и встревоженный. Пока Эстер взбиралась по тропе вдоль поросшего лесом склона, за спиной слышалось хлопанье дверей в домах города, возгласы людей, собирающихся вместе, чтобы дать дружный отпор Пропащим Мальчишкам.

Мужчины помоложе почти догнали ее у самой верхушки горы, но на спуске снова отстали, продолжая двигаться по петляющей тропинке, тогда как Эстер бросилась напрямик, ломая кусты и скользя на каменистых осыпях, с грохотом увлекая за собой скачущие обломки скальной породы. Ее охватил азарт и счастливое сознание того, что наконец-то по-настоящему нужна дочери. Спасти ее от Пропащих Мальчишек не под силу ни Тому, ни кому-либо другому в Анкоридже. Только Эстер способна разобраться с этими мерзавцами, и, когда она всех их уничтожит, Рен опомнится и поймет, какой опасности подвергалась, проникнется благодарностью к матери и в их отношениях вновь воцарится мир и взаимопонимание.

Удержав равновесие, Эстер приземлилась в зарослях вереска у подножия горы и обернулась. Никого. Не теряя времени, достала из-под ремня револьвер и побежала к бухте.

* * *

– Вот, – сказала Рен, снимая с плеча тяжелую сумку и протягивая Гарглу. – Она там. И мои вещи тоже.

– Скажи ей сразу, Гаргл, – вмешалась Ремора. – Пора отчаливать.

Гаргл, не обращая ни на кого внимания, вынул из сумки Жестяную Книгу и начал разглядывать, переворачивая листы.

– Я еду с вами, не забыли, надеюсь? – напомнила Рен, обеспокоенная неожиданно прохладным приемом. – Я еду с вами! Таков уговор.

В ее голосе слышались слезы детской обиды, и Рен расстроилась еще больше оттого, что совсем не кажется взрослой, отважной и лихой, какой хотелось выглядеть в глазах Гаргла. Ей вдруг стало ясно, что она для него ничего не значила – ничего, кроме способа заполучить Жестяную Книгу.

– Порядок, – удовлетворенно сказал сам себе Гаргл.

Потом бросил сумку обратно Рен, передал Жестяную Книгу Селедке, который тут же запихнул ее в кожаный портфель, висевший на лямке у него на плече.

– Я еду с вами, – упрямо повторила Рен. – Ну скажи, что я еду с вами!

Гаргл подошел к ней вплотную. Потом заговорил, и в его голосе звучали издевательские нотки.

– Значит, так, Рен, я тут еще разок обо всем поразмыслил, и выходит, что, вообще-то, ты у нас не поместишься.

Рен быстро заморгала, пытаясь остановить выступившие на глазах горькие слезы, потом швырнула свою сумку на гальку и закричала:

– Ты обещал взять меня с собой!

Краем глаза она заметила, как неотрывно наблюдающая за ней Ремора шепнула что-то маленькому Селедке и на лице у того появилась презрительная ухмылка. Какой же дурой они ее считали!

– Я хочу все увидеть! – уже не могла остановиться Рен. – Хочу что-нибудь совершить! Я не хочу оставаться здесь, не хочу быть женой Нэта Заструджи, не хочу учить детей, не хочу состариться и умереть!

Гаргла, похоже, напугал поднятый девочкой шум.

– Рен! – просипел он, и в тот же миг, словно яростное эхо, из темноты прозвучал другой голос:

– Рен!

– Мама! – охнула девочка.

– Черт! – выругалась Ремора.

Гаргл ничего не сказал, а выхватил из-за пояса пистолет и, недолго думая, выстрелил вдоль берега. В свете голубой вспышки Рен увидела мать, широко шагающую по гальке с револьвером в напряженно вытянутой перед собой руке. Она лишь чуть уклонилась от просвистевшей мимо пули. «Бж!» – выстрелил ее револьвер. «Бж, бж, бж!» – сухо лопалось в воздухе, будто кто-то с размаху захлопывает книжку. Первая пуля с лязгом отрикошетила от корпуса «Автолика», еще две просвистели за озеро, четвертая шмякнула Гаргла точно между глаз. Что-то густое и теплое обрызгало лицо и одежду Рен.

– Гаргл! – взвизгнул Селедка.

Гаргл медленно опустился на колени, затем наклонился вперед и уткнулся лицом в набегающие на берег с ласковым журчанием маленькие волны.

Селедка, поднимая брызги, побежал к нему, загородив сектор стрельбы Реморе, которая тоже вытащила свой пистолет.

– Селедка, на борт! – скомандовала она. – Возвращайся в Гримсби!

Сразу две пули из револьвера Эстер опрокинули ее назад, в озеро.

– Гаргл! – хныкал Селедка.

Эстер перезаряжала револьвер, пустые гильзы со звоном падали на гальку возле ее ног.

– Рен, сюда! – крикнула она.

Дрожа от нервного потрясения, девочка с готовностью сделала нетвердый шаг в сторону матери, как вдруг Селедка обхватил ее одной рукой за талию сзади и прижал к себе. В другой руке он держал пистолет Гаргла, уперев ствол в подбородок Рен.

– Брось револьвер! – выкрикнул Селедка. – Или я… Или я убью ее!

Убью ее!

– Мамочка! – пискнула Рен. Ей было трудно дышать. Больше всего на свете она сейчас хотела оказаться дома, в безопасности, а случившихся с ней приключений, казалось, хватит теперь до конца жизни. – Мамочка, помоги!

Эстер медленно двинулась вперед, держа Селедку на мушке. Но все понимали – она не нажмет на спусковой крючок, слишком велика опасность попасть в Рен.

– Отпусти ее! – приказала она Селедке.

– Да, чтобы ты меня пристрелила! – всхлипывал мальчишка.

Поворачивая Рен так, чтобы она все время находилась между ним и Эстер, он потащил ее за собой вверх по сходне. Ствол пистолета по-прежнему с силой упирался ей в подбородок, отчего голова у нее запрокинулась. Рен чувствовала, как мальчика бьет дрожь, и могла бы запросто справиться с ним, если бы не боязнь, что он выстрелит. Селедка втащил ее через люк внутрь и локтем нажал кнопку механизма, убирающего сходню. Эстер выстрелила, стараясь попасть по гидравлическим шлангам, и промахнулась; пуля лязгнула по металлу и рикошетом полетела через озеро.

– Мамочка! – опять выкрикнула Рен, и последнее, что увидела через щель закрывающегося люка, – свою мать, кричащую ей вслед.

Селедка протолкнул пленницу сквозь дверной проем в рулевую рубку, напичканную электроникой, и одной рукой начал манипулировать приборами управления, а другой продолжал держать пистолет на уровне ее головы. Рен почувствовала, как пиявка зашевелилась.

– Пожалуйста, – взмолилась она. Пол накренился. Рен увидела огоньки на склоне холма. – Помогите! – вырвалось у нее.

В иллюминаторы уже бились волны, на мгновение мелькнула луна, дрожащая и призрачная в омытом водой стекле. Затем все исчезло, по-другому загудели двигатели, и Рен подумала: «Мы погрузились под воду! Теперь я никогда не попаду домой!» Что-то повернулось у нее в желудке, и девочка потеряла сознание.

*** * ***

Эстер бежала вдоль берега, стреляя из револьвера по пиявке, пока ее покатая спина не исчезла в белой пене. Не оставалось ничего, как снова и снова бесцельно выкрикивать имя дочери охрипшим голосом над

пустынным озером, с поверхности которого уже пропали последние пузыри и волны, поднятые погружением «Автолика».

В наступившей тишине постепенно стали нарастать другие звуки: лай собак, крики людей. Склон холма испещрили огоньки фонарей и факелов. Мистер Смью, запыхавшись, выскочил из кустов утесника, потрясая над головой древней охотничьей винтовкой, раза в два выше его самого, и закричал:

– Где эти подводные демоны? Сейчас я им покажу!

На берегу собиралось все больше народу. Эстер шла сквозь толпу, только пожимая плечами в ответ на вопросы и сочувственные жесты.

– Миссис Нэтсуорти, вы не ранены?

– Мы слышали выстрелы!

– А где Пропащие Мальчишки?

На мелководье два мертвых тела с тихим плеском покачивались на легких волнах, а в озеро тянулись две длинные красные полосы. Коул опустился на колено возле одного из них и произнес с грустью и недоумением:

– Гаргл!

В воздухе витали едкие запахи порохового дыма и выхлопных газов.

Подбежал Том, крутя во все стороны головой и видя лишь брошенную на гальке сумку, с которой его дочь ушла из дома.

– Где Рен? – спросил он жену. – Что здесь произошло?

Эстер, не говоря ни слова, отвернулась. Наконец к нему подошла Фрейя Расмуссен, взяла за руки и сказала:

– О Том, им удалось уйти от погони, и, боюсь, они увезли Рен с собой.

Глава 8
В плену

– Папа, у мамы странное лицо.

– Я знаю, дочка.

– А почему у мамы такое лицо?

– Потому что ее поранил плохой дядя, когда она была совсем маленькой.

– Ей было больно?

– Конечно. Рана болела очень сильно и долго, но теперь все прошло.

– А плохой дядя придет?

– Нет, Рен, не придет. Он давным-давно умер. В нашем городе, Анкоридже-Винляндском, нет плохих дядей, потому мы здесь и живем. Здесь мы в безопасности, потому что никто не знает про нас и никто нас не обидит, ни один голодный город не доберется сюда и не проглотит нас. Мы всегда будем жить вместе, потому что вместе нам хорошо и спокойно – маме, папе и Рен.

Голоса детства звучали в голове, пока Рен медленно приходила в сознание. Она лежала на полу крошечной каюты, в которой ничего не было, кроме металлического умывальника и металлического унитаза. От унитаза сильно пахло какой-то дезинфицирующей химией. На потолке тускло горела синяя лампочка в металлической сетке. Стены и пол чуть вибрировали. Работающие двигатели «Автолика» наполняли комнату глухим стуком и шипением, время от времени слышалось поскрипывание и кряхтенье из-за, как догадалась Рен, давления воды на обшивку.

«Ну и ну, плохие дяди все-таки заявились в Анкоридж-Винляндский, – думала она, – заполучили что хотели и улизнули, а я им помогла. Вопрос только в том, что они теперь со мной сделают».

Папа в свое время тоже попадался в лапы Пропащих Мальчишек, но все закончилось благополучно, он вернулся в Анкоридж и женился на маме. Значит, для Рен тоже не все потеряно, не так ли? Но, подумав о папе, потом о маме, она вспомнила, что сделала ее мать, и от этого воспоминания стало жутко и тошно. В голове то и дело звучал глухой шлепок, с каким пуля ударила в лоб Гаргла.

Рен понятия не имела, сколько времени безвольно провалялась на полу, дрожа и хныча от ужаса и безысходности. Наконец боль в теле от лежания на твердом полу стала настолько ощутимой, что девочка заставила

себя подняться. «Возьми себя в руки, Рен!» – сердито приказала самой себе.

Вся одежда спереди покрылась сухой коричневой коркой, похожей на пролитый гуляш. Рен открыла кран умывальника и с помощью тонкой струйки воды попыталась очистить одежду; потом, как сумела, вымыла лицо и волосы.

Прошло еще довольно много времени, прежде чем в замочной скважине заскрежетал ключ и дверь отворилась. Вошел Селедка и посмотрел на нее. Он по-прежнему держал в руке пистолет. В голубом свете лампочки его лицо казалось бледным и суровым, словно вырезанным из кости.

– Я не виновата, – первой заговорила Рен.

– Заткнись, – оборвал ее Селедка. Голос у него тоже звучал сурово. – Убить тебя мало.

– Меня? – Рен забилась в угол комнаты. – За что? Я ничего не сделала! Я принесла вам Жестяную Книгу, как просил Гаргл…

– И твоя чертова мамаша прикончила его! – выкрикнул Селедка.

Всхлипывая, он поднял пистолет дрожащей рукой. Рен решила, что сейчас последует выстрел, но ничего не произошло. Девочка и боялась этого малыша, и сердилась на него, и в то же время чувствовала, что должна позаботиться о нем.

– Мне очень жаль, что Гаргл погиб, – искренне сказала она. – И Ремора тоже…

Селедка опять громко всхлипнул.

– Мора была подругой Гаргла, – пояснил он. – Все знали, что у них любовь. Он вообще не собирался брать тебя с собой. Я слышал, как они разговаривали о тебе, о том, какая ты дура! – Мальчик снова заплакал. – Что теперь делать без Гаргла? Ему-то хорошо, они с Морой сейчас вместе в Стране без солнца! А как быть всем Пропащим Мальчишкам? Как быть мне?

Он смотрел на Рен, и в мертвенно-голубом свете его глаза казались совершенно черными – две безжизненные черные дыры в бесплотном белом пространстве.

– Шлепнуть бы тебя, чтоб твоя мамочка знала, каково это, когда любишь кого-то, а его убивают. Да только если я так поступлю, то стану таким же отморозком, как и твоя мамаша! – Селедка вышел в коридор, захлопнул дверь и повернул ключ в замке.

* * *

– Я отправляюсь на поиски Рен! – сказал Том.

Из деликатности никто не возразил, хотя все подумали, что отправляться на поиски Рен нет никакой возможности, но нельзя же говорить это вслух! Понятно, заявление Тома вызвано только что пережитым потрясением. А случившееся действительно потрясло его, он просто онемел от горя, узнав, что Рен похитили. Потом принялся бегать взад-вперед по берегу озера, выкрикивая имя дочери навстречу набегающим волнам, будто Пропащие Мальчишки могли услышать и передумать, пока не почувствовал, как сердце сжалось от такой боли, что уже приготовился умереть тут же, на гальке, так и не повидав Рен.

Но Том не умер. Заботливые руки помогли ему добраться до лодки, которая отвезла его обратно в Анкоридж, и вот теперь он совещался вместе с Эстер, Фрейей и десятком других винляндцев в одной из комнат Зимнего дворца.

– Понимаете, это я во всем виноват, – с горечью доказывал он. – Утром Рен вдруг начала расспрашивать меня о Пропащих Мальчишках. Я должен был сообразить, что это неспроста.

– Ни в чем ты не виноват, Том, – успокаивал его Смью, сердито поглядывая на Эстер. Та с хмурым видом сидела рядом с мужем. – Если бы кое-кто не помчался сломя голову поперед всех нас и не открыл пальбу…

Некоторые из присутствующих согласно закивали. Все уважали Эстер за спасение жителей Анкориджа от архангельских охотников, но никто не любил. Все помнили, с какой жестокостью она расправилась с Петром Масгардом, когда вообще не было необходимости его убивать, но Эстер все кромсала и кромсала ножом его уже мертвое тело. Неудивительно, что боги ниспослали беду женщине, способной на подобные кровавые деяния. Странно только, что они ждали целых шестнадцать лет и что жертвами божеской кары стали также ее добропорядочный муж и хорошенькая дочка.

Эстер догадывалась, о чем думали винляндцы.

– Я стреляла в целях самообороны, – возразила она. – И защищала всех вас. У нас с Фрейей давнишняя договоренность, что мне надлежит приглядывать за этой рухлядью и охранять ее от напастей, и я просто занималась своим делом. А если хотите свалить вину на кого-то, то вините вот его.

Она показала на Коула, который, сгорбившись, сидел в дальнем углу. Но, похоже, никто не осуждал Коула за его поведение. Бывшие друзья

просили его о помощи и получили отказ. Но не мог же он пойти на предательство! Своих не предают.

– А что понадобилось здесь Пропащим Мальчишкам? – задал вопрос мистер Аакиук.

– И Пропащим Девчонкам, – добавил Смью, по-прежнему негодующе глядя на Эстер. – Одна из застреленных ею была совсем девочкой.

– Но что же все-таки заставило их вернуться на Анкоридж после стольких лет?

Все вопросительно посмотрели на Коула. Он пожал плечами:

– Гаргл не сказал, а я не спрашивал. Думал, чем меньше знаю, тем спокойнее.

– О боги и богини! – неожиданно воскликнула Фрейя и бросилась вон из комнаты.

Через некоторое время она вернулась с пустым футляром, в котором раньше хранилась Жестяная Книга Анкориджа.

– Рен расспрашивала меня об этой книге. Именно за ней охотились Пропащие Мальчишки.

– Но почему? – удивился Том. – Она ведь не представляет никакой ценности, правда же?

Фрейя пожала плечами:

– Я тоже так думала. Тем не менее книга исчезла. Наверное, они попросили Рен взять ее для них и…

– Маленькая, бестолковая… – начала было Эстер, но Том резким окликом остановил ее:

– Не надо, Эт!

Ему вспомнилось, когда Рен была малышкой и боялась грозы или просыпалась от страшного сна, он прижимал ее тельце к себе и держал так, пока дочка не успокаивалась. Для него казалась невыносимой сама мысль о том, что сейчас ее держат пленницей на борту этой жуткой пиявки, испуганную, одинокую, и некому ободрить его бедную девочку.

– Я отправляюсь на ее поиски, – снова объявил он решительно.

– Тогда я с тобой! – Эстер взяла его за руку.

Судьба уже разлучала их однажды, когда грозовики с Разбойничьего Насеста захватили Эстер в плен, и с тех пор они поклялись никогда не расставаться.

– Мы отправляемся вместе! – так же решительно повторила за Томом Эстер.

– Но на чем вы поедете? – спросила Фрейя.

– Я знаю на чем.

С места поднялся Коул, обошел вокруг комнаты, держась спиной к стене, глаза блестели в свете лампы.

– Виноват во всем я, – твердо сказал он. – Думал, сами уберутся, если не стану помогать им. Я и предположить не мог, что они втянут в это Рен. Просто из головы вылетело, каким изворотливым может быть… был Гаргл. – Коул приложил руку к горлу, на котором отчетливо краснели шрамы, оставленные веревкой Дядюшки. – Я помню день рождения Рен. Играл с ней, когда она была совсем малышкой. И я помогу вам. Сможете без труда добраться до самого Гримсби на «Винтовом черве».

– Что, на этой ржавой развалине? – сердито возразила Эстер, посчитав слова Коула за насмешку.

– Я все эти годы полагал, что «Винтовой червь» безнадежно вышел из строя, – добавил Том. – С того самого лета, когда ты и мистер Скабиоз с помощью пиявки углубили устье гавани.

– Я отремонтировал ее, – сказал Коул. – А чем, вы думали, я занимался все это время в машинных отсеках? В носу ковырял? Ремонтировал «Винтового червя»! Впрочем, ладно, занимался и тем и другим. Конечно, она не в лучшей форме, но вполне мореходна. Да, горючее, правда, на нуле…

– Кажется, в цистернах воздушной гавани осталось немного, – вставил мистер Аакиук. – И есть возможность подзарядить аккумуляторы на гидроэлектростанции.

– Через несколько дней можно закончить все подготовительные работы, – прикинул Коул. – Максимум через неделю.

– За это время они увезут Рен на многие километры отсюда! – воскликнула Эстер.

– Не важно, – твердо сказал Том.

Обычно твердость проявляла Эстер, а Том только подчинялся, однако на этот раз решение принимал он. Для него было очевидно, что необходимо вернуть дочь. Без Рен и жить незачем. Том взял Эстер за руку в полной уверенности, что и она чувствовала то же самое.

– Мы найдем ее, – пообещал он жене. – Нам в жизни встречались типы и похуже Пропащих Мальчишек. Найдем ее, даже если придется доплыть до самого Гримсби.

Глава 9
Послание

«Автолик» следовал общим курсом на юго-восток по разветвленной речной системе Мертвого континента. Селедка хорошо знал дорогу, поскольку собственноручно помогал Гарглу наносить на карту судоходные фарватеры на пути в Анкоридж. И теперь для него не представляло большого труда вновь двигаться по маршруту, по которому «Автолик» добирался через Мертвые холмы до Винляндии. Мешали только грустные воспоминания, не дававшие мальчику покоя: «Когда плыли в ту сторону по этому озеру, Гаргл сидел со мной в рубке» или «А вот и песчаная отмель; Мора еще отпустила тогда шуточку по поводу…».

Он не должен оставлять их убийство безнаказанным. Но что может сделать маленький мальчик? Гаргл значил для него очень много, но вот его не стало, и никакими слезами тут не поможешь. Надо действовать! Но как?

Прежде всегда находился кто-нибудь, кто говорил, как ему поступать. Селедка никогда еще не строил собственных планов, не принял ни единого самостоятельного решения, за исключением того панического отступления в Винляндии, когда он совершенно бездумно схватил пистолет Гаргла и наставил его на Рен, чтобы не позволить ее сумасшедшей матери застрелить его. В результате все вышло наперекосяк, ведь он вовсе не собирался тащить с собой эту девчонку и понятия не имел, что теперь с ней делать.

На третью ночь после перестрелки в Винляндии Селедка заглушил двигатели «Автолика» и вылез на крышу пиявки. Безжизненные холмы Америки угрюмо подпирали пронзительно голубое небо. В полной уверенности, что Госпожа Смерть и боги войны и возмездия не сводят глаз с этого проклятого края и все слышат, Селедка закричал во всю мочь:

– Я отомщу за тебя, Гаргл! Я отомщу за тебя, Мора! Я разыщу Эстер Нэтсуорти и тогда, клянусь вам, убью ее!

На следующий день пиявка достигла морского побережья, переползла через полосу безрадостных солончаков и с облегчением нырнула в серое море. Очутившись на глубине, в безопасности, Селедка проложил по карте курс к родному причалу и пошел в кормовой отсек проведать пленницу. Рен лежала, поджав коленки, на полу туалета и, очевидно, спала. Глядя на беззащитное во сне лицо девочки, Селедка пожалел, что похитил ее, ведь она не виновата в случившемся. Но теперь уже слишком поздно менять

что-либо. Он потыкал ее носком ботинка.

– Мы в открытом море, – сказал Селедка, когда Рен очнулась. – Тебе больше не обязательно торчать здесь. Над нами пятьдесят саженей ледяной воды, так что даже не думай попытаться удрать.

– В открытом море? – переспросила Рен.

Море, как ей было известно, находилось очень далеко от Анкориджа. Девочка прикусила губу, чтобы не расплакаться.

– Поедешь со мной в Гримсби, – продолжал Селедка. – Дядюшка или кто-то из старших ребят решат, что с тобой делать. Можешь привести себя в порядок, если есть желание. У Реморы в шкафчике имеется кое-какая одежда.

– Спасибо, – шепотом поблагодарила Рен.

– Дура, я не ради тебя это делаю, – нарочито грубо оборвал ее Селедка, чтобы у этой девчонки не возникли иллюзии по поводу его мягкотелости, – а потому, что от тебя смердит, понятно? Я не собираюсь дышать твоей вонью до самого Гримсби.

Рен вышла в коридор. Четыре дня она не видела ничего, кроме тесного туалета, и теперь даже узкие коридоры «Автолика» казались просторными. Шкафчик Реморы украшали вырезки из журналов, добытых в ходе воровских вылазок, – фотографии модных причесок и одежды. Рен увидела также снимки стоящих в обнимку Реморы и Гаргла; оба смеялись. В шкафчике лежали пакетик с косметикой, плюшевый мишка и книжка – толкователь снов. Рен переоделась, подошла к зеркалу над раковиной, которое на самом деле было не зеркало, а отполированный лист металла, привинченный к переборке, и посмотрела на свое отражение. Она показалась себе повзрослевшей и похудевшей, особенно в мешковатой, неброского цвета одежде Реморы. «Рен – Пропащая Девчонка». А когда сунула свою грязную одежду в мешок, используемый экипажем пиявки для упаковки награбленного, и крепко завязала, то, кроме старых ботинок, на ней не осталось ничего, что напоминало бы об Анкоридже.

Рен сидела в трюме и прислушивалась к возне Селедки на мостике. В желудке урчало от голода, но Пропащий Мальчишка не предлагал ей никакой еды, а сама она попросить боялась. Ей было неловко осознавать, что ее держит в плену ребенок гораздо младше, чем она, и в то же время страшно – а вдруг ненависть толкнет Селедку на какой-нибудь безрассудный поступок, включая применение оружия, и этот страх удерживал ее от любых шагов, которые могли бы еще больше разозлить его. Лучше оставаться незаметной. Она попила гадкой на вкус воды из-под крана и стала думать о побеге. В голове у нее рождались планы один

дерзновеннее другого, но спустя несколько минут каждый лопался, как мыльный пузырь. Даже если ей удастся справиться со своим малолетним похитителем, у нее ни за что не получится управлять пиявкой и вернуться на ней в Винляндию. Положение было безвыходным, и виновата в этом только она одна. Теперь-то ей стало понятно, как глупо и безрассудно она вела себя, и оттого мучительно стыдно, поскольку всегда считала себя очень умной девочкой. Разве не говорила мисс Фрейя, что у Рен самая светлая голова среди всей молодежи Винляндии?

– Так вот, Рен, – сказала она наставительным тоном, обхватив себя для пущего спокойствия руками, – если хочешь выжить и найти способ вернуться к маме и папе, то пора начинать работать своей светлой головой.

* * *

«Автолик» удалился уже на сотню миль от берега, когда Селедка принял странный радиосигнал. Поначалу он решил, что это сообщение с другой пиявки, хотя, насколько ему известно, в этой части океана не обреталась ни одна из них. Но самым странным было то, что сигнал передавался на частоте, используемой пиявками для связи между собой, и одновременно на волне, отведенной для получения изображений с дистанционно управляемых краб-камов.

Селедка щелкнул несколькими выключателями, и над его рабочим местом засветились мониторы кругового обзора.

Рен в это время сидела на полу трюма, обняв прижатые к груди колени. Услышав голоса, она подкралась к двери рулевой рубки и заглянула внутрь. Селедка сидел, глядя как завороженный на экраны. Все шесть мониторов показывали одну и ту же картинку: плавучий город, вид сверху, посреди спокойного океана. Трудно было судить о его размерах на нечетком, с помехами изображении, но все равно выглядел он привлекательно: белые, украшенные богатым орнаментом купола и сферические крыши зданий, а также множество длинных узких вымпелов, развевающихся на ветру.

– Что это? – спросила Рен.

Селедка быстро обернулся, словно не ожидал ее появления здесь, но больше ничем не выразил удивления. Потом снова уставился на экраны.

– Не знаю, – ответил он. – Никогда раньше не видел. Повторяют одно и то же. Смотри.

Картинка изменилась. Мужчина и женщина, очевидно супружеская пара, с добрыми улыбками на лицах сидели рядом на диване. Казалось, их

взгляды направлены прямо в глаза Селедки и Рен, и, хотя они были совсем чужие, одеты в мантии и тюрбаны богатых горожан, что-то в их внешности и манере поведения напомнило девочке о собственных родителях и о том, как им, наверное, не хватает ее сейчас.

«Приветствуем вас, дети морских глубин, – мягко начал мужчина. – Мы говорим с вами от имени организации ВОРДЕТ – Всемирного объединения родителей, чьи дети похищены с плавучих городов. В течение полувека маленькие мальчики – а в последнее время и девочки – бесследно исчезают с городов, курсирующих по Атлантическому океану и Ледяной пустоши. И только недавно, благодаря известному естествоиспытателю Нимроду Пеннироялу, мы узнали об угрозе, исходящей от пиратов-паразитов, которые прячутся на своей подводной базе, проникают на города и грабят их, насильно увозят в свое логово детей, чтобы растить из них новых воров и грабителей».

– Опять этот Пеннироял! – сердито сказала Рен.

– Чш-ш! – шикнул на нее Селедка. – Дай послушать!

Теперь говорила женщина. Она придвинулась ближе к зрителям, по-прежнему улыбаясь, но по щекам у нее текли слезы.

«Добрые граждане плавучего курорта Брайтона предоставили нам возможность посетить северные воды, где вы теперь обитаете не по своей воле. Настройте свои радиоприемники на волну 680 килоциклов, и вы услышите сигнал радиомаяка Брайтона. Мы понимаем, что вы, скорее всего, совсем не помните ваших мам и пап, которых лишили их деток, когда те были совсем крошками, и тем самым обрекли на безутешное горе. Но если вы приедете сюда, в Брайтон, на своих подводных аппаратах, то, мы уверены, узнаете своих родителей, а они узнают вас. Мы не желаем вам никакого вреда, не хотим разлучать с новыми друзьями или отрывать от нынешней, полной приключений жизни под волнами океана. Мы только мечтаем повидать наших любимых, разлученных с нами мальчиков…»

В этом месте голос женщины задрожал на высокой ноте и сорвался. Она закрыла лицо платком, а муж обнял ее за плечи, чтобы успокоить, и продолжал вместо нее:

«В рядах ВОРДЕТ насчитывается много членов. – Картинка на экране снова изменилась, показывая многочисленную группу людей, собравшихся на смотровой площадке города. – Каждый из нас лишился ребенка, и все мы мечтаем снова увидеть наших мальчиков и, конечно, девочек, узнать хоть что-то об их судьбе. Умоляем вас, дети морских глубин, если вы слышите это послание, придите к нам!»

На протяжении некоторой паузы слышалась нежная, грустная мелодия,

и все члены ВОРДЕТ улыбались в камеру и махали руками, а морской ветерок поигрывал полами их пальто и мантий, дергал за шляпы. Затем на экране возникли печатные буквы: «ВОРДЕТ – летняя экспедиция (при содействии мэра и муниципалитета Брайтона)». Музыка стихла, потом изображение на секунду исчезло, и программа возобновилась с самого начала: «Приветствуем вас, дети морских глубин…»

– Видела? – радостно воскликнул Селедка, поворачиваясь к Рен.

Он и думать забыл, что разговаривает с пленницей, так хотелось разделить с кем-нибудь свой восторг по поводу необыкновенного послания. Глаза сияли, лицо светилось детским счастьем, и Рен впервые увидела, какой он на самом деле маленький мальчик, совсем ребенок, который соскучился по домашнему теплу, нуждался в любви и заботе.

– Слушай, а чего делать-то? – взволнованно спросил он Рен. – Я уже настроился на волну брайтонского маяка. Они совсем близко, пятьдесят-шестьдесят миль к юго-западу от нас. Никогда не слышал, чтобы города забирались так близко к Мертвому континенту…

Рен прямо-таки ощутила, как в крошечной рубке становится тесно от растущего желания Селедки преодолеть каких-то пятьдесят миль и очутиться на палубе города, переполненного добрыми мамами и папами. Необходимо помочь ему убедиться в правильности решения изменить курс и побывать на Брайтоне. Рен не сомневалась, что там ей будет оказан гораздо более теплый прием, чем в Гримсби. Да и Селедке, наверное, тоже, а значит, муки совести ей не грозят.

Рен вошла в рубку и села рядом с Селедкой на стул на колесиках.

– Может быть, Брайтон специально заплыл сюда в поисках Пропащих Мальчишек, – сказала она. – Мне кажется, они уже много дней плывут на север зигзагами и все время передают свое послание. Гаргл говорил мне, что в последнее время стали пропадать пиявки. Он думал, с ними случилась беда, но что, если они услышали это послание и решили отыскать своих родителей?

– Почему же тогда они не сообщили в Гримсби? – спросил Селедка.

– Может, им так хорошо, что не хотят сообщать? Или боятся, что Гаргл накажет их за самовольную поездку в Брайтон?

Селедка задумчиво смотрел на экраны.

– Все эти люди – богачи, а в Пропащие Мальчишки попадают дети, в чьих семьях только обрадуются, что лишним ртом меньше, да еще сироты или хулиганы с нижних палуб, которые никому не нужны…

– Так тебе Гаргл и Дядюшка говорили, – возразила Рен. – А если это неправда? Они же не выбирают специально, могли нечаянно прихватить

ребенка и из богатой семьи. И вообще, кто-нибудь да беспокоится о каждом пропавшем мальчике, даже о сироте. Даже родители хулиганов захотят разыскать сына, если его похитят…

По лицу Селедки скатились две большие слезы, похожие на голубоватые жемчужины в свете мониторов.

– Я пошлю в Гримсби почтовую рыбу и попрошу у Дядюшки разрешения, – решил Селедка.

– Но, Селедка, – вырвалось у Рен, – а вдруг он не разрешит!

– Дядюшка знает лучше! – заученно, но неуверенно произнес Селедка.

– И вообще, к тому времени, как придет ответ, Брайтон может уплыть. Скоро осень, начнутся штормы, сильное волнение. Мисс Фрейя всегда говорила на уроках, что плавучие города осенью укрываются от штормов в защищенных от ветра водах. Так что это может быть твой последний шанс…

– Но одно из правил, которым обучают нас в Грабиляриуме, гласит: «Не высовывайся, не давай сухопутникам возможности пронюхать о Пропащих Мальчишках». Это и Гаргл всегда повторял…

– Как видишь, сухопутники давно все про вас знают, – напомнила Рен.

Селедка растерянно покачал головой и вытер слезы внутренней стороной запястья. Привитые в Грабиляриуме рефлексы противились растущей надежде, что среди улыбающихся лиц на экране монитора могут оказаться его мама и папа. Он совсем не помнил родителей, но не сомневался: стоит ему встретиться с ними наяву, сразу же узнает их.

– Ладно, – согласился он наконец, – подойдем поближе. Сначала понаблюдаем, с чем едят этот Брайтон. Запустим на борт краб-камов, если удастся. Убедимся, что эти двое из ВОРДЕТ не врут…

Он посмотрел на Рен и пожалел девочку – уж ее-то родителей там точно нет.

– Наверное, с голоду помираешь, – посочувствовал он.

– Ага, проголодалась, – призналась Рен.

Селедка смущенно улыбнулся:

– Я тоже. Кухней всегда Мора занималась. А ты умеешь еду готовить?

Глава 10
Родители-приманка

Обычно в это время года плавучий курорт Брайтон совершал круиз по Срединному морю, бросая время от времени якорь, чтобы туристы с бороздящих побережье движущихся городов и мегаполисов могли подняться на борт с помощью воздушных шаров и прогулочных катеров, посетить его развлекательные аркады и Аквариум, его пляжи и бутики. Однако на протяжении последних сезонов туристический бум пошел на убыль, и муниципалитет решил осуществить рискованное предприятие в Северной Атлантике, чтобы попытаться заработать на пиратах-паразитах.

Но, судя по всему, риск не оправдал себя. Когда восточнее Азорских островов на послание откликнулись первые три пиявки, поднялся настоящий ажиотаж. Новый аттракцион привлек толпы туристов, доставляемых воздушным кораблем с городов Охотничьих земель. С тех пор прошли месяцы, но никаких новых признаков Пропащих Мальчишек, а натянутые вдоль носовой части города длинные транспаранты: «Летняя экспедиция ВОРДЕТ» и «Брайтон приветствует пиратов-паразитов» – пообтрепались, выгорели на солнце и выглядели довольно уныло.

*** * ***

Селедка поднял «Автолик» на перископную глубину примерно в миле от Брайтона. С первого приема передачи ВОРДЕТ прошла ночь. Утреннее небо по цвету напоминало внутреннюю поверхность раковины каури, большие серые волны плавно поднимались и опускались. Когда настала очередь Рен смотреть в перископ, она не увидела никакого Брайтона, а только эти волны, и в промежутках между ними, вдали, с наветренной стороны, мелькал кусочек какого-то большого острова с грязными белыми обрывистыми берегами и укутанной тучами верхушкой.

И тут до нее дошло, что это и не остров вовсе; за обрывы она приняла ряды белостенных строений, а за тучи – облака пара и выхлопных газов, поднимающихся сквозь частокол дымовых труб. Перед ней был город, трехъярусный плавучий мегаполис с двумя выносными пригородами, соединенными с центральным корпусом ажурными крепежными конструкциями, и с огромными гребными колесами, вспенивающими море

за кормой.

– Ух ты! – в изумлении воскликнула Рен.

Она видела фотографии городов в книжках, но никогда не задумывалась, какие те огромные на самом деле. Анкоридж-Винляндский не шел с ними ни в какое сравнение. Воздушные корабли сновали туда-сюда над изломанным контуром из шпилей, башенок и куполов, а в нескольких десятках метров над верхней палубой, на громадных аэростатах висела еще одна круглая палуба, удерживаемая над городом толстыми стальными тросами. На ней виднелись зеленые кроны деревьев и здание с необычными куполами, похожими на луковицы.

– А это что такое? – У Рен от удивления отвисла челюсть.

– Облако-девять называется, – ответил Селедка, который сумел получить на мониторе изображение Брайтона с помощью краб-кама, посланного на верхушку перископа, и теперь сравнивал его со схемой города в потрепанном старом выпуске кейдовского «Альманаха движущихся городов (морское издание)». – Что-то вроде висячего сада. А большое здание в центре – резиденция брайтонского мэра.

– Ох черт! – восхищенно выдохнула Рен. – То есть ничего себе!

– Нехило, – согласился Селедка, всматриваясь в экраны, чтобы убедиться в отсутствии каких-либо нежелательных новшеств в оснастке Брайтона, которые могли появиться со времени публикации «Альманаха». Он обратил внимание на несколько зениток, установленных на вращающихся платформах на верхней палубе, но такие имелись у каждого города в нынешние неспокойные времена. – Курорт, да и только!

Селедка опустил перископ и отключил связь с краб-камом. На мониторах сразу возобновилась передача ВОРДЕТ, причем теперь, когда Брайтон был совсем близко, качество изображения значительно улучшилось. «Мы только мечтаем повидать наших любимых, разлученных с нами мальчиков», – раздался голос женщины.

Селедку вдруг охватило радостное, бездумное ощущение, что все будет хорошо. А если именно эта женщина и есть его мама? «Мамы и папы сродни цепям, вяжут мальчишек по рукам и ногам, избивают, все запрещают, себе подчиняют, они не нужны нам!» – вот что он скандировал в Грабиляриуме вместе с другими ребятами. Теперь же, когда у него появилась реальная надежда увидеть своих родителей, Селедка понял, что в глубине души никогда не верил в правоту этой считалки. На самом деле ему всю жизнь очень не хватало его мамы и папы, но он даже не осознавал этого, пока не услышал послание от ВОРДЕТ.

Селедка повел «Автолик» на погружение и одновременно на

сближение с Брайтоном, в тень под его корпусом. Из темноты навстречу выплыли какие-то провисшие кабели, высветилась сложная конструкция рулевого устройства города, зеленые космы водорослей колыхались в луче носового прожектора пиявки. Ближе к носовой части покачивалась на кабелях металлическая сфера; Селедка предположил, что с помощью этого оборудования велась подводная трансляция послания ВОРДЕТ.

Внезапно по рубке разнесся звон металлического удара. Как почудилось Рен, что-то упало в трюме, но звук повторился, потом снова и снова, пока не превратился в ритмичное постукивание, словно кто-то снаружи осторожно ударял молоточком по обшивке.

– Ох, нет! – встревоженно воскликнул Селедка.

– Что случилось? – забеспокоилась Рен. – Откуда этот шум?

Селедка лихорадочно дергал рычаги управления, пытаясь поскорее вывести пиявку на чистую воду из-под брюха Брайтона.

– Гаргл рассказывал, как с ним было то же самое, когда он заплыл под днище большого города-хищника. Это олд-тековская штучка, что-то вроде слушающего устройства… Мамочки и папочки нас засекли! – Он не знал, горевать ему или радоваться.

Со скрежетом и лязгом пиявка неловко заметалась из стороны в сторону; Рен, не удержавшись на ногах, упала на пол. Она решила, что Селедка слишком резко повернул, и упрекнула его, потирая ушибленный о перегородку локоть:

– Мог бы предупредить! – Но тут же заметила, что мальчик напуган не меньше ее.

– Что происходит? – сдавленным голосом спросила она.

– Я не знаю! Не знаю!

Очередное ощущение уже не вызывало сомнений: «Автолик» быстро всплывал. Вспененная вода потоками полилась с его корпуса, едва он показался на поверхности. Солнечное сияние ворвалось в рубку, ослепительно-яркое после стольких дней в полумраке. Когда глаза Рен привыкли к свету, она увидела, что пиявка висит высоко над водой, раскачиваясь из стороны в сторону над широкой металлической площадкой, выступающей вперед в носовой части Брайтона. По палубе к ней сбегались люди, но не улыбчивые, хорошо одетые мамы и папы, которых показывали в послании ВОРДЕТ, а здоровенные, страшные мужики в прорезиненных комбинезонах. При одном их виде Рен ужаснулась, но тут же испытала некоторое облегчение, разглядев еще дальше красивую смотровую площадку, где, облокотившись на поручни, стояли другие люди, гораздо больше похожие на «родителей, чьи дети

похищены с плавучих городов», – радостные, веселые, взволнованно показывающие руками на пиявку, которую как раз довольно бесцеремонно со стуком опустили на площадку.

Селедка к этому времени уже преодолел половину лестницы, ведущей к верхнему люку, и стоило ему откинуть его, как до Рен донесся дружный восторженный вопль, а усиленный динамиками голос стал торопливо говорить что-то, но слов было не разобрать из-за шума и расстояния.

Рен тоже поднялась по лестнице. Селедка скрючился возле перископного гнезда, затравленно озираясь вокруг, ошарашенный слепящим глаза солнцем и оглушительным ревом толпы. На него капало с магнитного захвата, которым «Автолик» вытащили из воды и который раскачивался сейчас сверху, подвешенный к стреле подъемного крана. Люди на смотровой площадке продолжали кричать, свистеть и размахивать руками. Рен дотронулась рукой до плеча Селедки, чтобы хоть немного ободрить его. Прорезиненные мужики образовали неровный круг с пиявкой в центре и начали медленно, с опаской сходиться. Рен решила, что они похожи на портовых рабочих или рыбаков, чья работа заключалась в подъеме «Автолика» на борт Брайтона. Она стала улыбаться им, но те сохраняли страшное выражение на лицах. Рен напрягла слух и попыталась понять, о чем вещает гулкий голос по громкоговорителю.

– …И для тех из вас, кто только что присоединился к нам, – гремел голос через пронзительно фонящий микрофон, – Брайтон захватил в плен четвертую пиратскую подводную лодку! Вы видите экипаж, выползающий через люк наружу, – пара юных головорезов самого отчаянного вида. Но не беспокойтесь, леди и джентльмены, мы скоро избавим мир от этих паразитов!

– Это западня! – сказала Рен.

Селедка, который не понял ни слова из сказанного диктором, повернул к ней побелевшее, искаженное от страха лицо.

– Они все наврали! – закричала Рен, плача и поднимаясь на ноги. – Селедка, это…

Двое мужчин подошли к борту пиявки, распутывая что-то на ходу – как оказалось, сеть. Потом набросили ее на Селедку, а тот начал брыкаться и вырываться, закричал и стал тянуть руку к Рен.

– А как же папа и мама? – завопил он тонким голосом, глядя на нее ничего не понимающими глазами, на которые мгновенно навернулись слезы. – Ты наврала! Ты все наврала мне!

Сильные руки схватили его сзади и оторвали от Рен, а другие руки облапили ее – грубые ручищи в резиновых перчатках, провонявших рыбой

и бензином. Сверху упала сеть, и, как Рен ни извивалась и ни отбивалась руками и ногами, мужчина перекинул ее, как мешок, через плечо, поднес к краю пиявки и с силой сбросил на палубу Брайтона. Всхлипывания Селедки сменились вдруг пронзительным визгом; через мгновение Рен поняла, по какой причине: мужчина схватил ее за руку и приложил к внешней стороне кисти раскаленное железное клеймо, от которого на коже остался ожог в виде букв:

Шкин

– Мамочка! Мамочка! – верещал Селедка, когда его волокли прочь, все еще не желавшего верить, что ВОРДЕТ и улыбающиеся родители в мониторах оказались всего лишь приманкой.

– Отпустите его! – тоже завизжала Рен от обиды и нестерпимой боли в обожженной руке. – Ему только десять лет! Вы, звери проклятые! Он ничего не сделал, просто хотел найти своих родителей!

– Так и задумано, мальчик! – Над ней склонился, заглядывая в лицо, крупный мужчина в дождевике с капюшоном. От него исходил зловонный запах виски. – Постой-ка, – услышала Рен. – Да это же девчонка, вы только посмотрите, мисс Уимс.

Стройная, смуглая и очень красивая женщина оттеснила его в сторону. У нее на руке было выжжено точно такое же клеймо, как у Рен, только оно давно зарубцевалось и стало лишь чуть-чуть темнее, чем естественный цвет ее кожи.

– Вот это сюрприз, – удивилась она, разглядывая Рен. – Ходили слухи, что среди паразитов есть представительницы женского пола, но я такую встречаю впервые.

– Я не Пропащая Девчонка! – выкрикнула Рен сквозь ячейки сети, туго обмотанной вокруг нее. – Я была в плену на «Автолике», меня Селедка увез…

На лице женщины появилась презрительная гримаса.

– Мне безразлично, кто ты, девочка. Мы торгуем рабами, и ты представляешь для нас интерес только как товар.

– Но я… Вы же не можете отдать меня в рабство!

– *Au contraire*[5], дитя. В контракте с мэром Пеннироялом однозначно указано: все, кого мы извлечем из этих пиратских аппаратов, становятся собственностью корпорации «Шкин».

– Мэр Пеннироял? – воскликнула Рен. – Вы же не хотите сказать… *Нимрод* Пеннироял?

Женщина заметно удивилась, услышав имя мэра от Пропащей Девчонки.

– Именно так, Нимрод Пеннироял занимает пост мэра Брайтона на протяжении последних двенадцати или более лет.

– Но ему нельзя быть мэром! Кому нужен такой мэр, как Пеннироял? Он же мошенник! Предатель! Угонщик воздушных кораблей!

Мисс Уимс сделала какие-то пометки в блокноте.

– Отведите ее в загон для рабов, – приказала она одному из мужчин. – И доложите мистеру Шкину о поимке. Думаю, это хороший знак. Возможно, мы скоро нащупаем пиратское логово.

Глава 11
Четверо против Гримсби

Наконец «Винтовой червь» был готов к путешествию, и Том с Эстер ждали только, когда Коул завершит последнюю проверку двигателей. Утром в день отбытия на причале появилась Фрейя Расмуссен и заявила, что отправляется вместе с ними. Сколько ни отговаривали маркграфиню и Том, и Эстер, так и не смогли убедить ее изменить свое решение.

– Нас будут подстерегать опасности!

– Но тем не менее вы оба едете!

– Ты нужна здесь!

– О, Анкоридж-Винляндский вполне проживет и без такой правительницы, как я! К тому же я уже попросила миссис Аакиук исполнять обязанности маркграфини в мое отсутствие. Вы же не хотите испортить ей настроение? Она уже заказала себе необыкновенную шляпу и все прочее… – Радостно взволнованная, Фрейя вскарабкалась по посадочному трапу на крышу «Винтового червя» и спихнула в открытый люк свою увесистую дорожную сумку.

– Госпожа снежная королева, ты, очевидно, что-то перепутала! – остановила ее Эстер. – Мы направляемся в Гримсби не с официальным визитом. Мы хотим освободить Рен, и даже если мне придется пристрелить каждого Пропащего Мальчишку, что окажется у меня на пути…

– То лишь хуже сделаешь, – сердито закончила за нее Фрейя. – И так слишком много убийств за последнее время. Потому-то мне и необходимо сопровождать вас в этой экспедиции. Я сама поговорю с Дядюшкой и урезоню его.

Эстер обессиленно застонала. Она обернулась за поддержкой к Коулу в уверенности, что он будет возражать против участия Фрейи, но городской инженер молчал, задумчиво глядя куда-то за озеро.

Вот так и получилось, что полная опасностей миссия началась, будто загородная поездка на пикник; Том и Фрейя радостно махали руками на прощание, высунувшись по пояс из открытых люков вползающей в озеро пиявки, а все население Анкориджа высыпало на берег и провожало их ободряющими криками.

Когда город скрылся из виду за мысом, а «Винтовой червь» сложил свои многоколенные ходули и приготовился к погружению, Фрейя спустилась в рулевую рубку, где над ржавыми рычагами управления

ссутулился Коул. Но Том до последнего мгновения оставался наверху, разглядывая проплывающие мимо берега, зеленые склоны холмов, отражающиеся на покрытой рябью поверхности озера. В камышовых зарослях громко звенели голоса птиц, и их трели напомнили ему сигналы автомобильных противоугонных систем и звонки сотовых телефонов – звуки-ископаемые исчезнувшего мира, слышанные, наверное, далекими предками этих птиц. Мысли Тома переключились на раскопки, которые он начал производить на месте поселений Древних на Мертвых холмах, и найденные им следы канувших в Лету жизней. Суждено ли ему вернуться вместе с дочерью и закончить работу?

– Мы вернемся! – вслух пообещал Том, спустившись внутрь и присоединяясь к Эстер.

Та промолчала, а про себя подумала, что вряд ли когда-нибудь снова увидит Анкоридж-Винляндский.

* * *

В крошечной рулевой рубке «Винтового червя» повернуться негде и уж тем более некуда уйти от разговора с Фрейей Расмуссен. Коул даже подумал, а не ради ли такого разговора она решила поехать вместе с ним? Как только вода накрыла носовые иллюминаторы пиявки, Фрейя подсела к нему, расстелила на пульте управления древнюю карту Снори Ульвессона и спросила:

– Ну как, найдешь обратную дорогу в Гримсби?

Коул утвердительно кивнул.

– А я и не сомневалась, – сказала она. – Странно, что ты уже давно не пустился в путь.

– В Гримсби? – Он вопросительно посмотрел на Фрейю, но под ее внимательным и в то же время доброжелательным взглядом смущенно отвернулся и уставился на приборы. – С какой стати мне возвращаться в Гримсби? Ты что, забыла, что там сделали со мной? Если бы Гаргл не обрезал веревку, на которой я висел…

– И все же тебе хотелось вернуться, – мягко произнесла Фрейя. – Иначе какой смысл ремонтировать «Винтового червя»?

Коул стал пристально вглядываться в мутную темень за иллюминаторами, будто заметил что-то похожее на подводные камни. Потом не выдержал и признался:

– Да, я думал об этом. Мне и вправду нелегко забыть Пропащих

Мальчишек. По сути, я все время тоскую по Гримсби, и так было даже в первые недели в Винляндии, когда приходилось работать не покладая рук и все относились ко мне особенно доброжелательно и сочувственно, а ты…

Он искоса посмотрел на Фрейю и тут же отвел глаза. Маркграфиня не переставала в упор глядеть на него. Почему она неизменно добра к нему? Шестнадцать лет назад Коул отверг ее любовь по непонятным ему самому причинам. После этого ей, казалось бы, оставалось только желать, чтоб он проваливал обратно в океан.

– Вот отчего я живу отшельником на нижней палубе, – продолжал Коул свое признание. – Это единственное место на Анкоридже, где я чувствую себя почти как в Гримсби. Каждую ночь во сне мне слышится призывный Дядюшкин голос: «Возвращайся в Гримсби!»

Коул смущенно взглянул на Фрейю. До сих пор он никому не рассказывал об этом и опасался, как бы она не приняла его за сумасшедшего. Иногда он сам себе казался не в своем уме.

– Дядюшка разговаривает со мной шепотом, как в детстве, через динамики в потолке Грабиляриума. Даже в плеске волн на озере мне чудится этот шепот: «Гримсби – твой дом, Коул, мой мальчик. Ты всегда будешь чужим для сухопутников. Возвращайся домой, в Гримсби».

Фрейя протянула было руку, чтобы сочувственно коснуться его, но передумала. Вместо этого сказала:

– Когда объявился Гаргл и попросил тебя о помощи, ты отказал ему. А мог бы передать ему Жестяную Книгу и уплыть вместе с ним на «Автолике».

– Я и хотел так поступить, – ответил Коул. – Ты даже представить себе не можешь, как мне хотелось это сделать!

– Но не сделал же. Значит, Анкоридж для тебя дороже, чем Гримсби.

– Не сделал, потому что боялся, – возразил Коул. – Боялся приехать туда и оказаться еще более чужим для Пропащих Мальчишек, чем для сухопутников. Наверное, я уже перестал быть одним из Пропащих Мальчишек и никогда не стану одним из вас. Так и останусь на всю жизнь неприкаянным.

На этот раз Фрейя положила ладонь ему на плечо и почувствовала, как он весь сжался под ее рукой быстрым и затравленным движением, словно дикий зверек. Иногда ей приходило в голову, что Коул для нее по-прежнему неразгаданная тайна, точно так же как многие годы тому назад, когда впервые возник перед ней прямо из морских глубин. Если бы только он позволил ей тогда любить его, жизнь для него стала бы гораздо счастливее!.. И для нее тоже. Нет, она не считает, что ее молодость

погублена из-за него, ведь столько всего хорошего случилось, только иногда бывает грустно при мысли, что у нее нет мужа и собственных детишек. И еще ей думалось временами, что есть на свете люди – как Коул или Эстер, к примеру, – которым просто не дано постичь, как жить счастливо.

А может, все еще сложнее? Фрейя вспомнила слова Коула о волнах, нашептывающих ему на берегу Дядюшкиным голосом, и ощутила беспокойство и даже страх. Если уж он способен слышать своего бывшего хозяина в Винляндии, то что будет с ним там, в Гримсби? А если ситуация обострится и дело дойдет до драки, на чью сторону встанет Коул – ее или Дядюшки?

Глава 12
Бизнес на океанских просторах

Вот так, хорошо, ваша милость! Улыбнитесь и замрите!

Горючий порошок на подставке ослепительно вспыхнул, громко пшикнув, и комочек дыма, будто праздничный шарик, поднялся в пронизанный солнечными лучами воздух, окружающий палубу Облака-9[6]. Нимрод Пеннироял – естествоиспытатель, автор популярных книг и мэр Брайтона – в очередной раз фотографировался для газеты «Брайтон Ивнинг Палимпсест». Вместе с ним позировали Дигби Слингбэк и Сардона Флиш, актер и актриса, выступившие в роли опечаленных родителей в послании ВОРДЕТ, которое передатчик Брайтона транслировал в глубины Атлантического океана.

– А теперь, ваша милость, – обратился к мэру корреспондент «Палимпсеста», пока фотограф вставлял в камеру новую пластину, – не могли бы вы напомнить нашим читателям, что именно натолкнуло вас на идею начать охоту на пиратов-паразитов?

– Я посчитал это своим долгом, – ответил Пеннироял, излучая улыбку и поправляя на груди тяжелую золотую цепь мэра, которая приятно поблескивала на солнце. – В конце концов, именно я первым предупредил весь мир о существовании морских злодеев. Вы можете прочитать захватывающее повествование о моих стычках с ними, если приобретете всего лишь за двадцать пять брайтонских долфинов междугородный бестселлер «Золото хищников» (автор – профессор Пеннироял). За последние годы мы накопили много информации о налетах и грабежах этих разбойников и составили четкую картину о том, как работает их организация. И вот тогда чувство долга позвало меня в далекий путь на север в стремлении обезвредить как можно больше опасных пиратов.

– Ваша милость, вам, конечно, известны утверждения политической оппозиции, что пираты-паразиты являются не более чем выдумкой, рекламной уловкой, имеющей целью увеличить поток туристов на борт Брайтона и распродать дополнительные тиражи ваших книг…

Пеннироял несколько раз презрительно хрюкнул:

– Читатели прекрасно раскупают мои книги без всяких рекламных трюков. И что зазорного в том, что наша экспедиция по очистке океана от паразитов делает Брайтон еще более привлекательным для гостей? Брайтон – город туристов, и прямой задачей мэра является всемерное увеличение их

числа. Хочу напомнить и подчеркнуть, что эта маленькая экскурсия с рыбалкой не стоит нашим облогоплательщикам ни пенни. В соответствии с разработанным и заключенным мной соглашением о сотрудничестве подводное поисковое оборудование и ловушки для пиявок полностью оплачивает один из самых уважаемых предпринимателей города мистер Набиско Шкин. Ему принадлежит также остроумная идея видеопередачи для пиратов с обращением от имени несуществующей организации их родителей. Знаю, некоторые находят подобные методы несколько жестокими, но, надо признать, ВОРДЕТ полностью окупил свои моральные издержки. Мы все убедились, что мистер Шкин в совершенстве изучил психологию этих ущербных беспризорников. Он и сам сирота, видите ли, бывший трудный ребенок с нижней палубы, но сумел вытащить себя за сапожные ушки из грязи и стать человеком, так ему ли не знать, где у подонков слабые места?

– Как скоро, по мнению вашей милости, пираты снова попадутся в западню?

– Немного терпения! – довольно хохотнул Пеннироял и, заметив, что фотограф опять нацелился на него камерой, повернул голову под наиболее выигрышным углом, немного в профиль. – Мальчишки с первых трех пиявок оказались крепкими орешками и наотрез отказались выдать место расположения своей базы. Зато на этот раз сети принесли многообещающий улов – малолетнего мальчика и девчонку; расколоть их не составит труда. Дайте срок; возможно, в ближайшие дни нас ожидают грандиозные события!

* * *

На самом деле событием ближайших дней стала перемена погоды. Ураган, налетевший со стороны Мертвого континента, поднял на поверхности океана высоченные седые волны, которые так резко подбрасывали Брайтон, что даже коренные жители страдали морской болезнью. Многие туристы, специально прилетевшие с Охотничьих земель понаблюдать за тем, как люди Пеннирояла будут отлавливать пиратов, погрузились на свои воздушные корабли и небесные яхты и поспешили по домам. Те брайтонцы, которые чувствовали себя не настолько больными, чтобы время от времени выбираться на прогулку, сквозь проливной дождь посматривали на днище Облака-9, висящего над головой на фоне набухшего тучами неба, и пытались понять, как Пеннироялу удалось

уговорить их пригнать город в этакую даль, на потеху здешнему необузданному, негостеприимному океану.

В самом глубоком трюме Брайтона, на полу узкой, тесной клетки в зоне предпродажного содержания рабов корпорации «Шкин» лежала Рен и мечтала умереть. На потолке трюма, как заведенная, раскачивалась аргоновая лампа, бросая тусклые отсветы на железные стены и ряды пустых клеток, приготовленных для будущего улова Пропащих Мальчишек. В одной из занятых лежал Селедка, в других находились экипажи пиявок, пойманных раньше. Ожог на руке Рен доставлял ей нещадные муки. Теперь уж эта отметина, наверное, не заживет до конца ее жизни – что, впрочем, может занять не слишком много времени, думала девочка.

– Мы что, тонем? – спросила она надзирателя, когда тот во время обхода направил на нее свой фонарь, проверяя – жива ли.

Надзиратель засмеялся:

– Похоже, правда? Но Брайтон благополучно преодолевал и более страшные штормы. Не волнуйся, скоро мы заграбастаем всех остальных твоих дружков.

– Они мне не дружки, – с обидой возразила Рен. – Я не Пропащий Мальчишка…

– Смени пластинку, милашка, – сказал мужчина утомленным голосом. – Я уже слышал эту песню; ты пела ее Монике Уимс на Фишмаркет-Хард в тот день, когда попалась к нам в сети. И в ответ услышишь то же самое: не важно, кем ты была, теперь ты просто товар на продажу. В Нуэво-Майя за тебя дадут хорошую цену.

В памяти Рен проснулись воспоминания о школьных уроках географии. Большой глобус в классной комнате Зимнего дворца и слова мисс Фрейи: «Здесь находится Нуэво-Майя, называвшаяся Южной Америкой до того, как перешеек, соединявший ее с Северной Америкой, был разрушен бомбами замедленного действия в ходе Шестидесятиминутной войны».

От Нуэво-Майя до Анкориджа тысячи километров! Если Рен отвезут туда, ей уже никогда не добраться до дома.

Надзиратель прислонился плечом к прутьям клетки и злорадно уставился на девочку:

– Только не надейся, что мистер Шкин продаст банду подводных пиратов в качестве рабов-лакеев и горничных! В Нуэво-Майя всем вам предстоит стать гладиаторами на борту одного из этих городов-зиккуратов. Они там у себя на аренах устраивают забавные зрелища! Толпы рабов набрасываются друг на друга или сражаются против специально

оборудованных роботов-разрушителей и пленных Сталкеров Зеленой Грозы. Просто море крови и потрохов, но все это делается в угоду ихним чудным богам, то есть считается чуть ли не религиозным обрядом.

Религиозный или нет, но Рен такой обряд не нравился. Необходимо найти выход из заварушки, куда ее угораздило влипнуть. Но голова ее, о которой так лестно отзывалась мисс Фрейя, наверное, слишком кружилась от морской качки, чтобы в ней родились путные мысли.

– Лучше бы мы действительно пошли ко дну! – крикнула она вслед надзирателю, когда тот продолжил обход. – И было бы вам поделом! Надеюсь, вы все потонете, прежде чем успеете схватить еще хоть одного несчастного Пропащего Мальчишку!

Однако назавтра шторм пошел на убыль, волны стали более пологими, и к вечеру растерянные и плачущие члены экипажей еще трех пиявок оказались взаперти в загоне для рабов. Ночью попались еще четыре пиявки, и очередные три – на следующий день. Одна из них почуяла западню и бросилась наутек, прежде чем магнитные захваты успели поймать ее, но Брайтон кинулся в погоню и начал сбрасывать глубинные бомбы, пока из океана не вырос белый столб воды, окатив восторженных зрителей на смотровых площадках по правому борту. На поверхность всплыли обломки пиявки и хватающий ртом воздух Пропащий Мальчишка.

– Наверное, до Гримсби уже дошел слух о том, что с нами случилось, – предположил Криль, одним из первых попавший в плен; с побледневшим лицом он наблюдал, как клетки вокруг него заполняются схваченными товарищами. – Дядюшка что-нибудь придумает, вызволит нас.

– Слух-то дошел, – подтвердил кто-то из вновь прибывших.

– Мы как раз оттуда…

– Получили послание пару дней назад…

– Дядюшка предупреждал, что это ловушка, а мы не послушали и удрали.

– Каждый был уверен, что встретит здесь маму и папу…

Криль опустил голову и заплакал. Ему доводилось возглавлять набеги на неподвижные поселения Западного архипелага, он безжалостно расправлялся с любым сухопутником, кто осмеливался преградить ему путь, но здесь, в загоне корпорации «Шкин», превратился в обычного беспризорного подростка.

Рен просунула руку сквозь прутья и потянула Селедку за рукав. Малыш лежал, свернувшись калачиком, на полу соседней клетки. Он отказывался разговаривать с Рен с того дня, как их приволокли сюда, и, как догадывалась девочка, считал ее виноватой в случившейся с ними беде. И

возможно, был прав. Ничего подобного не произошло бы, если бы она не убеждала его так настойчиво приехать в Брайтон.

– Селедка, – осторожно позвала Рен. – А сколько вообще Пропащих Мальчишек? Я имею в виду, всех вместе?

Несколько секунд он молчал, не поднимая глаз, но потом все же нехотя сказал:

– Кажись, человек шестьдесят. Это не считая Дядюшки и малышей, которые не умеют управлять пиявками.

– Но здесь уже не меньше сорока человек! – воскликнула Рен. – Это значит, что в Гримсби почти никого не осталось…

Дверь помещения со скрежетом распахнулась, и послышался топот нескольких ног. «Еще поймали», – с усталым безразличием подумала Рен и даже не повернула голову, чтобы посмотреть. Однако шаги остановились возле ее клетки. Она подняла глаза и увидела, что вошедшие вовсе не Пропащие Мальчишки, а два охранника корпорации «Шкин» и противная мисс Уимс.

– Вытащить ее оттуда! – приказала мисс Уимс.

Рен встревожилась. Неужели мисс Уимс и вся корпорация «Шкин» поняли, что у них в плену действительно никакая не Пропащая Девчонка и из нее никогда не получится путного гладиатора для сражений на аренах Нуэво-Майя, поэтому проще выбросить ее за борт, чтобы не расходовать зря хлеб и воду?

– Хозяин хочет видеть тебя, – надменно произнесла мисс Уимс, и Рен повели мимо запертых в клетках Пропащих Мальчишек, которые провожали ее взглядами.

В стене за клетками имелась дверь, которая вела в комнату по размерам не больше встроенного шкафа. Охранники втолкнули в нее Рен, и сами втиснулись следом. И только когда мисс Уимс потянула за рычажок на стенке шкафа и под ногами дернулся пол, девочка поняла, что находится в лифте. На Анкоридже все лифты давным-давно вышли из строя, а этот работал безукоризненно, он стремительно поднимался, и Рен чувствовала себя так, будто обгоняет собственный желудок.

Поскольку ее приволокли в корпорацию «Шкин» запутанную в сети, девочке ничего не запомнилось из внутреннего расположения здания. Между тем оно представляло собой башню, нижние этажи которой прятались в трюмах Брайтона и служили исключительно для содержания рабов. На средних этажах, расположенных на втором ярусе города, несколько камер были отведены для содержания ценных рабов, приравненных к предметам роскоши, остальные – под офисы

административных служб. Наконец, верхушка башни возвышалась над верхней палубой последнего, курортного яруса в фешенебельном районе Брайтона, носящем название Куинз-Парк. В ней располагались офисы и службы основателя и владельца корпорации мистера Набиско Шкина. Эта часть здания напоминала айсберг – такой она сияла белоснежной чистотой – и ничем не выдавала жуткого предназначения спрятанных под ней девяноста процентов помещений. Местные жители прозвали ее Перечницей.

Лифт остановился на самом верхнем этаже, и Рен очутилась в большой круглой комнате, богато обставленной мебелью, задрапированной черным плюшем, устланной черными коврами; на черных стенах висели черные картины в золоченых рамах. Но самой потрясающей для Рен оказалась панорама, которая открывалась из окон по всему периметру комнаты. Солнце сияло на крышах Брайтона; развевались яркие разноцветные флаги; из воздушной гавани над городом взмывали аэропеды и небесные яхты; тысячи чаек с криками носились вокруг дымовых труб и за кормой над сверкающей поверхностью океана. Пелена из водяной пыли, поднимающейся от лопастей гребных колес, повисла над городом, подхваченная ласковым бризом, а солнечные лучи рисовали в ней мириады живых радуг.

На какое-то мгновение Рен почти забыла о своих несчастьях, о слабости и головокружении из-за длительного недоедания, о непрекращающейся боли в обожженной руке. Ей захотелось смеяться от восторга; сбылась давнишняя мечта – вот он, чудесный плавучий город, и даже еще прекраснее, чем она ожидала.

– Мы привели ее, мистер Шкин, – раздался голос мисс Уимс с новой для Рен подобострастной интонацией.

Один из охранников взял девочку за плечи и развернул лицом к мужчине, который сидел в черном кресле на колесиках и безмолвно наблюдал за ней.

Набиско Шкин так и остался в прежней позе – нога на ногу, лишь едва заметно покачивая вверх-вниз блестящим лакированным ботинком. Темно-серый костюм, серые перчатки, седина в волосах, серые глаза, бледное лицо, бесцветный голос, который произнес:

– Безмерно рад познакомиться с тобой, милая. – Но никакой радости в этом голосе не прозвучало. И выглядел мужчина тоже уныло. Казалось, он вообще не умел радоваться. – Как передала мне Моника, ты утверждаешь, что родом из Анкориджа?

– Утверждаю! – с готовностью подхватила Рен, чувствуя облегчение

оттого, что кто-то наконец внял ее мольбам. – Я Рен Нэтсуорти, меня похитили…

– Никто не может быть родом из Анкориджа. – Шкин встал с места и обошел ее кругом. При этом он ни на миг не отводил взгляда от девочки. – Много лет назад Анкоридж затонул к западу от Гренландии.

– Нет! – выпалила Рен. – Он не затонул, он…

Шкин предупреждающе поднял палец и повернулся к своему письменному столу. Потом повернулся обратно, держа что-то в руках. Это была книга, которую Рен выкрала из библиотеки мисс Фрейи и о существовании которой с тех пор успела совсем забыть.

– Что это? – спросил Шкин.

– Жестяная Книга, – ответила Рен. – Обычная антикварная вещь эпохи Черновековья. Именно за ней «Автолик» явился в Винляндию. Кажется, в этой книге есть какая-то информация о подводных лодках. Я помогла Пропащим Мальчишкам украсть ее, но потом все пошло не так, как надо, и Селедка захватил меня заложницей, и если вы отвезете меня обратно в Анкоридж, сэр, то мои мама и папа и мисс Фрейя обязательно отблагодарят вас…

– Опять Анкоридж! – Шкин положил книгу на место и изучающе посмотрел на девочку. – Для чего тебе понадобилось упорствовать в своей нелепой выдумке? В Анкоридже теперь не живет никто, кроме морских обитателей. Все в Брайтоне хорошо знают это. Наш дорогой мэр Нимрод Пеннироял неплохо заработал, написав книгу «Золото хищников» о последних днях Анкориджа. Повествование заканчивается тем, как город погружается в «водяную могилу», по выражению нашего неповторимого мэра.

– Ну так вот, ваш мэр все врет! – сердито заявила Рен, обиженная несправедливостью того, что Пеннироял не только вышел сухим из воды, но вдобавок разбогател на своей бессовестной лжи. – Он трусливый врун, он стрелял в моего папу и ранил его, он угнал мамин с папой дирижабль и смылся на нем, когда Архангельск собирался сожрать Анкоридж. Откуда ему знать, что случилось потом? И что бы он там ни написал, все вранье!

Набиско Шкин приподнял одну свою серую бровь примерно на три миллиметра, что означало удивление. В тот же миг Рен осенило. Она же единственная во всем внешнем мире знает правду об Анкоридже! А значит, является ценным свидетелем! Слишком ценным, чтобы вместе с Пропащими Мальчишками оказаться проданной в рабство для гладиаторских побоищ!

Словно очень далеко от нее, на противоположной стороне огромной

темной комнаты приоткрылась маленькая дверка; у нее появился выход.

– Анкориджу удалось добраться до зеленого островка посреди Мертвого континента, – продолжала рассказывать Рен. – Город выжил, и я тому доказательство. Разве Пеннироялу будет неинтересно узнать об этом, как вы думаете?

Набиско Шкин вознамерился было снова утихомирить ее, но после этих слов задумался, а его бровь выползла вверх на целых полсантиметра. Он снова уселся в кресло, по-прежнему не сводя с девочки глаз, и потребовал:

– Объясни-ка!

– Ну ему же захочется узнать об Анкоридже, ведь так? – неуверенно проговорила Рен. – Раз уж он получил столько денег, рассказывая людям про нас, то наверняка заинтересуется тем, что произошло на самом деле. Он может сочинить продолжение! Снарядить экспедицию, отвезти меня домой, а потом написать об этом целую книгу!

«А если не отвезет, – подумала Рен, – то лучше жить в рабстве в этом похожем на плавучий дворец месте, чем очутиться на аренах Нуэво-Майя».

– Да ему просто до смерти захочется поговорить со мной! – добавила она с горячностью.

Шкин задумчиво кивнул. Тень улыбки промелькнула на его тонких губах и тут же исчезла, будто оказалась для них непосильным трудом. Он с неприязнью вспомнил об унизительном замечании по поводу своего нижнепалубного происхождения, сделанном Пеннироялом в интервью утреннему выпуску «Палимпсеста». Выставил его на всеобщее посмешище, напомнив брайтонцам, как Шкин малолетним воришкой промышлял в сырых подворотнях в трущобах Моулз-Кум! А что, если эта девчонка ниспослана ему богами? Возможно, с ее помощью удастся поквитаться с придурком-мэром.

– Если то, что ты говоришь, правда, – сказал он, – это действительно могло бы заинтересовать мэра Пеннирояла. Но как ты докажешь, что ничего не выдумываешь?

Рен показала на лежащую на письменном столе Жестяную Книгу:

– Вот доказательство. Это известный памятник старины из библиотеки маркграфини…

– Не припомню, чтобы книга упоминалась в скрупулезном отчете Пеннирояла о сокровищах Анкориджа, – заметил Шкин. – А если он не подтвердит ее аутентичность? Остается только верить твоим словам, но слово рабыни и бывшей Пропащей Девчонки ничего не стоит.

– Пусть задает мне разные вопросы, – в отчаянии предложила Рен. –

Он может спросить меня что-нибудь о маме и папе, о мистере Скабиозе, о мисс Фрейе, обо всем, чего нет в его книге и что может знать только человек, который жил все это время в Анкоридже.

– Разумно. – Шкин опять как-то по-своему замедленно кивнул. – Моника, – обратился он к мисс Уимс, – переведите эту девочку на второй ярус. Отныне ей присваивается категория предмета роскоши.

– Про Селедку не забудьте! – поспешно вставила Рен. – Он тоже свидетель существования Анкориджа.

– В самом деле, – согласился Шкин и снова обернулся к мисс Уимс. – Приведите мальчика в комнату для допросов. Пора с ним побеседовать.

Глава 13
Доктор Зеро

Когда воздушный корабль, доставляющий Энону Зеро из Батмунх-Цаки, присоединился к плотному потоку других кораблей, курсирующих над Тяньцзином, пассажирка приникла к иллюминатору гондолы и стала глядеть вниз, любуясь весело раскрашенными домиками, прилепившимися к склону на немыслимо узких скальных уступах; крошечными садиками, больше похожими на цветочные ящики на оконных карнизах; серебрящимися на солнце высокогорными каналами; яркими халатами жителей, снующих по ажурным мосткам и крутым, ступеньками, улочкам. Этот город, расположенный высоко в центральном горном массиве территории Шань-Го, считался местом рождения Лиги противников Движения, основанной ламой Батмунхом, и ее столицей на протяжении вот уже тысячи лет.

Сама Лига давно почила в бозе, ее Высший совет повержен, и на всем оставила свой отпечаток война, которую ведет Зеленая Гроза. По мере того как воздушный корабль снижался в направлении войсковых швартовочных тарелок у подножия Нефритовой пагоды, Эноне становилось все труднее не замечать внушающие тяжелое чувство железобетонные ракетные шахты, обезобразившие сады и парки Тяньцзина, а на склонах гор – целые армии уродливых ветряных генераторов, которые молотили и громыхали лопастями, вырабатывая «чистую энергию» для военных нужд. Уже четырнадцать лет никому не разрешалось заниматься чем-либо, что не являлось бы вкладом в общие усилия по ведению войны, и в результате жилые и гражданские кварталы города все больше приходили в упадок. Куда ни кинешь взгляд, всюду дома нуждались в срочном ремонте и тени патрульных дредноутов скользили по прохудившимся крышам.

Нефритовая пагода на самом деле была не пагодой и тем более не из нефрита. Название сохранилось в память о принесших его с собой первых поселенцах Тяньцзина, которые нашли убежище в этих горах. Возможно, раньше оно принадлежало какому-нибудь красивому летнему дворцу, стоявшему где-то на равнине и давным-давно съеденному вечно голодными городами, и совсем не подходило мрачным крепостным стенам, что нависли над Эноной, когда она ступила на выбеленную снегом швартовочную площадку. Торчащие над внешними воротами острые штыри унизаны головами противников войны и тех, кто не сумел вовремя

утилизировать собственные домашние отходы. На сухом горном воздухе кожа на черепах выцвела и пожухла, как осиные гнезда. На стенах огромными буквами намалевано краской: «МИР СНОВА СТАНЕТ ЗЕЛЕНЫМ!» и «ОДНИМ ПОСЛЕДНИМ УДАРОМ ВЫШИБЕМ ПАНГЕРМАНСКИЙ ДВИЖУЩИЙСЯ КЛИН!».

Внутренние ворота охраняли часовые из элитного воздушного легиона Сталкера Фанг. Они преградили путь Эноне, когда она подняла с земли тяжелую дорожную сумку, повесила ее на плечо и двинулась вверх по ступенькам, ведущим к выходу со швартовочной площадки.

– Ваши документы, молодой человек! – пролаял младший офицер, исполняющий обязанности начальника караула.

Энона уже привыкла к тому, что ее по ошибке часто принимают за мужчину. На территории, подконтрольной Зеленой Грозе, любые избытки продовольствия направлялись на фронт, и жизнь впроголодь в детские годы сделала фигуру девушки по-мальчишески худой и невзрачной. Энона терпеливо ждала, пока младший офицер проверял ее пропуск, и наблюдала, как меняется выражение его лица с пониманием, кто перед ним в действительности.

– Пропустите! Пропустите! – с преувеличенным усердием закричал он, подстегивая подчиненных плоской гранью меча и таким образом демонстративно наказывая их, чтобы доктору Зеро не пришло в голову наказать его самого. – Немедленно пропустите! Это доктор Зеро, новый личный хирург-механик нашего вождя!

* * *

Когда Зеленая Гроза захватила власть, Эноне было четыре года и она мало что запомнила из довоенной жизни. Отец, погибший в бою с пиратами на Разбойничьем Насесте, навсегда остался для нее лишь лицом на фотографии в фамильной усыпальнице.

Энона росла застенчивой и смышленой девочкой на военно-воздушной базе в далекой Алеутии, где ее мать служила механиком. В школе вместе со всеми распевала патриотические песни вроде «Зеленеет восток» и «За наше счастливое детство спасибо вам, Сталкер Фанг». Перед сном вместо сказок слушала истории брата Ино, авиатора, о победах в продолжающейся где-то войне. Игрушки ей заменяли вышедшие из строя Сталкеры, вывезенные после боев с Хамчатки, сваленные на задворках базы и вызывавшие у девочки безграничную жалость. Так она начала лечить их, не понимая

тогда, что перед ней мертвецы и лучше всего оставить их мирно ржаветь. Энона познала секреты, спрятанные под Сталкерской броней, и буквально на ощупь изучила строение их мозга. Она до такой степени наловчилась обращаться с ними, что даже командующий базой, когда ломался один из его Сталкеров, стал вместо собственных хирургов-механиков посылать за девочкой по фамилии Зеро. Таким образом ей удавалось заработать несколько дополнительных рационов для себя и матери. Это продолжалось, пока ей не исполнилось шестнадцать. До руководства Зеленой Грозы дошли слухи о ее способностях, и девочку направили на обучение в спецшколу, а затем на фронт в подразделение корпуса Воскрешенных людей на Алтай-Шане.

На долгую кровопролитную зиму двадцать второго года Энона оказалась погребенной в мире окопов и блиндажей. Эвакуационные команды выволакивали из заледеневшей грязи трупы погибших солдат, которые затем попадали на столы для операции воскрешения. Энона с коллегами превращала их в Сталкеров и отправляла обратно на передовую.

Девушка так скоро избавилась от ощущений страха и сострадания, что сама удивлялась. Научилась не видеть лица людей, которых оперировала, и они уже не казались ей людьми, а становились просто поломавшимися устройствами, которые надо поскорее раздеть и отремонтировать. К великой радости Эноны, в операционной воскрешения всегда царила товарищеская атмосфера. За работой хирурги-механики не упускали возможности пошутить и беззлобно посмеяться друг над другом, но к юной коллеге всегда относились бережно и заботливо, обращались к ней ласково – «сестренка». Она быстро завоевала их уважение умением делать свое дело профессионально и надежно, решать серьезные проблемы, которые остальным оказывались не под силу. До ушей Эноны долетало иногда, как в разговорах между собой хирурги-механики называли ее не иначе как гением.

Энона гордилась тем, что старшие товарищи довольны ее работой, и тем, что вносит свою лепту в борьбу за Лучшую Землю. В ту зиму вражеские города снова и снова переходили в наступление через изрытую снарядами полосу ада, отделяющую их Охотничьи Угодья от территории Зеленой Грозы, и силы противника были столь огромны и многочисленны, а продвижение вперед осуществлялось на таком широком фронте, что Эноне казалось, его невозможно остановить. Однако орудия и катапульты Зеленой Грозы открывали шквальный огонь по гусеницам движущихся городов, а воздушные бомбоносцы Зеленой Грозы забрасывали «стаканами» их палубные надстройки, а боевые корабли Зеленой Грозы

обращали в бегство истребителей, прикрывающих города с воздуха; а доблестные подразделения гранатометчиков Зеленой Грозы проникали между огромными катками, простреливали снизу корпуса пробоины, через которые внутрь врывались Сталкеры Зеленой Грозы! И в конце концов каждый раз, когда погибало значительное число жителей, города останавливались и убирались восвояси. Нередко случалось, если какой-то из них оказывался серьезно поврежден, остальные набрасывались на него и разрывали на части.

Поначалу у Эноны душа уходила в пятки от завываний и разрывов летящих в ее сторону снарядов тупорылых пушек, от свиста снайперской пули, внезапно рассекающей морозный воздух над траншеей. Но прошли недели, затем месяцы, и постепенно ужас исчез, превратившись в повседневную рутину. Похоже на привычку препарировать мертвые тела в операционной воскрешения; и в том и в другом случае надо научиться не отвлекаться на эмоции. Даже когда пришло известие, что в Алеутии пригороды-амфибии сожрали военно-воздушную базу, где работала ее мать, Энона не испытала никаких чувств.

Как-то во время весеннего наступления двадцать третьего года эвакогруппа приволокла тело погибшего пилота, показавшееся ей знакомым. Она узнала родинки на его груди, расположившиеся в причудливом порядке, так же памятном ей, как небесные созвездия: распознавать их этот человек учил ее в детстве. Даже прежде чем отодрать с лица убитого присохшую окровавленную тряпку, которой кто-то сердобольно прикрыл его, Энона догадалась – перед ней останки брата Ино. Поскольку их переписка перлюстрировалась, она и не подозревала, что брат воевал на том же участке фронта.

Девушка молча смотрела на труп, машинально натягивая себе на руки резиновые перчатки. Душа ее противилась тому, чтобы воскрешать брата, но разумом она понимала – ей несдобровать, если откажется. Иногда на передовой солдаты пытались воспрепятствовать политическим офицерам корпуса увозить погибших товарищей на операцию воскрешения. В таких случаях руководство Зеленой Грозы обвиняло бунтовщиков в пособничестве сторонникам Движения, их расстреливали, а потом воскрешали вместе с убитыми на фронте друзьями. Энона не желала, чтобы ее расстреляли. При виде мертвого брата все забытые чувства вдруг проснулись, к ней вернулся страх смерти, настолько сильный, что перехватило дыхание. Нет, она не может так же, как Ино, лежать на операционном столе, холодная и безжизненная.

– Хирург-механик! – обратился к ней один из ассистентов. – Вам

плохо?

Энону чуть не вырвало. Она отрицательно махнула рукой и усилием воли постаралась сосредоточиться. И думать не моги, чтобы не воскрешать брата!

Девушка заставляла себя гордиться тем, что благодаря ей тело брата даже после смерти сможет уничтожать варваров. Но гордиться не получалось.

Под вопросительными взглядами ассистентов Энона приказала:

– Скальпель. Пилу. Реберные распорки, – и принялась за работу.

Она вскрыла грудную клетку, извлекла внутренние органы, заменив их на механизмы, гнезда источников питания, жидкостные насосы. Потом ампутировала кисти рук и установила на их место Сталкерские стальные захваты. Удалила половые органы. Затем настала очередь глазных яблок. Сняв кожу, подключила к мышечным волокнам запутанную систему электродов. Вскрыла черепную коробку, поместила в мозг устройство размером с персиковую косточку, с которого вниз по спинному мозгу пополз проводок толщиной с ресницу, подключаясь к нервной системе и установленным ранее приборам. Хирург-механик молча наблюдала, как тело Ино корчилось и содрогалось по мере продвижения проводка.

На протяжении всей операции Энона то и дело шептала брату:

– Это ведь не ты на самом деле. Ты давно в Стране без солнца, а здесь осталось лишь то, от чего ты освободился, что можно переработать и утилизировать как пустую бутылку или банку. Разве Зеленая Гроза не учит нас все утилизировать ради Лучшей Земли?

Проделав главную часть операции, Энона оставила на младшего хирурга-механика завершить ее второстепенные этапы: облачить Сталкера в экзоскелет и установить перстяные клинки. Сама же вышла на воздух и закурила, глядя, как над нейтральной полосой горят воздушные корабли.

С того дня мертвые стали разговаривать с ней с операционного стола. Странно, что болтали все подряд, тогда как собственный брат не произнес ни слова. После Ино хирург-механик взяла за правило смотреть на лица оперируемых, и именно в эти мгновения ей слышался их шепот.

Все они задавали одни и те же вопросы: «Кто положит этому конец? Кто положит конец этой бесконечной войне?»

– Я положу этому конец! – негромко отвечала она, так что ее голос тонул в грохоте орудийной стрельбы. – Хотя бы попытаюсь…

* * *

– Милочка! – в виде приветствия воскликнул Попджой, когда Энона наконец добралась до его кабинета на верхушке пагоды.

Он упаковывал чемоданы. Один, большой, лежал с открытой крышкой на письменном столе. Энона разглядела в нем книги, скоросшиватели, какие-то бумаги, фотографию Сталкера Фанг в рамке и эмалированную кружку с логограммой корпуса Воскрешенных и надписью: «Чтобы работать здесь, не обязательно быть сумасшедшим ученым – но желательно!» Попджой забрался на стул, снял с гвоздика фотографию авиабазы на Разбойничьем Насесте, рукавом стер с нее пыль и только тогда положил в чемодан. После чего послал доктору Зеро воздушный поцелуй:

– Примите мои поздравления! Только что был на приеме у Фанг, приказ подписан! Вы так славно поработали со стариной Шрайком и произвели на нее настолько сильное впечатление, что она решила наконец отправить меня в отставку! Я уезжаю к себе на дачу в Батмунх-Гомпу на весьма заслуженный отдых. Буду заниматься рыбалкой, и больше ничем, кроме парочки любимых проектов и, возможно, собственных мемуаров! А вам, милочка, предстоит занять мое место!

«Как странно», – подумала Энона. Именно к этому она стремилась с момента своего прозрения во фронтовых окопах – стать личным хирургом-механиком Сталкера Фанг. Ради достижения этой цели она подавила в себе природную застенчивость и добилась перевода на центральную фабрику Сталкеров. Ради этой цели терпеливо сносила отвратительные шуточки и вечно липнущие к ее телу руки доктора Попджоя. Ради этой цели потратила годы на поиски захоронения знаменитого Сталкера Шрайка, а затем месяцы кропотливого труда на его восстановление, доказывая всем, что в своем деле она по меньшей мере не хуже Попджоя. А теперь, когда цель достигнута, ей не под силу даже улыбнуться. Колени подогнулись, и Энона ухватилась за дверь, чтобы не упасть.

– Держитесь веселее, милочка! – ухмыльнулся Попджой. – Вам повезло! Власть! Деньги! И все, что от вас требуется взамен, – проверять время от времени уровень масла в ее превосходительстве, наводить блеск на панцирь, следить, нет ли ржавчины. Поскольку она практически неуязвима, вряд ли у вас будет с ней много проблем. Если что-либо вызовет ваше беспокойство, дайте мне знать. В остальном…

«В остальном я полностью независима», – подумала Энона Зеро, поднимаясь по лестнице на самый верх пагоды, в личные апартаменты Сталкера Фанг. По сути, свершилась огромная несправедливость; если бы в мире царил порядок, такой подлец, как Попджой, принесший человечеству столько зла и страданий, сам должен бы страдать. Вместо этого ему

предстоит доживать свои дни в роскоши, занимаясь рыбалкой и парочкой любимых проектов. Но, по крайней мере, своей отставкой он предоставил Эноне Зеро возможность выполнить обещание, данное мертвым.

Часовые при виде нее вытянулись по стойке смирно. Лакеи с низким поклоном отворили перед ней двери в комнату для совещаний. Штабные офицеры и секретари подняли головы от расстеленной на большом столе карты Ржавых болот и не удосужились ответить на ее поклон. Фанг тоже подняла голову, ее глаза обожгли зеленым сиянием. Она лишь несколько часов назад вернулась с фронта, и ее броню покрывала засохшая корка из грязи и крови презренных горожан.

– Мой новый хирург-механик, – прошипела Фанг.

– К вашим услугам, ваше превосходительство, – невнятно отрапортовала Энона Зеро и опустилась на колени перед вождем Зеленой Грозы. Когда же наконец осмелилась поднять взгляд, все присутствующие уже вернулись к изучению карты военных действий и только глаза Сталкера Шрайка продолжали неотрывно смотреть на нее.

Ну вот, все встало на место. Энона теперь здесь свой человек, член штабного персонала. Очень скоро она осуществит план, который задумала, еще когда кормила вшей в окопах Алтайского фронта, – убьет Сталкера Фанг.

Глава 14
Продана!

Позже Рен иногда будет говорить, дескать, она-то знает, что такое рабство. Но это не совсем соответствовало действительности. Старый промысел работорговли возродился и процветал в те годы. За долгую войну множество людей попало в плен, и обе стороны продавали их по оптовой цене таким, как Шкин. А те фрахтовали щелястые, продуваемые ветром воздушные сухогрузы, до отказа набивали их рабами и по птичьим дорогам отгружали заказчикам для работ на гигантских индустриальных платформах или Зеленой Грозе на рытье бесконечных траншей и ловушек для движущихся городов. Рабство означало изнуряющий труд, полную потерю надежды увидеть когда-либо свои семьи, бесчеловечные условия жизни и безвременную смерть. Самое худшее, с чем пришлось мириться Рен в роли рабыни, – писательский шедевр Нимрода Пеннирояла.

Сразу после собеседования с мистером Шкином ее перевели в удобную камеру, расположенную где-то в центре Перечницы. Там стояла мягкая койка, тазик для мытья; три раза в день приносили еду, а еще одели Рен в новое льняное платье, которое сидело на ней совсем неплохо. Кроме того, в ее распоряжении имелся теперь экземпляр сочинения Пеннирояла «Золото хищников», доставленный мисс Моникой Уимс «с наилучшими пожеланиями от мистера Шкина».

Каждый день на несколько часов камера Рен освещалась через зарешеченное окошко с помощью установленного снаружи отражателя, на который сквозь световой люк в палубном покрытии наверху падал солнечный лучик. Забравшись с ногами на койку, она открывала довольно мрачную как внешне, так и по содержанию книгу и чувствовала себя почти дома, на Сириус-Корт, где любила почитать, сидя у окна в своей комнате. Однако до сих пор ей не попадалось ничего похожего на «Золото хищников». Странное ощущение испытываешь, когда читаешь о хорошо знакомых тебе событиях, людях, месте действия и не узнаешь их, – в таком измененном и искаженном виде они предстают перед тобой.

Сначала Рен боялась, что рассказ о маме и папе усилит боль разлуки с ними, но эти опасения не оправдались. Папа вообще не упоминался в книге Пеннирояла. Что касается персонажа под именем Эстер Шоу, то мама с трудом узнавалась в «небесной амазонке с золотисто-каштановыми волосами, чью божественную красоту нарушал лишь багровый шрам,

оставленный бандитским стилетом на шелковистой коже ее щеки».

Однажды ночью Рен лежала в постели, не в силах заснуть, и с негодованием вспоминала прочитанное. И тут вдруг поняла: она совершила еще одну ужасную ошибку. А еще хвалила себя за то, что сумела убедить Шкина свести ее с мэром! Но ведь при этом строила свой расчет на правдивости большей части содержания «Золота хищников». У нее не хватило воображения представить себе всю лживость сочинения Пеннирояла о его похождениях на Анкоридже. И теперь, если Рен расскажет правду, репутация и карьера автора окажутся под угрозой. Пеннироял наверняка захочет выкупить девочку, только не для того, чтобы писать о ней книжки. Ему обязательно понадобится заставить ее замолчать – безотлагательно и навечно.

Беззащитная и одинокая, взаперти в тюремной камере, девочка спрятала лицо в подушку и застонала от нахлынувшего страха: «Что я наделала!» Но можно ли как-то исправить положение? Рен вскочила с койки и направилась было к двери, намереваясь позвать надзирателя, а потом заявить Шкину, что все наврала про Анкоридж, что она действительно Пропащая Девчонка и не представляет никакого интереса для профессора Пеннирояла. Однако новая мысль заставила ее остановиться: тогда она потеряет все, что имеет сейчас, – Шкину вряд ли нравится, когда его дурачат, у него наверняка имеются неприятные способы расквитаться с теми, на кого он зря потратил время.

– Думай, Рен, думай! – шепотом приказала она себе.

А пока ее мучила бессонница, где-то внизу, в брюхе Брайтона, безостановочно пыхтели и бухали могучие двигатели фирмы «Митчел-энд-Никсон», неуклонно толкая город все дальше на север.

* * *

После разговора с Рен мистер Шкин приказал доставить ему Селедку. Малыш с готовностью отвечал на все вопросы. Он был измучен и запуган до предела и только рад обрести нового хозяина, который бы заботился о нем и указывал, как поступать. Набиско Шкину хватило двух-трех притворно ласковых слов, чтобы Селедка полностью подтвердил историю Рен об Анкоридже, а заодно рассказал работорговцу, где находится Гримсби.

Люди Шкина сообщили координаты базы Пропащих Мальчишек мэру и городскому совету. Брайтон взял нужный курс, и вскоре на мостике с

помощью олд-тековских инструментов засекли в глубине островерхие башенки затонувшего города. Брайтон лег в дрейф и покружил некоторое время на месте, транслируя свое вероломное послание. Таким образом удалось заманить несколько оставшихся пиявок, а когда больше ни одной не появилось, Пеннироял велел перейти к завершающему этапу экспедиции.

Первоначальный план заключался в том, чтобы спуститься под воду на трофейных пиявках и оккупировать пиратское логово. Однако северный круиз занял больше времени, чем все ожидали. Погода ухудшалась, метеопрогноз предвещал начало осенних штормов, а жителям Брайтона, избалованным развлечениями, становилось скучно. Поэтому, чтобы ускорить дело, просто сбросили на Гримсби несколько глубинных бомб, порадовав зрителей великолепными взрывами, усеявшими поверхность океана разнообразными обломками. Брайтонские торговцы тут же собрали их сетями и выставили в своих магазинах на продажу в качестве сувениров. Мэр Пеннироял выступил с речью, объявив Северную Атлантику безопасной для плавания мирных городов, и Брайтон повернул на юг, прокладывая обратный курс в теплые воды Срединного моря. Там ему предстояло встретиться с компанией сухопутных городов и принять у себя на борту их жителей для проведения фестиваля Луны.

* * *

Назавтра, во второй половине дня, дверь в камеру Рен распахнулась, и тесное помещение сразу заполнили охранники, одетые во все черное. Следом вошел сам Набиско Шкин.

– Ну что, милая, – произнес он, бросив взгляд на койку, где лежал экземпляр «Золота хищников», – насколько захватывающими показались тебе приключения нашего мэра? И есть ли ошибки в его повествовании?

От волнения Рен не знала, с чего начать.

– Чепуха это все! – возмущенно воскликнула она. – Никто не заставлял Пеннирояла вести Анкоридж через Высокий лед. Его назначили почетным Главным навигатором, что является великой честью, а он только всех запутал. И не ему принадлежит заслуга победы над охотниками, а моей маме; и неправда, что ее убил Масгард, как в книге, – она и сейчас жива. И мама ни за что бы не выдала Архангельску курс Анкориджа, тем более за деньги. А когда она в книге умирает и говорит Пеннироялу: «Возьмите мой корабль, спасайтесь!» – тьфу! – это уж вообще ни в какие ворота не лезет!

Пеннироял угнал у них корабль и выстрелил в папу, чтобы тот не смог помешать, но в книге об этом, конечно, ничего не говорится. А то, что он приписывает мисс Фрейе на восемьдесят первой странице…

Рен остановилась, вспомнив о своем затруднительном положении. Шкин внимательно наблюдал за ней, как всегда строя в уме какие-то расчеты. А если он специально подбросил ей книгу, чтобы испытать ее, проверить, сможет ли девочка так же твердо придерживаться своей версии истории Анкориджа под тяжестью измышлений Пеннирояла?

– Любопытно, – произнес Шкин и щелкнул пальцами, подавая знак одному из охранников. Тот вышел вперед, по-военному печатая шаг, и защелкнул на запястьях Рен красивые серебряные наручники. – Я всегда подозревал, что его милость несколько приукрашивает свои приключения. Думаю, пора устроить вам двоим очную ставку.

* * *

Они вышли на лестничную клетку Перечницы и спустились в гараж, где в ожидании стоял обтекаемый черный электромобиль.

– А как же Селедка? – спросила Рен, после того как люди Шкина затолкали ее внутрь. – Что вы сделали с несчастным маленьким Селедкой?

– Он останется в Перечнице, – ответил Шкин, усаживаясь рядом с ней на заднем сиденье и бросая взгляд на карманные часы. – Облако-девять! – приказал он шоферу.

Электромобиль тронулся с места и выехал на закопченные улицы Лейнз, района антикварных лавок и дешевых гостиниц, занимающих большую часть среднего яруса Брайтона.

При других обстоятельствах Рен с восторгом бы разглядывала мелькающие витрины магазинов, набитые разным хламом и олд-теком; странно одетых людей на тротуарах; ярусные опоры, обклеенные афишками дышащих на ладан второсортных театриков. Но сейчас ее занимала единственная мысль: как выжить. Все зависит от правильного расчета, решила она. Если ей удастся сохранить трезвый рассудок, не давать волю эмоциям, то, возможно, у нее все еще есть шансы вырваться из лап Шкина и одновременно не дать Пеннирояллу сообразить, кто она в действительности…

Электромобиль поднялся по длинному пологому пандусу и, громким гудением разгоняя с дороги туристов, помчался по Океанскому бульвару, овалом опоясывающему верхнюю палубу Брайтона.

Мимо проносились отели и рестораны, пальмы и площадки для крейзи-гольфа, парки аттракционов, цветочные часы и салоны для игры в бинго. Машина проехала по эстакаде над неглубокой частью Морского бассейна – целого озера очищенной и профильтрованной океанской воды, окаймленного искусственными пляжами. Наконец она остановилась на Олд-Стайне, маленькой круглой площади, где находились крепления мощных стальных тросов, удерживающих Облако-9 над Брайтоном. Парящая в воздухе палуба зависла на высоте в шестьдесят метров. Задрав голову, Рен могла видеть выступающую из днища застекленную рулевую рубку, похожую на очень красивую теплицу, только перевернутую крышей вниз. Внутри по ней перемещались какие-то люди; они манипулировали медными рычажками, регулируя крен и высоту Облака-9. По всей окружности палубы имелись небольшие подвесные двигатели, и Рен предположила, что в плохую погоду они использовались для удержания Облака-9 над городом в неподвижности. Но сегодня стоял полный штиль, и только несколько двигателей работали в качестве вентиляторов, отгоняя от дворца мэра выхлопные газы Брайтона.

В центре Олд-Стайна, где канаты Облака-9 крепились к огромным ржавым пиллерсам, ждала желтая кабина подъемника, доставляющая посетителей в здание Шатра. Как только возле нее, скрипнув тормозами, остановился электромобиль Шкина, к нему тут же подбежали солдаты в красных мундирах. Они проверили документы у всех прибывших и каждого исследовали олд-тековскими металлодетекторами.

– Раньше практически любому разрешалось свободно подниматься на фуникулере и гулять по садам и паркам Шатра, – заметил Шкин. – Но с началом войны все изменилось. И хотя в нашем уголке мира царит спокойствие – афропротивники Движения слишком мелко плавают, чтобы вести масштабные боевые действия, подобно Зеленой Грозе, – Пеннироял все равно опасается, как бы диверсанты и террористы заодно не напали и на него.

Так Рен впервые узнала о войне между городами и Грозой. Теперь ей стало ясно, почему на улицах города установлены эти огромные, страшные пушки и усилен режим безопасности.

– Какова цель вашего визита на Облако-девять, мистер Шкин? – спросил начальник охраны.

– У меня есть хороший товар для мэра.

– Не уверен, что его милость в настоящее время интересуется приобретением рабов, сэр.

– Ну уж этот-то экземпляр он точно захочет заполучить в свой

обслуживающий персонал. А вам рекомендую не задерживать нас, если не хотите до пенсии проторчать на третьем уровне, занимаясь чисткой фильтров Морского бассейна…

Больше возражений со стороны охранников не последовало. Шкина и всю компанию быстро посадили в подъемник, кабина вздрогнула, и перед Рен, прилипшей к окну, открылась панорама Брайтона далеко внизу.

– Ой, смотрите! – вырвалось у нее, но Шкин и его люди уже не раз видели эту картину.

Внезапно кабина наполнилась воем работающих на пределе двигателей и что-то стремительно замелькало за окнами. Какие-то остроконечные силуэты яростно пронзали послеполуденное небо по ту сторону паутины тросов. Рен взвизгнула от неожиданности и испуга; ей показалось, что на Облаке-9 произошел взрыв и обломки полетели во все стороны. Но силуэты выстроились в определенный порядок и с шумом понеслись над крышами Брайтона, а их тени заскользили по заполненным народом улицам.

– Но у них полностью отсутствуют несущие оболочки! – воскликнула Рен. – Никаких газовых баллонов! Тогда за счет чего они держатся на лету? Объекты тяжелее воздуха не способны преодолеть силу притяжения!

Кое-кто из людей Шкина засмеялся. Даже сам работорговец заметно повеселел, будто наивность девочки добавила правдоподобности ее истории.

– Способны! – заговорил он. – Ученые движущихся городов несколько лет назад заново открыли принцип того, как преодолеть силу притяжения, – их побуждала к этому необходимость защищаться от воздушных налетов Зеленой Грозы. Четырнадцать лет войны, как ничто другое, содействуют техническому прогрессу… – Шкину пришлось повысить голос, так как летающие машины возвращались с большой скоростью, наполняя воздух ревом моторов и оглушительным свистом воздушных тормозов. – Эти ребята зовут себя Летучими Хорьками. Воздушные солдаты удачи наняты нашим многоуважаемым мэром охранять его дворец…

Рен завороженно наблюдала за проносящимися мимо машинами. Их конструкция казалась довольно хрупкой – сплошные тросики, натянутые, как струна, детали из бальзового дерева и покрытого лаком картона. Кабина состояла лишь из одноместного сиденья и пучка рукояток управления. У одних имелись две плоскости, похожие на крылья летучей мыши, другие напоминали этажерки с тремя, четырьмя и даже десятью рядами крыльев. Некоторые порхали, удерживаемые в воздухе чем-то вроде черных зонтов, которые дергались и скрипели, будто никак не могли сложиться. На

корпусах массивных двигателей нарисованы коршуны, акулы, обнаженные красотки и написаны вызывающие бесшабашные названия аппаратов: «С левой ноги» и «Долой тяготение!», «Осторожно: содержимое под давлением!» и «Получи недополученное!». Пилотесса в защитных очках на аппарате под названием «Комбат Вомбат»[7] помахала Рен рукой. Рен поспешно помахала в ответ, но эскадрилья уже пролетела мимо и удалялась в небо над океаном, постепенно уменьшаясь до размеров горстки черных точек.

Рен вся дрожала, стоя в кабине подъемника, который уже добрался до шахты, ведущей сквозь Облако-9 к конечной остановке в парке возле Шатра. Раньше она не сомневалась, что папа и мисс Фрейя знают все, что только можно знать о мире за пределами Анкориджа-Винляндского, но, очевидно, многое изменилось за шестнадцать лет с того времени, когда город пересек границу льдов. Им ничего не известно о нынешней ужасной войне, по своей длительности почти ровеснице Рен, и вряд ли они смогли бы вообразить себе фантастические летательные аппараты, которые она только что видела. Из-за этого расстояние до близких ей людей словно стало еще больше.

Но грустные воспоминания о доме испарились, лишь только фуникулер остановился и ее повели по посыпанным гравием дорожкам в самую живописную часть Облака-9, где в парках, засаженных пальмами и кипарисами, расположился дворец мэра Пеннирояла с его нежно-розовыми минаретами и куполами, похожими на пирожные безе, в окружении фонтанов и украшенных орнаментом беседок. Над головой стаями носились цветастые попугаи, а еще выше прозрачные, как огромные пузыри, аэростаты блестели на солнце.

– По какому делу? – осведомился раб-лакей, загораживая дорогу посетителям.

– Я Набиско Шкин, – представился работорговец.

Этого оказалось достаточно, чтобы слуга согнулся в низком поклоне, пробормотал что-то с виноватым видом и жестом пригласил посетителей пройти дальше, по элегантной белой лестнице в большое помещение солярия с бассейном в центре. Посреди бассейна, лежа на надувном матрасе размером с большую кровать, в золотистых плавках из парчовой ткани, с коктейлем в одной руке и книгой в другой, обратив круглое лицо к солнечным лучам, предавался праздному времяпрепровождению Нимрод Пеннироял.

По расчетам Рен, знаменитому естествоиспытателю к этому времени должно было исполниться по меньшей мере шестьдесят пять лет, так что

она ожидала увидеть довольно дряхлого старика. Однако Пеннироял прекрасно сохранился. Конечно, его тело потеряло былую округлость, а голова – большую часть волос, но в остальном он ненамного изменился по сравнению со своими изображениями, виденными Рен на фотографиях периода недолгого, но печально памятного пребывания нынешнего мэра на посту Главного навигатора Анкориджа. Вокруг плавающего матраса с его милостью топталась в воде стайка привлекательных девушек-рабынь, держа наготове свежие напитки, книжную закладку, блюда с пирожными и конфетами и много других необходимых предметов, чтобы мэру не приходилось отвлекаться от своего занятия. Мальчик, ровесник Рен, высокого роста и с черной, как вечерние сумерки, кожей, стоял на краю бассейна и помахивал опахалом из страусовых перьев.

– Как я вижу, пленный солдат Зеленой Грозы, которого я вам продал, пришелся ко двору, – громко произнес Шкин.

– А? Что? – Пеннироял открыл глаза и приподнялся. – А-а-а! Шкин! День добрый! – Он обернулся, сидя на матрасе, чтобы взглянуть на юношу. – Да, миссис Пеннироял в восторге от опахала. Эти двое просто созданы друг для друга. Навевают весьма приятные дуновения. И очень гармонируют с обоями в столовой.

Мэр снова повернулся к Шкину, и Рен показалось, что появление работорговца не слишком его обрадовало.

– Итак, Набиско, старый приятель, чему обязан твоим, э-э-э… у-у-у…

Шкин едва заметно склонил голову:

– Эту девочку мы сняли с одной из пиявок, выловленных на прошлой неделе. Я подумал, вам захочется приобрести ее для Шатра.

Повинуясь его жесту, охранники вывели Рен на край бассейна, чтобы мэр мог рассмотреть получше.

Пеннироял перевел на нее взгляд:

– О-о-о, Пропащая Девчонка! Наверное, из нее получится хорошая уборщица. Но мы с вами, кажется, договорились, что никто из этого сброда не должен оставаться на палубах Брайтона. Вы же намеревались продать их всем табуном в Нуэво-Майя.

– Опасаетесь, что кто-то из них может располагать не совсем удобной информацией из вашей биографии? – спросил Шкин.

– А? О чем это вы?

– Эта девочка, – многозначительно начал Шкин, – совсем недавно прибыла с Мертвого континента, из города, долгое время считавшегося погибшим, а на самом деле процветающего в том забытом богами краю. И насколько мне известно, ваша милость, с этим городом вас связывают

самые нежные воспоминания.

Протянув руку за спину, Шкин взял у одного из своих прислужников какой-то предмет и ловко перебросил его через разделяющую собеседников полосу воды, так что тот шлепнулся точно на край матраса рядом с Пеннироялом. Это была Жестяная Книга. Озадаченно нахмурившись, мэр поднял ее, посмотрел на обложку, затем перевернул и взглянул на приклеенную сзади бумажную этикетку.

– Боги всемогущие! – воскликнул он, пролив в бассейн свой коктейль. – Анкоридж!

– Эта девочка, – продолжал Шкин, – не кто иная, как дочь ваших старых попутчиков в былых похождениях, Тома Нэтсуорти и Эстер Шоу.

– О черт! – возопил Пеннироял, вдруг как-то судорожно дернулся и, не удержавшись на матрасе, свалился в воду.

– Меня обеспокоили замеченные мной определенные противоречия между рассказом девочки и изложением событий в междугородном бестселлере вашей милости «Золото хищников», – невозмутимо продолжал Шкин, все так же стоя на краю бассейна, опираясь на свою черную стальную трость и наблюдая, как мэр с брызгами барахтается в воде. – Поэтому я решил предоставить вашей милости возможность купить девочку, прежде чем ее отчет станет достоянием общественности и… смутит многих поклонников литературного таланта Нимрода Пеннирояла. Цена, естественно, соответствует товару повышенного спроса… Скажем, тысяча золотых монет?

– Никогда! – громогласно заявил Пеннироял, нащупав наконец ногами дно в мелкой части бассейна и выпрямляясь со всем достоинством, с каким может выглядеть престарелый джентльмен в золотистых плавках из парчовой ткани. – Вы просто заурядный гангстер, Шкин! Вам не запугать меня своей несуразной попыткой… а-а-а… э-э-э… Но ведь это неправда? Конечно, это неправда! У Эстер Шоу не было дочери! Во всяком случае, Анкоридж затонул, не так ли? Пошел ко дну вместе со всей командой…

– Задайте этот вопрос ей, – предложил Шкин жизнерадостным тоном, указывая кончиком трости на Рен. – Вот вам сама мисс Нэтсуорти, ее и спросите!

Пеннироял уставился на Рен такими вытаращенными от страха глазами, что на мгновение ей стало почти жаль его.

– Ну, девочка? – произнес он с глупым видом. – Что скажешь? Ты действительно утверждаешь, что приехала из Анкориджа?

Рен сжала кулаки и набрала в грудь побольше воздуха. Теперь, когда прямо перед ней находился тот самый пресловутый предатель и злодей, она

была меньше всего уверена в успехе своего плана.

– Нет, – ответила Рен.

Шкин, опешив, повернулся к ней лицом.

– Конечно, это неправда, – добавила она, сумев даже изобразить короткий, натянутый смешок. – Анкоридж затонул в арктических водах много лет назад. Это известно любому, кто читал вашу расчудесную книгу, профессор Пеннироял. А я – просто невезучая Пропащая Девчонка из Гримсби.

По дороге сюда она обдумала свою историю под разными углами и решила, что вряд ли удастся уличить ее во лжи. Конечно, если о ней спросят у Пропащих Мальчишек, все они скажут, что Рен не из их числа, а Селедка вдобавок знает о ее настоящем происхождении. Но с какой стати Пеннироялу верить им, а не ей? В крайнем случае она может сказать, что Шкин подкупил их, чтобы получить подтверждение своим словам.

– Я никогда в жизни не была на Анкоридже, – твердо заявила Рен.

У Шкина от ярости раздувались ноздри.

– Ну хорошо! А Жестяная Книга, на ней стоит штамп правителей Анкориджа – как ты объяснишь это?

У Рен был заготовлен ответ и на этот вопрос.

– Я привезла ее с собой из Гримсби, – сказала она с невинным видом. – Это подарок для вашей милости. Пропащие Мальчишки украли ее многие годы тому назад так же, как мы присвоили кучу других вещей из разных городов. Анкоридж потерпел крушение и покоится на дне океана. Никто не может жить на дне океана.

– Но она сама убеждала меня, что является дочерью Эстер Шоу! – злился Шкин. – С какой стати ей было врать?

– Это все из-за чудесных книг, написанных вашей милостью, – продолжала разыгрывать невинность Рен, с обожанием глядя на мэра. – Я каждую перечитала по нескольку раз. Стоило моей пиявке присосаться к очередному городу, я в первую очередь грабила книжный магазин, надеясь добыть новую публикацию Нимрода Пеннирояла. А мистеру Шкину наврала про мое винляндское происхождение только из желания встретиться с вами, если он возьмет меня с собой. И вот моя мечта сбылась!

Рен искренне улыбнулась, довольная тем, что лгать оказалось совсем нетрудно, и гордая своим умением делать это так естественно. Ее выдумка не блистала остроумием, но ложь ВОРДЕТ научила девочку: тебе поверят скорее, если говорить то, что хотят от тебя услышать.

– Поначалу я думала и дальше притворяться, профессор, – продолжала

Рен, – так как мне хотелось, чтобы вы взяли меня к себе в прислуги. Даже если бы мне поручали самую грязную работу, я, по крайней мере, жила бы поблизости от автора «Золота хищников» и… и всех других книг. – Она смиренно опустила глазки. – Но как только я увидела вас, сэр, сразу поняла, что ни за что не смогу лгать вам в лицо, и тогда решилась рассказать всю правду.

– Похвально, похвально, – одобрительно произнес Пеннироял. – И кстати, совершенно справедливо. Ты же понимаешь, я тебя насквозь вижу. Впрочем, как ни странно, у тебя действительно есть легкое сходство с несчастной Эстер. Это-то и привело меня в замешательство в первый миг. Та молодая женщина была очень и очень дорога мне, и до сих пор меня терзает глубочайшее сожаление, что не сумел спасти ее!

«Ах ты, гад пакостный!» – подумала Рен, а вслух сказала:

– Наверное, теперь мне придется уйти с мистером Шкином, сэр. Наверное, ему захочется продать меня хоть за какие-то деньги. Но я, по крайней мере, испытываю радость, оттого что мне посчастливилось общаться с величайшим писателем нашей эпохи!

– Ничего подобного! – Пеннироял с трудом перевалился через край бассейна, встал на ноги в образовавшейся под ним луже и отмахнулся от девушек, бросившихся к нему с полотенцами, халатами и переносной ширмой для переодевания. – Покончим с этим, Шкин! Эта восхитительная образованная юная леди продемонстрировала отвагу, решительность и здравость своих литературных суждений. Я запрещаю вам продавать ее вместе с обычными рабами.

– Но я должен возместить свои издержки, ваша милость. – Шкин побледнел от злости и едва сдерживался, чтобы не дать ей выход.

– Тогда я покупаю ее, – заявил Пеннироял.

Он никогда не испытывал сочувствия к другим людям, но в данном случае не хотел, чтобы эта смышленая девочка пострадала за любовь к его творчеству. Опять же по закону расходы на содержание рабынь-горничных уменьшают облоговые платежи.

– У жены всегда найдется применение для дополнительной прислуги в доме, – пояснил мэр, – особенно теперь, когда работы прибавилось в связи с приготовлениями к фестивалю Луны. Вот что, даю вам за нее двадцать золотыми. Это очень хорошая цена!

– Двадцать? – оскалился Шкин, сделав вид, что о такой сумме и говорить смешно.

– Продана! – отрезал Пеннироял. – Деньги вам передадут. А на будущее, дорогой друг, вот тебе мой совет: постарайся не быть таким

легковерным. Нет, подумать только – какой нормальный человек поверит, что эта девочка родом из А-ме-ри-ки! Совершенный абсурд!

Шкин слегка поклонился:

– Как скажете, ваша милость. Пусть будет абсурд. – Он протянул руку. – Будьте любезны Жестяную Книгу.

Пеннироял как раз перелистывал металлические страницы, но после слов Шкина захлопнул книгу и прижал к груди:

– Ну уж нет, Шкин. Вы же слышали: девочка специально привезла ее, чтобы подарить мне!

– Это моя собственность!

– Неправда! Контракт с городским советом гласит, что вашей собственностью являются все Пропащие Мальчишки, которые попадутся к вам в сети. Но данный предмет уж никак не похож на мальчишку. Скорее всего, это какой-то зашифрованный документ Древних. И я как мэр Брайтона вижу свой долг в том, чтобы оставить его у себя, скажем, для детального изучения.

Шкин некоторое время молча ел глазами сначала мэра, потом Рен. Наконец ему удалось выдавить улыбку.

– Несомненно, мы встретимся снова, – многозначительно бросил он девочке и, щелкнув пальцами в знак своим людям следовать за ним, повернулся кругом и широко зашагал к выходу.

Пеннирояла обступили его девушки, закрыв хозяина ширмой для переодевания. На несколько минут Рен осталась без присмотра. На лице ее играла улыбка от радости за себя и свою находчивость.

Пусть она по-прежнему в неволе, но теперь уж не простой рабыней, а в доме самого мэра! Ее будут хорошо кормить и одевать и нагружать работой не тяжелее чем, к примеру, разнести лишний раз среди гостей пирожки на подносе. И у нее будет возможность повстречаться с разными интересными людьми. В частности, с красивыми авиаторами, которые могут согласиться доставить ее на своих летательных аппаратах домой, в Винляндию.

Рен жалела только о том, что ей не удалось перетащить сюда с собой Селедку. Она чувствовала себя ответственной за этого мальчика и очень беспокоилась, как бы работорговец Шкин не стал срывать на нем свою злость. В то же время Рен не сомневалась, что в итоге все будет в порядке. Так или иначе, она найдет способ вырваться на свободу, а затем, возможно, как-нибудь поможет Селедке.

* * *

Набиско Шкин не относился к тем, кто дает волю эмоциям, и к моменту, когда фуникулер доставил его обратно на брайтонскую палубу, полностью совладал со своей яростью. В Перечнице с обычной холодностью поздоровался с мисс Уимс и приказал ей:

– Приведите ко мне этого малолетнего Пропащего Мальчишку.

Некоторое время спустя он невозмутимо сидел у себя в офисе, молча наблюдал, как Селедка с жадностью поглощает вторую порцию шоколадного мороженого, и слушал его рассказ о вояже «Автолика» в Винляндию. Несомненно, мальчик говорит правду, однако бесполезно пытаться использовать его для дискредитации мэра: слишком юн, легко поддается внешнему убеждению, и, если дело дойдет до суда, адвокаты Пеннирояла безжалостно разделаются с ним. Шкин в задумчивости закрыл глаза, стараясь вообразить Винляндию.

– Ты совершенно уверен, мальчик, что сможешь отыскать это место?

– О да, мистер Шкин, – заверил его Селедка, набив полный рот мороженого.

Работорговец улыбнулся ему поверх кончиков сложенных домиком пальцев.

– Хорошо. Очень хорошо, – одобрительно проговорил он. – Вот что я скажу тебе, мальчик: время от времени мне встречается среди рабов кто-то весьма полезный либо слишком разумный, чтобы с таким расставаться. Мисс Уимс, например. Тебе тоже может повезти, если докажешь мне свою преданность.

Селедка тревожно улыбнулся в ответ:

– То есть вы не продадите меня в рабство этим дьяволам в Нуэво-Майя, сэр?

– О нет! Нет! – заверил его Шкин, отрицательно качая головой. – Хочу, чтобы ты послужил мне, Селедка. Для начала тебя кое-чему обучат. А летом следующего года, когда наладится погода, снаряжу экспедицию, которую ты поведешь в Анкоридж-Винляндский. Надо думать, за этих винляндцев или анкориджан, как бы они себя ни называли, дадут хорошую цену на рынке рабов!

Селедка выслушал эту тираду с широко раскрытыми глазами и ухмыльнулся:

– Да, мистер Шкин! Спасибо, мистер Шкин!

Шкин откинулся в кресле. Его настроение снова стало превосходным.

Он все же отомстит Пеннироялу, открыв всему миру, что Анкоридж не погиб. Ну а вероломную маленькую ведьму по имени Рен ждет другое возмездие. Посмотрим, как она порадуется, когда корпорация «Шкин» обратит в рабство всех ее родных и друзей.

Глава 15
Дети морских глубин

Пиявка «Винтовой червь» была построена задолго до того, как на вооружении Пропащих Мальчишек появились дистанционно управляемые краб-камы. Ее бортовая радиостанция давно вышла из строя, а потому никоим образом не могла принять брайтонское послание. Соответственно, Том, Эстер и Фрейя не получили возможности удостовериться, перевесит ли желание Коула встретиться со своими родителями чувство преданности друзьям. Оставив без внимания призывы ВОРДЕТ, «Винтовой червь» заплыл на север, в глубокие и холодные воды Гренландской котловины. Тем же летним днем и примерно в то же время, когда Рен лицом к лицу столкнулась с Пеннироялом, в поле зрения пассажиров пиявки наконец появился Гримсби.

Том уже побывал однажды в подводном городе, но Эстер и Фрейя знали о нем только по описаниям Тома. Обе разом приникли к иллюминатору, стараясь рассмотреть получше, пока Коул вел судно на сближение.

Когда-то Гримсби являл собой гигантскую плавучую производственную платформу, но затонул, и теперь его останки покоились на склоне подводной горы. Он постепенно покрывался маскировкой из водорослей, ракушек и ржавчины, контуры зданий и гребных колес стали неразличимы до такой степени, что стерлась граница между городом и горой.

– А где же огни? – удивился Том.

Одним из сохранившихся у него наиболее ярких воспоминаний о логове Пропащих Мальчишек было сюрреалистическое сияние электрического света в окруженных морской водой окнах городской ратуши. Ныне весь город лежал во тьме.

– Что-то не так, – проговорил Коул.

Внезапно послышался звук легкого удара об обшивку пиявки. В свете луча носового прожектора плавали деревянные обломки и куски оторванной пластмассы. «Винтовой червь» явно проплывал мимо следов какого-то крушения.

– Да здесь все вымерло! – вырвалось у Эстер, но она тут же замолчала: если так, значит Рен, вероятно, тоже умерла.

– Это же Грабиляриум! – потрясенно прошептал Коул.

По правому борту мимо скользило большое здание, в котором он провел значительную часть своего детства, а теперь безжизненное и открытое океану. Вокруг огромных, с зазубренными краями пробоин в стенах вращался всевозможный мусор. «Винтовой червь» задел форштевнем труп мальчика, и тот завертелся в медленных сальто-мортале. Мертвые тела плавали также в затопленном прозрачном пластиковом переходе, соединяющем Грабиляриум и ратушу.

– Генератору тоже крышка, – заметил Коул, минуя здание с когда-то куполообразной кровлей, раздавленной, как яичная скорлупа. Голос бывшего Пропащего Мальчишки звучал сдавленно и глухо. – Ратуша вроде в порядке. Только не видать никого. Посмотрим, можно ли попасть внутрь.

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как Коул сбежал отсюда, но за эти годы он тысячи раз мысленно подводил пиявку к стояночным причалам. И теперь уверенно повернул «Винтового червя» к подводным воротам в основании ратуши. Они были открыты, сквозь них стремительными бросками перемещались в разных направлениях стайки серебристых рыбок.

– И здесь никого, – размышлял вслух Коул. – Ворота всегда запирались, а вход сторожили дежурные подлодки.

– Может, нас запрашивают по радио, а мы не слышим? – с надеждой предположил Том.

– Что будем делать? – спросила Фрейя.

– Конечно заплывем внутрь, – ответила за всех Эстер. Она поправила револьвер за поясом и нож за голенищем высокого ботинка. Если в здании выжило хоть сколько-нибудь Пропащих Мальчишек, им предстояло узнать, каково мериться силой с дочерью Валентайна.

«Винтовой червь» вошел в туннель. Впереди открылись автоматические ворота, а потом закрылись за пиявкой.

– Аварийное энергоснабжение работает, – сказал Коул. – Это уже кое-что…

– Значит, надо быть готовыми к западне, – ответила ему Эстер. – Нас могут ждать.

Но «Винтового червя» никто не ждал и не встречал. Пиявка всплыла в одном из круглых бассейнов в полу стояночного причала, и пассажиры выбрались наружу. Вентиляторы астматически сипели, не в силах разогнать холодный застоявшийся воздух. Кромешную тьму лишь кое-где нарушали несколько тусклых красных лампочек аварийного освещения. В огромном помещении, где на памяти Тома всегда было оживленно из-за постоянного присутствия Пропащих Мальчишек и пиявок, теперь царил полный покой.

Причальные краны грустно застыли над покинутыми бассейнами, похожие на скелеты динозавров в музее без посетителей. Грузовая подводная лодка с широким, почти шарообразным корпусом стояла с открытыми люками у самого дальнего причала. Полуразобранная пиявка лежала в ремонтном доке, но не наблюдалось никаких признаков присутствия механиков, которые бы ею занимались.

Том достал из рундучка «Винтового червя» электрический фонарь и пошел впереди, стараясь убедить себя, что вот-вот увидит Рен, здоровую и невредимую, выбегающую навстречу с распростертыми объятиями. Ему почудилось, что, когда луч фонаря пару раз попал в чернильную темень под подъемными кранами, один или два краб-кама поспешили спрятаться во мраке. Больше ничто не шевелилось.

– Где все? – прошептал он.

– Вон один выглядывает, – ответила ему Эстер.

Под большой полураскрытой дверью в задней стене стояночных причалов лежал, поджав колени к груди, мертвый мальчик, ровесник Рен. Глаза его были раскрыты и смотрели в сторону вновь прибывших. Эстер протиснулась мимо Тома и вошла в дверь, перешагнув через труп. В коридоре лежали еще с полдюжины тел, все со смертельными ранениями, нанесенными мечами и металлическими штырями, выпущенными из гарпунных ружей.

– Похоже, Пропащие Мальчишки передрались между собой, – предположила Эстер. – Очень мило с их стороны избавить нас от лишнего труда.

Том осторожно переступил через мертвого мальчика и посмотрел вверх. Холодные капли упали ему на лицо.

– Это здание протекает, как ржавая консервная банка, – пробормотал он.

– Дядюшка знает, как все исправить, – раздался голос Коула. В нем звучала такая уверенность, что все обернулись. Казалось, он и сам удивился своему тону. – Дядюшка создал Гримсби, – как бы оправдываясь, пояснил Коул. – Сам, без чьей-либо помощи, сделал герметичными несколько помещений и собственными руками построил первую пиявку.

Коул повел головой, трогая пальцами горло. Шрам от веревочной петли сохранился, пальцы нащупали его твердый выступ – напоминание о страхе и ненависти, которые бывший Пропащий Мальчишка испытывал к Дядюшке в последние дни своего пребывания в Гримсби. Однако до этого Коул любил Дядюшку, долго-долго. И теперь, вернувшись и обнаружив родной Грабиляриум в руинах, а товарищей мертвыми, он ощутил, что

страх и ненависть исчезли, осталась только любовь. Ему вспомнилось умиротворение и чувство безопасности, когда, свернувшись в клубок на койке, ночами напролет слушал Дядюшкин шепот из динамиков на потолке. И все в мире казалось просто и ясно, а жизнь – счастливой.

– Дядюшка знает лучше, – промолвил Коул.

Вдруг впереди, в темноте коридора, что-то зашевелилось. Эстер выхватила пистолет, но, прежде чем она успела выстрелить, Фрейя повисла у нее на руке, а Том завопил:

– Эстер, нет!

Эхо его голоса разнеслось по лестничной клетке и боковым коридорам, и чье-то лицо, на мгновение возникшее в луче фонаря, тут же исчезло: человек отпрянул и затаился во мраке.

– Не бойся, – обратилась к невидимому незнакомцу Фрейя, опережая Эстер и протягивая перед собой руки. – Мы тебя не тронем.

Темнота вдруг наполнилась шорохами и шарканьем ног. В свете фонаря заблестели многие пары глаз. Крадучись, выбирались из своих убежищ дети Гримсби с перепачканными и бледными лицами. Все они были совсем малыши, которые еще не доросли до настоящих Пропащих Мальчишек. Некоторым, возможно, исполнилось девять-десять лет, большинство еще младше. Их огромные испуганные глаза неотрывно смотрели на взрослых. Одна девочка, постарше и побойчее остальных, подошла вплотную к Фрейе и спросила:

– Вы наши мамы и папы?

Фрейя присела перед девочкой, так что ее лицо оказалось на одном уровне с детскими.

– Нет, – сказала она, – к сожалению, мы не ваши родители.

– Но ведь мамы и папы приедут? – прошептал другой ребенок.

– По монитору говорили…

– Сказали, что они здесь, рядом! – Маленький мальчик потянул за руку Коула, требовательно глядя на него. – Сказали, что мы должны приплыть к мамам и папам, и многие большие мальчишки поплыли, а Дядюшка не разрешил…

– …А когда другие мальчишки стали их не пускать, они подрались и поубивали друг друга!

– А те уплыли. Ни одной пиявки не осталось!

– Мы хотели с ними, а нас не взяли, говорят, места нет и что мы слишком маленькие…

– И все стало взрываться! – сказала смелая девочка.

– Дура, это уже потом стало взрываться! – поправили ее. – Бомбы

стали взрываться!

– Бабах! – закричал самый маленький, размахивая руками для наглядности. – Бабах!

– Погас свет… Вода стала течь…

Все заговорили разом, сгрудившись вокруг лучика света из фонаря Тома. Эстер протянула было руку к одному из них, но мальчик отпрянул от нее и прижался к Фрейе.

– Здесь есть девочка по имени Рен? – спросила Эстер. – Она наша дочь.

– Ее похитили, – пояснил Том. – На борту пиявки «Автолик».

Маленькие лица повернулись к нему, непроницаемые, как чистые страницы. Старшая девочка сказала:

– «Автолик» не вернулся с задания. За последние три недели ни одна из пиявок не вернулась.

– Тогда где же Рен? – не выдержав, закричал Том.

Сначала его ужасала мысль, что найдет дочь погибшей. Однако возможность вообще не встретить ее казалась не менее страшной. Он переводил взгляд с одного испуганного лица на другое.

– Что здесь происходит, во имя Квирка?

Дети с опаской попятились от него.

– Где Дядюшка? – спросил Коул.

Фрейя улыбнулась ему, показывая детям, что он хороший и надо ответить на вопрос.

– Тоже, наверное, смотался, – заметила Эстер.

Коул отрицательно покачал головой:

– Только не Дядюшка. Он ни за что не оставит Гримсби.

– Кажется, он наверху, – сказал какой-то мальчик.

– Он слишком старый, – с сомнением возразил другой.

– Да, он вообще не выходит из своей комнаты, – согласился третий.

Коул кивнул:

– Ладно. Поговорим с ним. Он расскажет толком, что случилось и где может быть Рен.

Спутники внимательно смотрели на него. Коул обернулся к ним и улыбнулся:

– Все будет в порядке, вот увидите. Дядюшка знает лучше.

Глава 16
Жемчуг вместо глаз блестит[8]

Странная процессия поднималась по лестничным пролетам Гримсби, где из тончайших трещин в высоченном потолке сочилась морская вода, скапливалась на ступеньках и струйками стекала в нижнюю часть здания. На лестничных площадках мертвые тела, как запруды, перегораживали путь ручейкам, и они собирались в грязные лужи. Над головой, прилепившись к вентиляционным трубам и перилам расположенных выше пролетов, висели краб-камы. То и дело какой-то из них поворачивался вслед за посетителями, провожая их своим циклопическим глазом.

Процессию возглавляла Эстер. За ней следовали Том, Коул и Фрейя в окружении детей; одни своими ручонками вцепились в пальцы взрослых, другие касались их одежды, словно желая лишний раз убедиться, что гости из внешнего мира им не мерещатся. Фрейя особенно привлекала малышей. Перебивая друг друга, они взволнованным шепотом торопились поведать ей о своих секретах и проблемах.

– А Головастик ковыряет в носу!

– Нет, не ковыряю!

– Раньше меня звали Эсбьёрн, а большие мальчишки в Грабиляриуме сказали, что теперь я буду Тунцом, но, по-моему, это дурацкое имя! Можно, я опять поменяюсь, все равно старших мальчишек не осталось – или убиты насмерть, или сбежали…

– …Сует палец прямо вон туда. А козявки ест!

– Не ем!

– Ребята, – обратилась к ним Фрейя, – вы знаете, кто взорвал Грабиляриум? И сколько времени прошло с того дня?

Но дети не смогли ответить на первый вопрос, а по поводу срока кто-то сказал – несколько дней, другой – одна неделя. По мере приближения к верхним этажам здания щебетание детских голосов стало затихать. Наконец все зашли в огромное помещение, образованное из дюжины отдельных комнат, между которыми убрали стены. Том и Коул не видели ничего подобного во время их предыдущего визита в Гримсби. Помещение было заставлено прекрасной мебелью, добытой в ходе грабежей городских ратуш и набегов на оседлые поселения. Стены украшали огромные зеркала, на балдахин для громадной кровати пущены целые рулоны ворованного

шелка и бархата. По полу разбросаны ковры и подушки, мобили из камней берегового голыша с просверленными в них дырками и антикварные компакт-диски свисают с вентиляционных труб под потолком.

– Это личные апартаменты Гаргла, – объяснили дети. – Он здесь жил и отсюда же всем управлял.

– А мобили сделала Ремора, – добавила маленькая девочка. – Она красивая и умная, и Гаргл любил ее больше всех.

– Вот бы Гаргл вернулся! – вздохнул один мальчик. – Он-то знает, что делать.

– Гаргл умер, – сказала Эстер.

После этих слов все приутихли, только слышалось шарканье ног по ступенькам да чей-то далекий голос впереди, металлический и хриплый, будто из громкоговорителя, повторял: «Мы только мечтаем повидать наших любимых, разлученных с нами мальчиков…»

Наконец преодолен последний пролет, ведущий в мониторную, откуда основатель Гримсби неусыпно наблюдал за своим подводным царством. Том помнил, что это место раньше охранялось часовыми, однако на этот раз никто не дежурил у двери, оказавшейся даже незапертой. Эстер пинком распахнула ее и вошла внутрь с револьвером на изготовку.

Остальные толпой ввалились вслед за ней. Помещение было большим, с высокими потолками, залитое призрачным светом от голубоватого сияния мониторов, сплошь покрывающих стены. Здесь имелись любые формы и размеры, от гигантских рекламных уличных экранов до крошечных дисплеев, снятых с олд-тековского больничного оборудования, и все соединены друг с другом переплетением проводов и трубок. Высоко вверху, под темным куполом крыши, висел передвижной наблюдательный комплекс – большой шар из мониторов и динамиков, подвязанный к газовому баллону малого грузоподъемника устаревшей модели. Все без исключения экраны показывали одну и ту же картинку: людей, столпившихся на продуваемой ветром смотровой площадке плавучего города. «Дети морских глубин, – призывал голос из громкоговорителей, – если вы слышите нас, умоляем, придите к вашим родителям!»

– Почему они купились на эту дешевую ложь? Почему бросили меня? Неужели предпочли мне кучку никчемных сухопутников?

Посреди комнаты спиной к двери стоял и кричал в экраны старик с пультом дистанционного управления в руке. Старик поднял его, и с мониторов исчезло изображение и звук; затем повернулся лицом к Эстер и всем остальным.

– Кто вы? – сердито проворчал он. – Где Гаргл?

– Гаргл уже никогда не вернется, – как можно мягче произнес Том.

От общения с Дядюшкой у него остались плохие воспоминания, и тем не менее ему стало жаль этого сгорбленного старика с черепашьей головой, торчащей из надетых друг на друга многочисленных засаленных одежек. Дядюшка приближался, шаркая изношенными тапочками в виде кроликов с ушками и моргая подслеповатыми, тусклыми от старости глазками. Том обратил внимание, что многие экраны имели перед собой большие увеличительные стекла, чтобы помочь Дядюшке лучше различать изображение. Он догадался, что старик почти ослеп. Теперь понятно, почему Гаргл стал так необходим ему.

– Гаргл скончался, – сказал Том.

– Что? Ты хочешь сказать… – Дядюшка подошел ближе, вглядываясь в его лицо. – Ты хочешь сказать, Гаргл умер? Маленький Гаргл, который присвоил столько власти и привилегий? – На его лице сначала отразилась печаль, потом облегчение, затем гнев. – Я предупреждал его! Я говорил ему, чтобы он отказался от своей затеи ехать на поиски этой проклятой книги! Нет, Гаргл не создан для воровской профессии, нет, не создан! У него лучше получалось думать. Мозговитый он был, ох мозговитый!

– Знаем, – подхватила Эстер. – Видели его мозги собственными глазами.

Услышав ее голос, Дядюшка отпрянул:

– Женщина? Женщинам дорога в Гримсби закрыта! Я всегда следил, чтобы это правило строго соблюдалось. И Гаргл тоже неизменно придерживался его. Никаких девчонок! От них одни только неприятности и ничего больше! Им нельзя верить!

– Но, Дядюшка… – осторожно начала Фрейя.

– Ох, еще одна! И откуда здесь столько женщин!

– Дядюшка! – позвал Коул.

Старик, нахмурясь, резко обернулся на голос, будто у него в голове повернулся рычажок какого-то выключателя, заржавевшего от долгого неиспользования.

– Коул, мой мальчик! – А затем добавил ворчливо: – Это все твои проделки, твои-и! Ты постарался, не иначе! Вывел на нас сухопутников, вывел! Один действовал или в сговоре?

Он захромал прочь, на ходу тыкая пальцем в пульт дистанционного управления мониторами, пока беспорядочно расположенные экраны не заполнились картинками помещений Гримсби. Дядюшка вплотную приближал похожее на пергамент лицо к стеклам, чтобы рассмотреть безлюдные коридоры и спальные кубрики, пустынные причалы пиявок,

разрушенные и затопленные учебные залы Грабиляриума.

– Мы не делали этого, Дядюшка, – сказал Коул. – Нас только четверо, и сами не понимаем, что здесь произошло.

– Ах, не делали! – Дядюшка уставился на него, потом тоненько хихикнул. – Боги, тогда добро пожаловать в гости! Спасибо, что нашли время навестить!

– Мы приехали за дочерью Тома и Эстер, – терпеливо пояснил Коул. – Ее зовут Рен. Захвачена в заложницы малышом, который был вместе с Гарглом на борту «Автолика».

– Селедка? Ну да, его зовут Селедка… – Голова Дядюшки опустилась на грудь, потом он снова заговорил плаксивым голосом: – «Автолик» не вернулся. Весь экипаж не вернулся, Коул, мальчик мой. Эти дурни поверили посланию насчет мам и пап и сбежали, как зайцы, прямо на Брайтон, не заходя в Гримсби.

– На Брайтон?

Это название было знакомо Тому. Курортный город, место богемное, но в целом неплохое. Если Рен попала туда, с ней не должно случиться ничего страшного.

– Для чего они понадобились Брайтону? – с подозрением спросила Эстер.

Дядюшка пожал плечами, развел руками и показал другими жестами, что понятия не имеет.

– Я говорил моим мальчикам, что их ждет западня! Я говорил им! Но они и слышать не желали. Если бы Гаргл был здесь! Вот Гаргла они слушаются! А бедного старого Дядюшку не слушаются. Надрывался, заботился о них все эти годы… – По морщинистому, старческому лицу поползли две слезины. Дядюшка с обиженным видом вытер под носом краем рукава. Он беспокойно перевел взгляд с Тома на Эстер и остановил его на Фрейе. – Боги милостивые, Коул, вот из-за этой толстой моржихи ты сбежал на Анкоридж? Ну и раздалась же она! Да и ты, надо заметить, неважно выглядишь. Люблю, когда мои ребята приодеты, а ты… Обносился ты, вот что! Гаргл-то сказал мне: ты, мол, перешел к сухопутникам, чтобы добиться чего-нибудь большего в жизни!

Коул почувствовал себя снова начинающим Пропащим Мальчишкой, получившим выговор за то, что опять позабыл где-то свой набор воровских инструментов.

– Простите, Дядюшка, – пробормотал он.

Фрейя подошла к нему и взяла за руку.

– Коул добился большего в жизни! – воскликнула она. – Без его

помощи мы не смогли бы построить Анкоридж-Винляндский. Мне хотелось бы побольше рассказать вам о нем, но сначала, боюсь, мы должны уехать отсюда.

– Уехать? – Дядюшка посмотрел на нее, будто не понимая значения слова. – Я не могу уехать! С чего ты взяла, что я собираюсь уехать?

– Сэр, здесь нельзя оставаться! И нельзя удерживать здесь детей!

Дядюшка засмеялся:

– Эти ребята останутся здесь! Они – будущее Гримсби.

Дети бочком подвинулись поближе к Фрейе. Она отпустила руку Коула и погладила их по головам. Откуда-то с нижних палуб явственно послышался скрежет металла под давлением морской толщи, далекий плеск проникающей внутрь воды.

– Но, мистер Каэль… – начала Фрейя, припомнив кое-что, о чем ей рассказывал Коул.

До того как Дядюшка стал Дядюшкой, он был богатым молодым человеком с Архангельска и звали его Стилтон Каэль. Фрейя надеялась, что, услышав свое настоящее имя, он будет посговорчивее, но Дядюшка только злобно зашипел в ответ, свирепо глядя на нее. Тем не менее она продолжала:

– Мистер Каэль, в здание протекает вода. Оно наполовину затоплено, в воздухе ощущается недостаток кислорода. Я не специалист по секретным подводным убежищам, но даже мне ясно, что будущее Гримсби весьма непродолжительно.

Эстер сняла свой «шаденфройде» с предохранителя и направила его в сторону Дядюшки.

– Не хочешь уезжать – не надо! – спокойно сказала она.

Старик, прищурившись, попытался рассмотреть ее лицо, затем поднял глаза к шару наблюдения, где изображение на экранах было крупнее и виднее для слабого старческого зрения.

– Вы не понимаете, – начал он объяснять, – я никуда отсюда не уйду, и вы тоже. Мы все перестроим. Восстановим герметичность здания. Сделаем стены еще прочнее, чем прежде. Сконструируем новые пиявки, лучше и в большем количестве. Никто из нас отсюда не уйдет. Скажи им, Коул.

Коул вздрогнул от неожиданности. Он не знал, как поступить. Не хотелось предавать друзей, но и подвести Дядюшку не решался. При звуках старческого голоса его пробирала дрожь от жалости и сыновней любви. Он посмотрел на Фрейю и пробормотал:

– Прости.

Затем внезапным, стремительным движением выхватил револьвер из

руки Эстер и наставил его сначала на нее, потом на Тома.

– Коул! – закричал Том.

Дядюшка одобрительно закудахтал:

– Молодец, мой мальчик! Я верил, что ты одумаешься. Рад, что ты тогда не задохнулся насмерть в петле. Жаль, большинство успели удрать до твоего появления. Ты мог бы стать очень поучительным примером, Коул. Блудный сын возвращается! После стольких лет он все так же предан бедному одинокому Дядюшке. – Старик достал из кармана ключ и протянул его Коулу. – На-ка вот, запри их в апартаментах Гаргла, чтобы не мешали нам все как следует обсудить.

Коул по-прежнему держал на мушке Тома, хорошо зная Эстер. Только она одна могла осмелиться вступить с ним в единоборство, но безопасность мужа была для нее гораздо важнее собственной. Сначала он вытащил нож у нее из-за голенища, потом взял у Дядюшки ключ и начал оттеснять всех к открытой двери из комнаты.

– Но, Коул… – заикнулась было Фрейя.

– Замолчи, – оборвала ее Эстер. – Я знала, что ему нельзя верить. Похоже, он согласился привезти нас сюда только потому, что хотел снова встретиться со своим драгоценным Дядюшкой.

– Вам ничего не грозит, – постарался успокоить их Коул. – Мы во всем разберемся. Все будет в порядке.

Он еще не знал, что ему предпринять, только радовался, снова ощущая себя Пропащим Мальчишкой.

– Дядюшка знает лучше! – приговаривал он, подталкивая пленников вниз по лестнице, потом в апартаменты Гаргла и запирая за ними дверь. – Все будет хорошо. Дядюшка всегда знает лучше!

Глава 17
Часовня

Вечерние сумерки в Тяньцзине. Над городом нависли громадные белесые горы, а в сторону от каждой промерзшей вершины вился вымпел снежного вихря. Над горами начали проступать еще более промерзшие звезды, а те, что не были звездами, – мертвые спутники и орбитальные станции Древних – водили свой нескончаемый, неспешный небесный хоровод.

Сталкер Шрайк осуществлял обход безлюдных коридоров Нефритовой пагоды, ночным зрением проникая в самые темные углы, чутким слухом улавливая голоса в отдаленной комнате, взрыв хохота в будке охраны, шевеление червячка-древоточца в стенной панели. Он переходил из зала в зал, каждый украшенный старинной резьбой в виде чудищ и демонов гор, но даже наиболее жуткий из них не внушал такого страха, как сам Сталкер. Наслаждаясь легкостью и мощью восстановленного тела, он своими многочисленными сенсорами делал анализ окружающей среды на наличие молекул спрятанных взрывчатых веществ или на тепловое излучение прокравшегося в здание диверсанта. В нем жила надежда, что скоро какой-нибудь однаждырожденный идиот захочет совершить покушение на госпожу. Ему не терпелось снова убивать.

Едва заметное дуновение прохлады донеслось до него. Почти неощутимое колебание воздуха подсказало, что четырьмя этажами ниже открылась и закрылась входная дверь. Сталкер быстро подошел к окну и выглянул наружу. Раздвоенная снизу клякса человеческого тепла перемещалась в непроглядной темени двора по направлению к пропускному пункту у ворот. Шрайк сверил рост и ширину шага с данными в памяти, накопленными за время несения службы в качестве телохранителя, и идентифицировал доктора Зеро.

Какие дела могли быть у нее за пределами пагоды в такую холодную ночь, да еще менее чем за час до начала комендантского часа? Шрайк занялся вычислением вероятных мотивов однаждырожденной. Возможно, у доктора Зеро имелся любовник в городе. Но прежде она никогда не проявляла признаков полового влечения, и, кроме того, уже не впервые Шрайк замечает странности в ее поведении. Так, он обратил внимание, что у доктора Зеро учащается сердцебиение в присутствии Сталкера Фанг, а иногда от нее исходит резкий запах под взглядом госпожи. Его удивляло,

что Фанг сама не замечает этих аномальных явлений; впрочем, она никогда не разделяла интереса своего телохранителя к однаждырожденным и особенностям их поведения. Судя по всему, она не понимала или относилась с безразличием к тому, что личный хирург-механик боялась ее.

Глаза Шрайка продолжали держать в фокусе на максимальном увеличении доктора Зеро, когда та показывала пропуск часовым у ворот, а потом шла в город, пока не скрылась из поля зрения среди бараков и полотнищ с победными лозунгами в кварталах Тяньцзина. Почему женщина боялась? Что ее пугало? Каковы причины ее нынешних поступков? Каких поступков следует ожидать от нее в будущем?

Шрайк знал, что обязан доктору Зеро своим триумфальным воскрешением, но чувство долга заставляло его искать ответы на эти вопросы.

* * *

По улицам, уходящим вниз уступами, спешила Энона Зеро, кутаясь в накидку из искусственного шелка, с поднятым капюшоном, с опущенной головой. Небо над городом переполняли снующие огоньки бомбоносцев и штурмовиков, взлетающих с военно-воздушной гавани, увозя на борту очередные отряды новобранцев, юношей и девушек, на запад, где их ожидала смерть в прорыве у Ржавых болот.

Чувство вины мучило Энону, но это состояние уже стало привычным. Каждое утро она начинала с технического обслуживания деталей туловища и соединений Сталкера Фанг, с помощью приборов проверяла работу незнакомого олд-тековского источника энергии, расположенного в том месте, где когда-то билось сердце Анны Фанг. И каждое утро говорила себе: «Я должна сделать это сегодня, сейчас!»

Доктор Зеро далеко не первая, кто задумал уничтожить вождя Зеленой Грозы. На протяжении многих лет самые разные фанатики-пацифисты и ортодоксальные сторонники старой Лиги предпринимали подобные попытки, но все они заканчивались безрезультатно: ножи скользили по непробиваемой броне, взрывы бомб разрушали помещения и воздушные корабли, но из обломков выходила невредимой Сталкер Фанг. Однако Энона Зеро, в отличие от остальных, владела научными методами и уже применила их для создания оружия, смертельного даже для несокрушимой Сталкерши.

Оставалась единственная проблема: ей не хватало смелости пустить

это оружие в ход. А вдруг не получится? Или, наоборот, получится? Энона не сомневалась: если во главе Зеленой Грозы не станет Фанг, режим развалится сам по себе. Только вряд ли он развалится настолько быстро, чтобы почитатели Сталкерши не успели покончить с хирургом-механиком, – а до нее доходили слухи, как они расправляются с предателями.

Погруженная в размышления, она перешла через Двурадужный мост и свернула на улицу Десяти Тысяч Богов, не замечая, что за ней следят.

Веками противники Движения со всей Европы и Азии бежали в эти горы, принося с собой свои религии и божества. Храмы строились бок о бок, и теперь, в наступающих сумерках, казалось, старались оттеснить друг друга. Энона, лавируя в толпе, миновала две свадебные процессии и одну похоронную, несколько алтарей, украшенных монетками на счастье и трескучими бенгальскими огнями. Остались позади храм Небесных богов и Золотая пагода богов гор, Поскиттарий и роща Яблочной Богини, безмолвный Дом Госпожи Смерти. В конце улицы, втиснутая между молельнями более распространенных религий, стояла христианская часовенка.

Прежде чем войти внутрь, Энона осмотрелась и убедилась, что никто за ней не наблюдает, однако даже не подумала взглянуть на крыши окружающих строений.

Однажды она случайно набрела на это место, и с тех пор ее душа постоянно стремилась сюда по непонятной причине. Ведь Энона даже не исповедовала религию христиан. Их вообще немного осталось в мире, разве что кое-где в Африке да на некоторых островах Дальнего Запада. О христианах ей было известно только, что они поклонялись богу, прибитому гвоздями к кресту. Но какого толка можно ожидать от бога, который позволяет кому угодно и где попало прибивать себя гвоздями? Неудивительно, что бесхозная церковь наполовину разрушилась, крыша провалилась, из прогнивших скамеек для прихожан торчали засохшие стебли сорной травы. И все же в такие ночи, когда Энона чувствовала, что если останется еще хоть на минуту в стенах Нефритовой пагоды, то сойдет с ума, именно сюда приходила она, чтобы успокоить душу.

Снежинки сыпались сквозь провисшую решетку голых стропил на откинутый капюшон и зеленые волосы девушки. Прикасаясь руками к стенам, она кончиками пальцев нащупывала и читала слова, высеченные на каменной поверхности. Разобрать большинство из них было невозможно. Эноне полюбился один текст, вернее, фрагмент, сохранившийся еще с поры, предшествующей Шестидесятиминутной войне. Она не совсем

понимала его смысл, но слова приносили ей какое-то умиротворение.

Смерть да обрящем
Вслед за смерть имущими.
К жизни народимся
С из праха восстающими.
Мгновение розы и мгновение тиса

Подчиняясь внезапному порыву, Энона опустилась на колени перед пустующим каменным алтарем и склонила голову. Не потому, что поверила в того древнего бога, нет, просто ей было необходимо с кем-нибудь поговорить.

– Помоги мне, – шептала она. – Если ты есть, дай мне силы. Дай мне силы решиться. Я так близко от нее, что могла бы пустить оружие в ход немедленно, если бы решилась. Это ведь не преступление – убить того, кто уже мертв? Я лишь уничтожу машину – бесчеловечную, разрушительную машину…

Произносила слова чуть слышно, едва шевеля губами. Ни одно живое существо не могло бы расслышать сказанное. И все же молитва девушки была услышана. Застыв, словно горгулья, среди развалин звонницы, Сталкер Шрайк внимал каждому звуку ее голоса.

– Имею ли я право казнить? Раньше я ничуточки не сомневалась, но теперь, увидев ее – умную, сильную… Наверное, это все-таки убийство! Или я просто пытаюсь тянуть время? Ищу предлог, чтобы пойти на попятную и сохранить свою жизнь? Бог, если ты есть там, наверху, дай мне знак, подскажи, как поступить…

Энона ждала, и Шрайк ждал вместе с ней, но божье знамение все не приходило. Шумные и щедрые боги в соседних храмах, казалось, не скупились на сочувствие и добрый совет, будто корреспонденты популярной газеты, ответственные за переписку с читателями. Но этот был менее доступен; он либо спал, либо умер. А может, предпочитал вершить свой суд в ином, лучшем мире где-то на другом краю вселенной. Энона Зеро покачала головой, досадуя на себя за собственную наивность, и встала, готовая покинуть часовню.

Шрайк моментально спустился со звонницы и затаился в нише у выхода из часовни, где, вероятно, когда-то находилась статуя христианского бога, прибитого гвоздями к кресту. Его подозрения оправдались. Доктор Зеро – предательница и, хотя он успел полюбить ее на свой, Сталкерский

манер, должна быть уничтожена, прежде чем причинит вред госпоже. От жажды убивать и близости ее утоления вся система жизнеобеспечения Сталкера, казалось, восторженно гудела и трепетала.

Хирург-механик демонтировала его перстяные клинки, но он и без того силен и беспощаден. Одного удара кулаком будет достаточно, чтобы легко покончить с ней.

Шаги на пороге. Девушка вышла из часовни, на ходу натягивая на голову капюшон, чтобы защититься от холодного ветра. Она не видит Шрайка. Она проходит мимо него и торопливо шагает прочь по улице Десяти Тысяч Богов, чтобы успеть в свое жилище в пагоде до того, как прозвонят колокола, оповещая о начале комендантского часа.

Шрайк медленно опустил руку, сжатую в кулак, растерянный и немного смущенный. Что с ним такое? Он же Сталкер, машина-убийца, но не сумел нанести удар, хотя хрупкий череп жертвы находился на нужном расстоянии.

«Я должен предупредить секретную полицию Зеленой Грозы», – подумал он, спрыгнул на землю с приступка ниши и последовал за Эноной сквозь уличную толпу. Пусть с ней разбираются сами однаждырожденные в подвалах Нефритовой пагоды, где находятся обложенные белым кафелем камеры пыток. Но, сделав несколько шагов, Сталкер остановился. Нет, он просто-напросто не мог сдать доктора Зеро.

«Это ее работа», – подумал он, вспомнив те долгие ночные бдения на фабрике Сталкеров. Молодая хирург-механик ухитрилась возвести барьер в его сознании, запрещающий причинять ей вред напрямую либо косвенно, путем доноса. Он с самого начала был частью ее плана. Доктор Зеро создала для вождя Зеленой Грозы телохранителя, неспособного защитить ее.

Шрайку следовало бы возненавидеть доктора Зеро за то, что она использовала его, но и это было ему не под силу.

Он бесцеремонно протаранил праздничную толпу перед святилищем бога Джомо и стал взбираться сквозь тьму и снег вверх по улицам Тяньцзина. Ну нет, не быть ему игрушкой в руках однаждырожденной! Пусть он не может убить ее, но и причинить вред госпоже не позволит! Надо любыми способами разузнать все о замыслах доктора Зеро и не допустить их осуществления.

Глава 18
«Нагльфар»[9]

Заперев взрослых и детей в апартаментах Гаргла, Коул со всех ног бросился обратно в мониторную. Его била легкая дрожь, так и тянуло вернуться и снова отпереть дверь. Он старался убедить себя, что не перешел на сторону Дядюшки и найдет способ, не изменяя ему, одновременно доказать свою преданность Фрейе и всем остальным.

– Первое, что мы должны сделать, – сказал Дядюшка при появлении Коула, – избавиться от женщин. Иначе они накличут на нас беду. Накличут, вот увидишь! – Он включил на экранах изображения пленников в нижнем помещении – большие, зернистые картинки Эстер и Фрейи крупным планом. Потом продолжал: – Конечно, выглядят очень привлекательно, и, без сомнения, ты думаешь, какие хорошенькие, но они обведут тебя вокруг пальца и предадут, как поступила со мной моя Анна много лет назад. Вот почему я взял за непреложное правило не допускать ни одной женщины в Гримсби.

Коул положил револьвер Эстер, решив, что глупо держать его в руке.

– А как же девушка, которая была с Гарглом на «Автолике»?

– А, юный Ремора! – Дядюшка схватил револьвер и засунул его промеж грязных складок своих одежек. – Что ж, тебя можно понять. Внешность у парня действительно необычная. Высокий голос, длинные волосы. Косметика на лице. Я тоже сомневался при первой встрече, но Гаргл убедил меня, что это мальчик. И к тому же оказался хорошим специалистом. Бедный Ремора. Полагаю, его тоже нет в живых?

– Дядюшка, среди несчастных детей там, внизу, тоже есть девочки. И немало.

– Девочки? Ты уверен? – Дядюшка принялся нажимать большим пальцем кнопки на пульте, выискивая крупным планом лица детей.

Коул увидел, как его друзья обеспокоенно смотрят на оживившиеся у них над головой паукообразные краб-камы, которые забегали по потолку, задевая за подвешенные там Реморовы мобили. Дядюшка смог рассмотреть на экранах лишь светлые пятна, по форме похожие на человеческие лица.

– Нельзя исключать, что рекрутеры Гаргла действительно по ошибке похитили нескольких девчонок, – пробормотал он ворчливо. – От них тоже надо избавиться, если мы хотим начать все заново. И мы начнем, Коул, мой

мальчик! Мы сделаем Гримсби прочнее и лучше, чем прежде, и ты станешь моей правой рукой. Можешь поселиться в гнездышке Гаргла, будешь, как он, оттуда руководить от моего имени.

Позади него внезапно погас целый блок мониторов, отчего в комнате стало еще темнее. Потянуло запахом горелой изоляции; Коул подошел посмотреть, в чем дело, и увидел, что по поверхности экранов стекает вода и собирается на полу в лужи. Намочил палец, поднес ко рту – вода соленая. «Дядюшка знает лучше», – сказал он себе и искренне захотел верить в это, ведь так хорошо вернуться в старое доброе время, когда все было надежно и ясно. В каждом человеке живет потребность верить во что-то большее и лучшее, чем он сам. Том и Фрейя верят в своих богов, Эстер верит в Тома, а Коул верит в Дядюшку. Пусть он старый, слепой и немощный, пусть даже Гримсби уже не спасти от гибели в глубине океана – Коул больше не оставит того, в кого верит.

Но друзья Коула не должны погибнуть вместе с ним.

– Вы устали, Дядюшка, – заботливо сказал он.

И не кривил душой. Сколько времени провел в одиночестве этот старик, внимая предательскому брайтонскому посланию со всех окружающих его мониторов?

Коул коснулся его руки:

– Вам надо отдохнуть, а я за вас подежурю.

Дядюшка резко обернулся, в глазах блеснуло что-то от прежнего грозного воровского вожака.

– Пытаешься сыграть со мной злую шутку, Коул? Ты прямо как Гаргл. Он тоже говорил: «Ложитесь-ка вздремнуть, дорогой Дядюшка! Прилягте минуток на шестьдесят, Дядюшка!» Проснусь, а чего-то из моих вещей не хватает или еще один стоящий парень мертв, а Гаргл рассказывает мне байку про несчастный случай…

– Почему же вы оставляли это безнаказанным? – спросил Коул.

Старик пожал плечами:

– Боялся его, наверное. И гордился им. Умен был, стервец, Гаргл этот. И все, что имелось в нем примечательного, создано мной! Наверное, он для меня как сын. Иногда я думаю, что у нас с Анной могли родиться сыновья, если бы она не обманула меня и не сбежала на своем самодельном воздушном корабле! И я думаю, мои сыновья могли бы стать такими же умными, как Гаргл. И все же хорошо, что его больше нет, Коул, мой мальчик. И хорошо, что здесь со мной теперь ты.

Невнятно бормоча что-то под нос, Дядюшка позволил Коулу отвести себя по крутой лестнице наверх, в свою спальную комнату. Миниатюрные

двигатели старого воздушного грузоподъемника с жужжанием и постукиванием потянули за собой шар визуального наблюдения, держа его на небольшом расстоянии над головой Дядюшки, чтобы он мог и на ходу смотреть на мониторы, тревожно бегая подслеповатыми глазками с экрана на экран. Дверной проем в спальню был специально увеличен в высоту и ширину, чтобы через него свободно проходил баллон с шаром.

– Надо все время следить за ними, Коул, – бормотал Дядюшка. – Если не следить, неизвестно, что им взбредет в голову. Надо следить за каждым, всегда и всюду.

Когда-то спальня была богато обставлена мебелью, поскольку Пропащие Мальчишки доставляли сюда лучшее из награбленного в соответствии с высоким положением Дядюшки. Но Гаргл, судя по всему, под разными предлогами постепенно перетащил в собственные апартаменты самые роскошные вещи. И теперь здесь оставались только кровать с потертым одеялом, несколько стопок заплесневелых книг и перевернутый ящик, заменявший ночной столик; на нем стояла аргоновая лампа и выцветшая фотография красивой девушки в рабочей одежде архангельской рабыни.

– Специально храню ее как напоминание, – пояснил Дядюшка, заметив вопросительный взгляд Коула, и положил фото лицом вниз. – Моя Анна Фанг. А хорошенькая была, правда? Из нее потом сделали Сталкера и поставили во главе Зеленой Грозы. Она теперь правит половиной мира и командует армиями и воздушными кораблями. Я все время не упускаю ее из виду. У меня даже есть где-то альбом с газетными вырезками. Гаргл возомнил, что сможет заключить с ней сделку, но я-то знал, из этого ничего не выйдет. Только беду накличет…

– Какую сделку? – спросил Коул. Раньше до него доходили слухи о несчастной безответной любви Дядюшки, но о сделках Пропащих Мальчишек с внешним миром он слышал впервые. – Гаргл ради этого явился в Анкоридж? Для чего ему понадобилась Жестяная Книга?

Дядюшка сел на кровать, и его спутник из наблюдательных экранов нырнул вслед за ним, повиснув прямо над головой.

– Гаргл сказал, грядет беда. Как только три первые пиявки исчезли, он сказал: «Грядет беда!» И оказался прав, ведь так? Не знал только, сколько у нас в запасе времени. Гаргл рассчитывал завладеть Жестяной Книгой и передать ее Зеленой Грозе в обмен на защиту. Хотел, чтобы они разделались с любым городом, который решит поохотиться на нас.

– А им-то зачем Жестяная Книга? – продолжал допытываться Коул.

– Кто знает? – ответил Дядюшка, пожимая плечами. – Пару лет назад

грозовики послали экспедицию к месту, где предположительно затонул Анкоридж, и, конечно, ничего не нашли. Гаргл ухитрился подослать пиявку на их судно и таким образом выведал, что они надеялись поднять на поверхность.

– Жестяную Книгу?

Дядюшка утвердительно кивнул:

– И они были не простые бойцы Зеленой Грозы, а специальные агенты, подчинялись напрямую ей! Тут Гаргл смекнул: раз она посреди войны шлет чуть ли не вокруг света корабли, переполненные ищейками, чтобы заполучить эту штуку, значит потребность в ней действительно велика. И еще вспомнил, как во время ограбления Анкориджа ему на глаза попадалось нечто подобное, только тогда вещица ничем не приглянулась. – Дядюшка покачал головой. – Говорил я ему, не суйся в это дело! Говорил, не дергайся! Но таким уж он был, юный Гаргл, – если втемяшит что-нибудь в голову, его уж не остановишь. Отправился за собственной смертью, а тем временем этот проклятый город переманил всех моих мальчиков.

– Но что в ней такого? – недоумевал Коул. – Я имею в виду Жестяную Книгу. Что в ней такого ценного?

Дядюшка, который сидел и печально шмыгал носом, развернул носовой платок в горошек, высморкался и поднял глаза на Коула.

– Не знаю, – признался он. – И никто не знает. Гаргл пустил слух, что речь идет об описании конструкции какой-то необыкновенной, великой подводной лодки Древних, с помощью которой мы все спасемся, но, думаю, он это сочинил. Что будет делать с подводной лодкой моя несчастная Анна? Нет. Вероятно, это оружие. Что-то на редкость мощное. – Скомкал и убрал платок, потом зевнул. – Ну, довольно о прошлом, мой мальчик. Мы должны думать о будущем. Мы должны строить планы. Пора начинать перестройку Гримсби. Нам придется стащить кое-какие материалы. Хорошо, что ты вернулся на «Винтовом черве», теперь ему найдется применение, о да! И у нас еще есть старый «Нагльфар»! Не забыл старый добрый «Нагльфар»?

– Когда швартовались, видел его у пирса, – подтвердил Коул.

Глаза Дядюшки слипались. Коул помог ему улечься, укрыл потрепанным одеялом, заботливо подоткнув со всех сторон.

– Вам надо хорошо выспаться. Поспите; а проснетесь, тогда и наступит час использовать «Нагльфар».

Дядюшка улыбнулся ему и закрыл глаза. Мониторинговый шар висел прямо над подушкой, и в электронном сиянии картинок с краб-камов старческое лицо казалось мертвенно-голубой бумажной маской,

освещенной изнутри призрачным мерцанием грез.

* * *

В расположенном под ними помещении кое-кто из детей тоже уснул. Остальные тихонько сидели и глядели широко раскрытыми доверчивыми глазами на Тома. Он рассказывал им историю, которой всегда успокаивал маленькую Рен, если девочка просыпалась ночью от страшного сна. Казалось, их совсем не пугали ни содрогания и стоны умирающего города, ни струйки воды, стекающие по стенам. Страшно, когда они одни, но теперь эти добрые взрослые здесь, с ними, а значит, все будет хорошо.

Эстер исследовала все уголки в комнате, надеясь наткнуться на оружие или какой-то инструмент, чтобы взломать прочные дверные замки, но не нашла ни того ни другого, отчего настроение у нее портилось все больше с каждой минутой.

– Что ты сделаешь, даже если найдешь способ выбраться отсюда? – урезонивала ее Фрейя. – Сядь. Детей пугаешь.

Эстер оскалилась в ее сторону:

– Что сделаю? Конечно же, спущусь на причал, а потом уберусь прочь на «Винтовом черве»!

– Но мы все не поместимся на «Винтовом черве». Даже если сумеем втиснуть детей в трюм, не хватит ни воздуха для нормального дыхания, ни горючего, чтобы добраться до Анкориджа.

– А кто говорит, что мы возьмем с собой детей? – возразила Эстер. – Я приехала, чтобы спасти Рен, а не этих дикарят! Рен здесь нет, поэтому мы доплывем на «Винтовом черве» до Брайтона и поищем там.

– Но дети… – начала Фрейя и тут же осеклась, опасаясь, что они услышат ее и догадаются о планах Эстер. – Как ты можешь даже думать о подобном! Ты ведь сама мать!

– Вот именно! – подхватила Эстер. – А если бы ты была матерью, знала бы, сколько беспокойства доставляют дети. А эти даже не обычные дети. Хорошо тебе играть в дочки-матери, но мы имеем дело с Пропащими Мальчишками! Их нельзя везти на Анкоридж! Что ты собираешься делать там с ними?

– Любить их, – только и сказала в ответ Фрейя.

– Ну да, так же как ты любила Коула! И каков же результат? Да они сначала обдерут тебя как липку, а потом, скорее всего, прирежут! Ты просто выжила из ума, снежная королева! Когда-то ты предложила мне

обеспечивать защиту Анкориджа. Ну, так я выполню свою задачу – не дам тебе захватить домой в качестве сувенира банду малолетних воришек!

Фрейя отпрянула, будто ей стало неприятно стоять близко к Эстер.

– Полагаю, Анкоридж больше не нуждается в твоих услугах, – произнесла она. – Было время, я радовалась за тебя, думала, что все эти мирные годы принесли успокоение и тебе. Но я ошибалась – ты ничуть не изменилась!

Едва Эстер собралась ответить, как вдруг дверь у нее за спиной распахнулась и вошел Коул. Она мгновенно избрала его новой мишенью для своей злости.

– Явился поиздеваться над теми, кого предал?

Коул упорно избегал ее взгляда.

– Я никого не предавал. Просто хочу, чтобы никто не пострадал. И я против того, чтобы заставлять Дядюшку покинуть Гримсби. Он слишком стар, без Гримсби ему не жить.

– Ему не жить, если останется, – сказала Эстер. – Впрочем, у него появится возможность поставить рекорд по нырянию на глубину.

Коул не стал спорить с ней, а обратился к Фрейе и Тому:

– Он заснул. Надеюсь, проспит несколько часов. Этого достаточно, чтобы вы успели уплыть отсюда.

– А как же ты? – спросила Фрейя.

Коул отрицательно покачал головой:

– Я должен остаться. У него никого нет, кроме меня.

– Послушай, он не заслуживает подобной жертвы, – негодующе произнес Том. – Надеюсь, ты понимаешь, что его намерения восстановить это место невыполнимы?

– Это ты не понимаешь, – сказал Коул. – Видеть его таким… старым, жалким, выжившим из ума… Конечно, с Гримсби покончено. Но Дядюшка не сможет смириться с этим. И я – последний из его мальчишек, Том. Я должен оставаться с ним до конца!

Фрейя хотела было попытаться уговорить его, но тут вмешалась Эстер:

– Ну и прекрасно! Итак, как нам, по-твоему, отсюда убраться?

Коул даже улыбнулся ей, обрадовавшись, что разговор перешел в практическое русло:

– На «Нагльфаре», грузовой подлодке, которую мы видели у причала. Машина старенькая, но надежная. На ней доберетесь до Анкориджа без проблем.

– Тогда и тебе придется отправиться с нами! – с облегчением произнесла Фрейя. – Я лично не умею ни управлять подводной лодкой, ни

следить за курсом или что там еще!

– Том и Эстер помогут.

– Том и Эстер на «Винтовом черве» поплывут догонять Брайтон, – возразила Эстер.

– Нет, – твердо сказал Коул. – Вы должны помочь Фрейе. Мне придется остаться с Дядюшкой. Сейчас заправим «Нагльфар» горючим и съестными припасами. Доплывете до Анкориджа, высадите Фрейю и детей, а потом можете догонять Брайтон и разыскивать Рен.

* * *

Вот так в последний раз пиявочные причалы Гримсби вновь наполнились шумом и суетой, сопровождающими подготовку подводной лодки к выходу в открытое море. «Нагльфар» представлял собой утлое ржавое корыто, которое тем не менее, по уверениям Коула, могло плыть и, кроме того, имело достаточно просторный трюм, чтобы вместить и Фрейю, и всех детей. Он только не сказал никому еще кое о чем. Эту подлодку Дядюшка угнал много лет назад у племени снегоходов-кладоискателей и с ее помощью начал создание своей подводной империи. Коул не стал упоминать и о происхождении слова «Нагльфар»; между тем старые северные легенды гласили, что так назывался корабль, построенный из ногтей мертвецов, на котором боги тьмы поплывут сражаться, когда наступит конец света… Незачем пугать детей на ночь!

Пока Том и Коул проверяли исправность моторов старушки, а Эстер заправляла ее баки горючим, Фрейя и дети постарше отправились на продовольственные склады Гримсби, откуда вернулись с полными охапками пакетов с едой, которой хватит на все путешествие до Винляндии.

Приготовления делались споро, времени было в обрез. По коридорам ветхого здания то и дело проносились металлические стоны и кряхтение, когда под давлением океанской толщи медленно прогибались листы обшивки, поврежденные брайтонскими глубинными бомбами, потом не выдерживали, и люки в перегородках очередных затопленных отсеков автоматически захлопывались. Никто из беглецов ни на минуту не забывал о том, что неподалеку находится Дядюшка с его полоумными мечтаниями. Впрочем, он, видимо, все еще крепко спал в своей опочивальне. По крайней мере, когда Том вылез из люка «Нагльфара» и посмотрел на затененную кровлю над головой, то не заметил там ни одного шпионящего

краб-кама.

Он на секунду прислонился к вертикально стоящей крышке люка, наслаждаясь прохладой, так как в машинном отсеке «Нагльфара» становилось жарко и душно. Том слишком усердно взялся за работу и сильно разволновался из-за Рен, поэтому старая рана опять беспокоила его острыми, пульсирующими уколами, будто сердце билось в окружении стеклянных осколков. «Как бы не умереть», – подумал он. Нет, смерть ему была не страшна, но Том боялся умереть прежде, чем спасет дочь.

Он решил, что лучше будет беспокоиться о Коуле, чем о себе. Том выбрался из люка подлодки и столкнулся лицом к лицу с Эстер, которая тяжело шагала по пирсу, неся на плече увесистый мешок, наполненный позвякивающими на ходу монетами.

– Послушай, надо как-то уговорить Коула, – вполголоса сказал он жене, отводя ее в сторону. – Нельзя оставлять его здесь. Дядюшка однажды уже чуть не убил его.

Эстер с сомнением покачала головой:

– Бесполезно. Я не думаю, что он хочет остаться на самом деле. Просто он без ума от своего Дядюшки!

– Но Дядюшка намеревался убить его!

– Для Коула это не имеет никакого значения, – не уступала Эстер. – Дядюшка ему вместо отца с матерью. А родителей любят независимо от того, хорошие они или плохие. Дети могут даже не подозревать, что любят маму с папой, могут даже ненавидеть их, но к ненависти всегда будет подмешана хоть капля любви, а в результате… все оказывается очень сложно!..

Она запнулась, не в силах подыскать правильные слова и вспомнив о своих собственных противоречивых чувствах по отношению к умершему отцу и пропавшей дочери. И подумала, способна ли Рен любить ее так же, как Коул любит Дядюшку?

– Фрейя как-то сказала мне, что в Анкоридже Коул каждую ночь видел во сне Гримсби, – произнес Том. – Снилось даже, что Дядюшка нашептывает ему, как в детстве, через акустическую систему в спальне. Послушай, зачем Дядюшке понадобилось вот так разговаривать с мальчишками, когда они спят?

– Видимо, это способ оболванивания, вроде гипноза, – предположила Эстер.

– И мне подумалось о том же, – согласился Том. – Будто опутывал их сознание паутиной, которая никогда не отпустит их от Гримсби, как бы далеко они ни убегали и как бы ни стремились вырваться на волю.

– Ну, Коула-то мы вытащим из этой паутины, – уверенно заметила Эстер. – Просто отключим его сознание, стукнув чем-нибудь по голове, и увезем. Придет в себя – а мы уже в открытом море.

– Может, ты и права, – с сомнением проговорил Том. – Может, когда это проклятое место и Дядюшка вместе с ним перестанут существовать, Коул забудет о них.

Сверху, с рубки «Нагльфара», раздался пронзительный детский крик:

– Камы зашевелились! – Это кричал мальчишка по имени Вьюнок. Фрейя поручила ему наблюдать, поскольку он был слишком мал, чтобы делать какую-либо физическую работу. – Камы зашевелились!

Том и Эстер разом подняли головы. Над ними по ржавым стрелам доковых кранов, быстро перебирая лапками и наступая друг другу на спины, забегали краб-камы, фокусируя объективы на причал, где стоял на швартовах «Нагльфар».

– Старик проснулся! – заметил Коул, вылезая из носового люка подлодки и по трапу спускаясь на пирс; за ним, не отставая, следовала Фрейя.

– Ну так что? – холодно спросила Эстер. – Теперь-то ему нас никак не остановить!

– Разве кого-то надо останавливать? – раздался скрипучий Дядюшкин голос. – Никого не надо останавливать, раз никто никуда не уезжает!

Прихрамывая, он приближался к беглецам, огибая пустые швартовочные заводи, держа на изготовку револьвер Эстер, который казался слишком тяжелым для его немощной, трясущейся руки. Над головой Дядюшки плыл наполненный газом баллон старого грузоподъемника, чем-то напоминающий пустое «облачко» для текста в книжке комиксов, со свисающим под ним глобусом из экранов, на которых мелькали транслируемые краб-камами картинки. Старик нажал пальцем на спуск, револьвер в его руке с грохотом дернулся вверх, пуля лязгнула о бок возвышающейся над подлодкой рубки. Звук выстрела эхом прокатился в вышине под кровлей между едва различимыми во мраке стрелами швартовочных лебедок, и тут же в ответ раздался тяжкий стон переборки где-то на верхнем уровне, испытывающей чрезмерное давление океанской толщи, будто громадное чудовище подыхало долго и мучительно от несварения желудка.

Старик словно ничего не слышал.

– Дядюшка знает лучше! – визгливо прокричал он. – Останетесь со мной, поможете восстановить Гримсби, и вас ждет заслуженная награда! Попытаетесь бежать – будете смыты в океан из переходного шлюза на корм

рыбешкам!

Дети затрепетали от ужаса. Эстер выступила вперед, прикрыв своим телом Тома. Коул сделал несколько торопливых шагов по направлению к старику.

– Дядюшка, – начал он примирительным тоном, – кажется, Гримсби получил более значительные повреждения, чем мы думали.

– Ну так что же? – с вызовом спросил тот, вглядываясь в изображение Коула крупным планом на одном из экранов. – Что из этого следует? Когда я впервые здесь появился, все находилось в еще худшем состоянии.

– Мистер Каэль, – негромко окликнула его Фрейя. – Стилтон!

Она отважно зашагала навстречу Дядюшке, и краб-камы тут же принялись лихорадочно вглядываться в ее лицо и руки, посылая их увеличенное изображение на экраны. Коул попытался остановить ее, но Фрейя движением плеч высвободилась и протянула Дядюшке руку:

– Коул сказал правду. Гримсби вот-вот перестанет существовать. Его создание было смелым решением, и я считаю большой удачей, что мне довелось повидать ваш подводный город. Но настало время покинуть его. Вы можете поехать с нами в Анкоридж. Неужели вам не хочется снова дышать свежим воздухом и видеть солнце?

– Солнце? – переспросил Дядюшка, и его глаза мгновенно наполнились слезами.

Он уже не помнил, когда ощущал доброе отношение к себе. Не помнил, когда в последний раз его называли по имени. Фрейя протянула ему навстречу обе руки, и Дядюшка ошеломленно уставился на парящий шар из экранов, на нежные белые руки, распростертые над его головой, как крылья.

– Покинуть Гримсби? – снова переспросил он, и голос его звучал уже не вызывающе, а, наоборот, задумчиво.

Краб-камы продолжали увеличивать изображение Фрейи, пока на каждом мониторе не высветилась часть ее лица или тела – глаза, рот, плавный изгиб щеки, руки, – словно кусочки мозаики, предназначенной для составления образа богини. Дядюшке захотелось взять эти руки в свои, захотелось уйти с этой женщиной туда, где сияет солнце, увидеть его прежде, чем умрет. Он сделал шажок вперед, но потерял из виду экраны, и вдруг из размытой пелены перед глазами выступило лицо другой женщины, которой когда-то верил, а она бросила его.

– Нет! – вскрикнул Дядюшка. – Мерзавка, меня не проведешь! Ты все лжешь!

Он вскинул револьвер и нажал на спуск. По всему помещению

прокатился оглушительный грохот; дети завизжали и зажали уши руками. Пуля пробила улыбающееся лицо Фрейи, и лицо раскололось, а за ним опустилась черная тьма, посыпались искры и осколки стекла Дядюшке на голову. И только тогда ему стало понятно, что он застрелил не настоящую Фрейю, а лишь ее изображение на самом большом экране. Он стал разыскивать глазами живую Фрейю, но Коул оттащил ее в сторону и загородил своим телом, а Дядюшке не хотелось стрелять в Коула.

Где-то высоко над ним кто-то отчетливо и тяжело вздохнул. Увесистый револьвер выпал из старческой руки. Дядюшка поднял голову. И все подняли головы, даже насмерть перепуганные дети. Вздох не прекращался, а становился все громче, и тут Дядюшка увидел, что прострелил дыру в воздушном шаре, который удерживал на весу глобус из мониторов. На его глазах дыра быстро расползалась, пока не превратилась в солидную прореху, похожую на разинутый в зевке рот.

– Дядюшка! – закричал Коул.

– Коул! – взвизгнула Фрейя, крепко прижала его к себе обеими руками и не отпускала.

– Анна… – прошептал Дядюшка.

Тяжеленный клубок электронной аппаратуры грохнулся вниз и придавил Дядюшку, как каблук паука. Все мониторы разом взорвались, бело-голубые искры брызнули во все стороны, мелкие осколки стекла густым веером рассыпались по полу. Сдутая оболочка шара медленно опустилась сверху и накрыла всю кучу обломков, точно саваном. Дым от горящей изоляции достиг крыши, где располагались противопожарные спринклеры, и на головы ошеломленных зрителей полился холодный соленый дождь.

Том бросился к Фрейе, за ним Эстер; обняла ее за трясущиеся плечи и спросила:

– Ты ранена?

– Нет, кажется, – ответила Фрейя, отрицательно качая мокрой головой, и чихнула от попавшего в ноздри едкого дыма. – А Дядюшка?..

Коул обошел вокруг груды все еще искрящихся и смердящих обломков и увидел только торчащие из-под них ноги Дядюшки в замызганных кроликообразных тапках. Ноги дернулись несколько раз и замерли в неподвижности.

– Коул! – негромко позвала Фрейя.

– Не беспокойся, я в порядке.

Он и в самом деле чувствовал себя довольно неплохо, хотя почему-то заплакал. Потом потянул за край полотнища шара, накрыл им тапочки-

кролики и повернулся к остальным.

– Ну, пора за работу, – уже деловитым тоном сказал он. – Быстро погружаемся на «Нагльфар» и отчаливаем, пока все здесь не рухнуло. Да, прежде приведем в готовность «Винтового червя». Пиявка понадобится Тому и Эстер, если они все еще намерены разыскать Рен.

* * *

Теперь дело пошло быстрее. Гримсби непрерывно скрипел и трещал, иногда по всему помещению словно пробегала жуткая судорога, от которой круглые причальные заводи покрывались рябью. Город агонизировал и умирал вслед за своим создателем.

Наконец последний топливный бак доверху заправлен горючим, заряженные аккумуляторы и наполненные свежей водой канистры подняты на борт «Нагльфара» и «Винтового червя». Эстер совершила еще один рейд по хранилищам сокровищ Гримсби, пригоршнями собирая золотые монеты, так как догадывалась – на Брайтоне деньги могут весьма пригодиться. Улучив минуту, когда никто не обращал на нее внимания, Эстер разгребла обломки мониторов и вытащила из-под мертвого Дядюшки свой револьвер. Она не сомневалась, что оружию тоже найдется применение.

Стоя на пристани, Том обнял на прощание Фрейю.

– Счастливого пути, – пожелал он ей.

– И вам счастливо, – пожелала в ответ Фрейя, ласково держа в ладонях его лицо и улыбаясь. Она медлила и покраснела от смущения. Ей давно хотелось при удобном случае поговорить с Томом о его жене. Том, по ее мнению, не понимал, какой безжалостной может быть Эстер. Конечно, она любила мужа, но все остальные, очевидно, для нее ничего не значили, и Фрейя боялась, что однажды ее жестокость навлечет беду на них обоих.

– Том, – начала она, – приглядывай за Эстер, хорошо?

– Мы всегда приглядываем друг за другом, – не понял тот намека.

Фрейя не решилась продолжать этот разговор и поцеловала его:

– Вы обязательно разыщете Рен. Я знаю.

Том согласно кивнул:

– И я не сомневаюсь. И Жестяную Книгу постараюсь вернуть. Если то, что Дядюшка рассказал Коулу, – правда, если Зеленая Гроза действительно ведет войну против движущихся городов… Я видел этих людей на Разбойничьем Насесте, Фрейя, и знаю, на что они способны. Если эта книга содержит какую-то опасную информацию, мы не можем допустить,

чтобы она попала к ним в руки…

– Мы не знаем наверняка, написано ли в книге что-то важное, – напомнила ему Фрейя. – В любом случае, конечно, хорошо бы заполучить ее обратно. Но нет ничего важнее, чем спасение Рен. Том, желаю вам поскорее найти ее и благополучно вернуться домой, в Винляндию!

Том и Эстер поднялись на борт «Винтового червя». Фрейя стояла и махала рукой вслед уходящей под воду пиявке, а потом еще некоторое время ждала вместе с Коулом, пока не исчезнут последние круги на поверхности швартовочной заводи. Все дети тем временем собрались в трюме «Нагльфара», через открытые люки слышались их тоненькие, взволнованные голоски:

– Сейчас поплывем!

– А далеко до Анкориджа?

– А спальня там у каждого своя или общая?

– А Дядюшка умер!

– Меня тошнит!

Фрейя взяла Коула за руку:

– Поехали?

– Поехали! – ответил он. – Домой!

Так наконец Гримсби покинули последние живые люди. Через несколько дней в его окнах погасли тусклые огоньки, один за другим вышли из строя вентиляционные насосы. Теперь, когда некому было заделывать щели и надломы в обшивке, протечки становились все обильнее, океан терпеливо, метр за метром овладевал подводным городом, а жилые помещения Пропащих Мальчишек постепенно заселяли морские обитатели.

* * *

Если Тому недоставало общества Фрейи и даже Коула, то Эстер испытала облегчение, снова оставшись наедине с мужем. Она вообще всегда чувствовала себя неловко в любой компании, за исключением Тома и Рен, когда та была маленькой. Эстер с обожанием наблюдала, как ее любимый сосредоточенно манипулировал рычагами управления «Винтового червя», старательно припоминая все, что ему объяснял Коул. Той ночью, когда пиявка, с глухим шумом рассекая океанские воды, легко скользила в юго-юго-западном направлении параллельным курсом с Брайтоном, Эстер забралась к Тому в койку, обвила его тело своими

длинными ногами и целовала так, как когда-то еще совсем молодыми они впервые целовались долгими часами на борту «Дженни Ганивер». Но Тома слишком беспокоила судьба дочери, чтобы ответить ей с той же пылкостью, и Эстер, после того как он уснул, еще долго лежала с открытыми глазами, думая с горечью: «Он любит ее так, как меня никогда не любил!»

Глава 19
Невестин венок

Первые морозы достигли Винляндии намного раньше «Нагльфара». Старая подводная лодка, приняв на борт слишком большое число пассажиров, всю дорогу устало ворча старыми, видавшими виды моторами, несколько недель тащилась до Мертвого континента, а затем по петляющим рекам до Анкориджа – путь, который «Винтовой червь» преодолел за считаные дни. Но Коул терпеливо довел дело до конца, и вот «Нагльфар», пробив тонкую корку льда, всплыл на поверхность прямо напротив лодочных причалов. Фрейя неосторожно высунулась из люка, размахивая руками, и чуть снова не угодила под пулю, на этот раз из ружья мистера Смью, решившего, что Пропащие Мальчишки пошли на приступ.

В определенном смысле так и было. Теперь, когда все эти неугомонные, невоспитанные и в большинстве случаев психически травмированные ребятишки поселились здесь, Анкоридж навсегда расстался с прежним обликом тихого, сонного уголка. Фрейе пришлось срочно приводить в жилое состояние верхние этажи Зимнего дворца, и старинное здание наполнилось суетой и звонкими детскими голосами. Некоторые из его новых обитателей еще не совсем свыклись с тем, что им больше не надо красть. Другим по ночам снились кошмары, и они неосознанно призывали на помощь Дядюшку и Гаргла. И все же Фрейя не унывала и не сомневалась: терпение и любовь сделают свое дело и мальчишки постепенно забудут о своем прошлом в глубине океана и вырастут счастливыми, здоровыми винляндцами.

Во всяком случае, с Коулом это наконец-то случилось. Фрейя никому не рассказывала, как все происходило между ними по дороге домой, но по прибытии бывший Пропащий Мальчишка уже не вернулся в свою холостяцкую берлогу в районе машинных отсеков. В начале октября, когда собрали весь урожай, скотину перегнали с верхних пастбищ и город готовился к зиме, Коул и маркграфиня сыграли свадьбу.

* * *

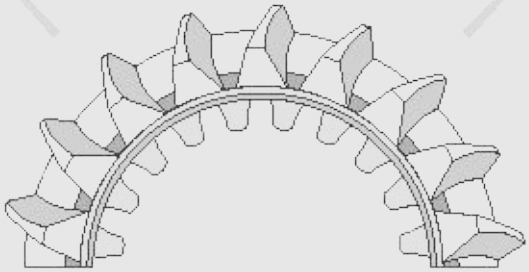
На другой день после свадьбы Фрейя проснулась рано утром. Еще только пять часов, а сон будто рукой сняло, как бывало в молодости.

Потихоньку выбралась из постели, стараясь не разбудить Коула, и босиком по холодному полу подошла к окну спальни. К волосам все еще были пришпилены остатки потрепанного невестина венка.

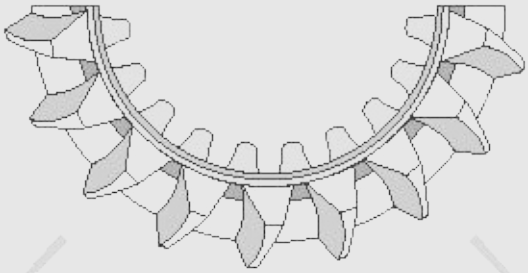
Раздвинув шторы, увидела на озере ледяной покров и первый снежок, выпавший за ночь. Маркграфиня обрадовалась, что ее город на полгода снова очутился во власти богов льда. Боги лета, озера и охоты проявили доброе отношение к ее народу, а боги моря и богиня любви были чрезвычайно добры лично к ней. Однако с богами льдов она выросла и верила в них больше, чем в других. Фрейя подышала на стекло, нарисовала снежинку – их эмблему – на запотевшем пятне и прошептала:

– Берегите Тома. И Эстер тоже, хотя она этого не заслуживает. Направьте их к Рен, где бы она ни находилась. И пусть все они вернутся домой, к нам, здоровые, счастливые и неразлучные.

Но даже если боги льдов услышали ее молитву, они это ничем не подтвердили. Вместо ответа Фрейя услышала лишь завывание ветра меж шпилей Зимнего дворца да голос мужа, нежный и сонный, призывающий ее на супружеское ложе.



Часть вторая



Глава 20
По морям, по волнам

– Пеннироял, дорогой!

– М-м-м-м-м?

Шатер. Утро. Мэр с супругой сидят на противоположных краях длинного стола в комнате для завтраков с кисейными занавесками на окнах, задернутыми от горячего солнышка. Позади мэрши стоит чернокожий раб и машет опахалом из страусовых перьев, приятно обдувая женщину прохладой и шелестя газетой, которую пытается читать ее муж.

– Пеннироял, я с вами разговариваю!

Нимрод Пеннироял обреченно вздохнул и свернул газету:

– Что тебе, Фифи, сокровище мое?

Общеизвестно, что самозваному естествоиспытателю, сумевшему завладеть огромным состоянием, нужна подходящая жена, и Пеннироял отыскал на свою шею Фифи Хекмондуик. Пятнадцать лет назад, когда «Золото хищников» возглавляло всевозможные рейтинги бестселлеров на борту каждого города в пределах Охотничьих земель, эта женщина казалась выгодной партией. Ее семья принадлежала к старинному аристократическому роду Брайтона, правда обедневшему. Пеннироял был всего лишь безродным искателем приключений, зато богатым. Их женитьба позволила семье Хекмондуик восстановить материальное благополучие и предоставила Пеннироялу социальный статус, необходимый для избрания его мэром. Из Фифи получилась прекрасная жена для мужчины, делающего политическую карьеру: умела занимать гостей разговорами и составлять букеты, методически планировать званые ужины и превосходно участвовать в открытии торжеств, празднеств и больничных отделений.

Но теперь Пеннироял жалел, что женился на ней. Со временем Фифи располнела и превратилась в дородную, властную, краснолицую матрону; и одно только ее присутствие вгоняло мэра в тоску. Она самозабвенно увлекалась любительским пением, и ее настоящей страстью стали оперы в стиле «культуры синего металла», которые исполнялись на протяжении многих дней, не имели ни малейшего намека на мелодический рисунок и обычно заканчивались гибелью всех действующих лиц. Если Пеннироял по забывчивости осмеливался портить ей настроение расспросами о стоимости нового наряда или слишком открытым заигрыванием с женой советника за ужином, Фифи принималась за свои вокальные упражнения и

выводила гаммы до тех пор, пока в доме не начинали дребезжать стекла. Или заводила граммофон и услаждала хозяина и прислугу звуками всех шестисот строф арии Царь-колокола из оперы «Круглосуточный звон».

– Если я разговариваю с вами, Пеннироял, то вам следует отвечать, – внушительно сказала Фифи, с угрожающим видом откладывая на тарелку круассан.

– Конечно, конечно, дорогая! – поспешно согласился Пеннироял. – Зачитался, понимаешь, репортажами военных корреспондентов «Палимпсеста». Отличные новости с передовой! Поневоле испытываешь гордость за движенцев, не так ли?

– Пеннироял!

– Да, дорогая?

– Я ознакомилась с планом организации бала, посвященного фестивалю Луны, – заявила Фифи, – и не могла не заметить, что вы пригласили Летучих Хорьков, это правда?

Пеннироял неопределенно пожал плечами.

– Полагаю, не принято приглашать в порядочный дом военных наемников, Нимрод.

– Я лишь пригласил их начальницу, Орлу Дубблин, – запротестовал Пеннироял. – Ну, разрешил ей привести с собой кое-кого из друзей… Знаешь, не хотелось бы обижать ее недостаточным вниманием. Все-таки известная пилотесса. На своем «Вомбате» она сбила три воздушных дредноута в бою при Бенгальском заливе!

Пеннироял говорил, а перед глазами у него стоял образ великолепной пилотессы-аса в обтягивающем кожаном летном комбинезоне розового цвета. Он всегда гордился тем, что пользовался успехом у дам. Да, в свое время на его долю выпали страстные любовные романы с экзотическими и прекрасными женщинами. Тут уважаемый мэр не без ностальгического удовольствия вспомнил своих прежних возлюбленных – Мятную Пышку, Персик Занзибара, а также всю женскую команду по крокету из Движеград-Смоленска. Ему очень хотелось надеяться, что отважная Орла Дубблин тоже сможет быть вскорости включена в этот список.

– Вероятно, красотка? – спросила жена. Прямой вопрос застал Пеннирояла врасплох, и он неловко заерзал на стуле.

– Честно говоря, даже не обратил внимания на ее внешность… – промямлил он.

Как ненавистны были ему подобные сцены! У кого угодно пропадет аппетит от этого мерзкого, подозрительного выражения глаз Фифи! К счастью, от дальнейшего допроса его спас раб-лакей, который отворил

дверь в комнату для завтраков и известил:

– Мистер Пловери просит принять, ваша милость!

– Замечательно! – почти закричал Пеннироял и благодарно вскочил из-за стола, чтобы приветствовать столь желанного посетителя. – Пловери, дорогой мой! Если б вы знали, как я рад вас видеть!

Уолтер Пловери, торговец антиквариатом из Лейнза, одного из самых перенаселенных и нечистых районов города, служил мэру в качестве советника по изделиям олд-тека и помог ему положить в заначку кругленькую сумму от негласной продажи экспонатов Брайтонского музея. Это был маленький, дерганый человечек с лицом, словно вылепленным из теста, которое забыли положить в духовку и запечь. Неожиданно преувеличенная приветливость Пеннирояла, очевидно, испугала Пловери; обычно люди не очень-то радуются при его появлении. С другой стороны, не каждый день ему приходится появляться именно в тот момент, когда жена допрашивает мужа по поводу его отношений с хорошенькой пилотессой.

– Я навел кое-какие справки относительно предмета, что ваша милость показывали мне, – пролепетал он, бочком подвигаясь поближе к Пеннироялу и неуверенно моргая глазками в сторону Фифи. – Припоминаете, ваша милость? Тот предмет?

– Нечего секретничать, Пловери, – подбодрил его Пеннироял. – Фифи в курсе всех моих дел. Не так ли, моя ватрушечка? Помнишь ту железяку, что на прошлой неделе я позаимствовал у Шкина насовсем? Я велел Пловери оценить ее, дать, как говорится, мнение эксперта…

Фифи едва заметно улыбнулась, потянулась за газетой и открыла страницу светской хроники:

– Прошу простить меня, мистер Пловери. На меня разговоры об олд-теке навевают скуку…

Пловери с готовностью кивнул, потом отвесил ей поклон и повернулся к Пеннироялу:

– Предмет по-прежнему у вас?

– У меня, заперт в сейфе в моем офисе, – подтвердил мэр. – Ну так что, ценность какую-то представляет?

– Очень может быть, – уклончиво ответил Пловери.

– Его принесла одна Пропащая Девчонка. По ее словам, это имеет отношение к подводным лодкам.

Мистер Пловери позволил себе легкий смешок:

– О нет, ваша милость. Она явно не знает языка электронного программирования Древних.

– Что-что, язык про-гра…

– Шифр, которым пользовались наши предки для общения с каким-либо электронным мозгом. Мне не удалось отыскать образец, аналогичный данному конкретному языку ни в одном из исторических архивов. Впрочем, у него есть схожесть с некоторыми сохранившимися фрагментами шифра американской армии.

– Американский, значит? – переспросил Пеннироял и добавил: – Военный, значит? Тогда на этой штуке можно кое-что заработать. Война длится четырнадцать лет, все уже выдохлись. Научно-исследовательские отделы воюющих мегаполисов заплатят целое состояние за одну только подсказку, как создать сверхоружие!

Лицо Пловери порозовело при мысли о причитающихся ему процентах от целого состояния.

– Не желаете ли, чтобы я попытался реализовать эту вещь, ваша милость? У меня имеются контакты в мобильных зонах беспошлинной торговли…

Пеннироял отрицательно покачал головой:

– Не надо, Пловери, я сам этим займусь. Все равно нет смысла предпринимать что-либо до завершения фестиваля Луны. Засуну книгу поглубже в сейф до тех пор, пока не закончатся празднества, а уж тогда свяжусь с кое-какими знакомыми. Среди них есть очаровательная молодая женщина по имени Крюис Морчард, а по профессии археолог. В осенний сезон она частенько появляется на Брайтоне и всегда интересуется необычными образцами олд-тека. Да, пожалуй, я сам смогу продать эту вещь, чтобы не беспокоить вас, Пловери.

Он отправил разочарованного торговца олд-теком восвояси и собрался было продолжить завтрак, но на другом конце стола жена демонстративно развернула перед ним «Палимпсест». Всю первую страницу раздела светской хроники занимала фотография мэра у входа в казино в Лейнзе под ручку с Орлой Дубблин, которая на фото выглядела еще божественнее, чем ему запомнилось.

– А знаешь, – Пеннироял попытался сделать невозмутимый вид, – я бы не сказал, что она красотка…

* * *

– Бедная Фифи! – негромко промолвила Рен, стоя незамеченной на галерее высоко над комнатой для завтраков вместе со своей новой подругой

Синтией Туайт. Она не расслышала, о чем потихоньку разговаривали Пеннироял и Пловери, но не пропустила ни слова, сказанного по поводу Орлы Дубблин. – Не понимаю, как можно мириться с этим!

– Мириться с чем? – спросила наивная Синтия.

– Ты разве не слышала? Фифи подозревает его в амурной связи с этой Орлой Дубблин!

– В амурной связи? – снова переспросила Синтия, нахмурив бровки, словно припоминая что-то. – А, знаю, кажется, есть такие вязальные узоры!

Рен только обессиленно вздохнула. Синтия, конечно, очень милая и очень хорошенькая, но очень глупая. Она уже несколько лет служила рабыней-горничной в Шатре, и миссис Пеннироял поручила ей объяснить только что прибывшей невольнице ее обязанности. Рен обрадовалась новой подруге, но уже очень скоро гораздо лучше Синтии разбиралась во всех устоях и перипетиях жизни в Шатре.

– Фифи думает, что Пеннироял и мисс Дубблин вместе развлекаются, – терпеливо растолковала она.

– Ой! – испуганно воскликнула Синтия. – Ах, несчастная госпожа! Подумать только, мужчине в его возрасте развлекаться с молоденькими пилотессами!

– Я могла бы порассказать тебе и не такое о Пеннирояле, а гораздо похуже, – прошептала Рен, но вовремя спохватилась, ведь для каждого на Облаке-9, включая Синтию, она лишь Пропащая Девчонка, а потому не может знать о Пеннирояле ничего, кроме напридуманного им же в своих дурацких книжках.

– А что похуже? – заинтересованно спросила Синтия.

– Как-нибудь в другой раз, – пообещала Рен, зная наверняка, что Синтия забудет. – Кто этот мальчик позади стула Фифи? – переменила она тему. – Тот, что с опахалом? На днях я его уже видела возле бассейна. Он все время какой-то печальный.

– Да, его тоже лишь недавно доставили, как и тебя, – оживилась Синтия. – Ну, может быть, на пару недель пораньше. Зовут Тео Нгони, бывший пилот Зеленой Грозы! Попал в плен во время какого-то жуткого сражения, и Пеннироял купил его в подарок на день рождения Фифи. Держать в рабах пленного грозовика считается стильным, а по мне, так очень страшно. Он же запросто прирежет всех нас прямо в постели! Только посмотри на него! Вылитый злодей!

Рен внимательно разглядывала мальчика, но не находила в нем ничего злодейского. По возрасту не старше ее и уж точно слишком юный, чтобы участвовать в сражениях! Наверное, тяжело ему было пережить сначала

поражение, потом плен, а теперь вот стой тут целый день и маши опахалом на Пеннироялов! Теперь понятно, почему у него такой невеселый вид. Рен почувствовала острую жалость к чернокожему мальчику, а заодно и к себе и еще раз подумала, что обязательно должна найти способ сбежать отсюда!

* * *

Поначалу Пеннироял уделял Рен особое внимание, называя ее «подводная поклонница моего таланта», и даже дал ей почитать свою очередную книгу – историю военного конфликта с Зеленой Грозой. Но через несколько дней уже забыл о существовании девочки, и она стала просто одной из многочисленных рабынь-горничных его жены.

И для Рен наступила новая и несложная жизнь: каждое утро вставала в семь часов, завтракала, вместе с другими девочками-служанками шла в покои миссис Пеннироял, где они пробуждали миссис Пеннироял от сна, помогали одеться и целый час приводили в порядок ее прическу – замысловатую, дорогостоящую и необычайно высокую. По утрам, когда мэр отправлялся на службу в городскую ратушу, его жене нравилось подолгу расслабляться в освежающей воде плавательного бассейна. Днем Пеннироял иногда заявлялся домой навеселе после так называемого рабочего ланча, и тогда миссис Пеннироял спускалась в город в желтой кабинке подъемника и отправлялась наносить визиты или участвовать в открытии разных торжественных мероприятий. При этом она никогда не брала с собой своих хорошеньких горничных, а лишь пару рабов-лакеев, чтоб несли за ней сумки и пакеты с покупками.

В восемь вечера подавали ужин – как правило, целое событие, потому что приглашали много гостей, и Рен с другими девочками бегали туда-сюда, неся на стол жареных лебедей, акульи антрекоты, запеканки из морепродуктов и большие трясучие желе на десерт. Затем они купали миссис Пеннироял в ванне, готовили ко сну, и только после этого горничным разрешалось самим идти спать в общую комнату на первом этаже.

Временами приходилось много работать, но если выпадала оказия, когда мэрша не нуждалась в услугах, у девочек наступало свободное время, и тогда, особенно в первые дни, Рен больше всего любила бродить по Шатру и вокруг него вместе с Синтией Туайт.

Дворец Пеннирояла был настоящей сокровищницей чудес. Рен восхищалась парком, беседками и тенистыми дорожками, вычурно

подстриженными кустами, зелено-голубыми кипарисовыми аллеями и святилищами древних богов. По мере того как Брайтон продвигался все дальше на юг, в теплые воды и золотое сияние осеннего солнца, Рен стало нравиться подходить иногда к поручням на краю парка и подолгу разглядывать белый город под ногами, блестящую поверхность океана, кружащих в небе чаек, и воздушные корабли, и полощущиеся на ветру вымпелы. И в эти минуты восторженного созерцания она невольно думала: пусть похищают и порабощают, ради такой красоты не жалко!

Но и печаль ее со временем только усиливалась. Не проходило и дня, чтобы девочка не вспоминала ставших вдруг бесконечно дорогими маму и папу. Рано или поздно она должна упорхнуть с Облака-9. Но как? Воздушным кораблям запрещено приземляться на парящей над городом палубе, значит единственный путь – на подъемнике, который неусыпно охраняют городские стражники в красной форме. Но даже если ей удастся спуститься в городские кварталы, чего этим добьется? С клеймом корпорации «Шкин» на руке, попадись она при попытке пробраться на борт отлетающего корабля, ее как беглую невольницу тут же вернут безжалостному работорговцу.

А между тем Рен увозили все дальше и дальше от родного дома. Брайтон шел курсом на юг, оставляя по левому борту милю за милей протяженное побережье Охотничьих земель, по которому параллельно ему катились пропылившиеся двухъярусные городки. Вокруг только и разговоров было что о предстоящем фестивале Луны. Фифи то и дело вносила изменения в список приглашенных на бал мэра. Кондитеры Шатра работали сверхурочно, производя фирменное печенье и конфеты в форме Луны в серебристой обертке. Первое осеннее восхождение полной Луны почиталось религиями большинства наций как священное событие, и его празднование сопровождалось фейерверками лунных фестивалей по всему миру, на движущихся и в оседлых городах. На борту Брайтона во время таких фестивалей каждый раз проходили разнообразные увеселительные мероприятия и карнавалы. И даже на Мертвом континенте по этому случаю вспыхивал одинокий, но громадный костер, так как на Анкоридже-Винляндском фестиваль Луны считался самым лучшим праздником в году.

Рен представила, как ее далекие друзья собирают в кучу хворост и прибитый к берегу плавник на лугу за городом и, может быть, гадают, где-то она сейчас и жива ли. До чего же ей хотелось оказаться сейчас вместе с ними! Уму непостижимо, как она когда-то могла считать свою жизнь в Винляндии скучной и постоянно ссориться с мамой! Теперь по ночам, лежа на своей койке в спальне рабынь, Рен часто обхватывала себя обеими

руками и шепотом напевала колыбельные песни, которыми в раннем детстве убаюкивала ее мама, и воображала, что поскрипывание канатов, удерживающих Облако-9 под аэростатами, похоже на журчание волн, набегающих на берега Винляндии.

* * *

Как Рен не забывала о существовании Набиско Шкина, так и Набиско Шкин не забывал о ней. Иногда по пути на очередную деловую встречу он бросал мимолетный взгляд на Облако-9 и услаждал себя мыслью о возмездии, ожидающем девчонку, посмевшую одурачить его. Однако планы по организации невольнической экспедиции в Винляндию все еще находились на начальной стадии, и другие неотложные дела занимали его сейчас гораздо больше.

Сегодня, к примеру, некто по имени Пловери прислал ему весьма любопытную записку.

Спустившись на лифте на средний уровень Перечницы, он быстрым шагом вышел из здания и сразу очутился в лабиринте узких улочек Лейнз, напоминающих коридоры. Улицы освещались лишь противно гудящими аргоновыми шарами да одинокими солнечными лучами, которые проникали сквозь вентиляционные отверстия и редкие застекленные фонари окон в верхней палубе. Здесь кишели нищие, воры и прочие отбросы общества, но все они слишком хорошо знали Шкина, и он мог спокойно разгуливать среди них без телохранителей. Даже самому безмозглому представителю брайтонского отребья было известно, какая кара ожидает того, кто хоть пальцем коснется Набиско Шкина. Встречные освобождали дорогу и останавливались, глядя ему вслед. Друзья подвыпивших пилотов залетных воздушных кораблей оттаскивали их в сторону от греха подальше. Толкачи наркотиков и уличные девки, неосторожно попавшиеся Шкину на глаза, тут же прятались от его взгляда, как от огня. И лишь один жалкий, забитый попрошайка, волочивший на веревке собачонку, осмелился жалостливым голосом обратиться к торговцу рабами:

– Подайте несколько долфинов, сэр! Подайте на пропитание!

– Перекуси своей псиной! – посоветовал ему Шкин и мысленно взял себе на заметку сразу после окончания фестиваля Луны прислать в этот район группу захвата – очистит город от бездельников, а заодно и заработает на них на осенних невольничьих торгах.

Он свернул в узкий проход за лотком, с которого торговали жареной рыбой, и прикрыл нос платком. Здесь воняло кухней и мочой. Впереди в тупике блеснули окна убогой лавчонки с выставленным в них разным старым хламом и олд-тековским утилем. Над витринами висела выцветшая вывеска с надписью: «ПЛОВЕРИ». На звон колокольчика открытой Шкином двери из задней комнаты поспешно выбежал сам антиквар.

– Это вы хотели встретиться со мной?

– Да, конечно, сэр, да-да… – Пловери подобострастно раскланивался и улыбался, сплетя свои ручки на груди.

Когда Пеннироял отказался от его посредничества при сбыте Жестяной Книги, обиженный антиквар додумался продать информацию о ней другому богачу. Написал записочку и всего лишь час назад оставил ее в ящике входящей корреспонденции корпорации «Шкин». Теперь, когда он увидел могущественного работорговца собственной персоной у себя дома и так скоро, ему стало не по себе. Торопясь и запинаясь, он рассказал посетителю все, что знал.

– Военный, значит? – в точности повторил Шкин слова мэра. – Оружие Древних, значит?

– Это всего лишь шифр, сэр, – осторожно заметил Пловери. – Однако образованный специалист, вероятно, сможет понять эту информацию и по ней воссоздать оборудование, к которому она относится. А значит, на нее найдется покупатель, сэр. Пеннироял сказал, что заполучил книгу от вас. «Я надул этого болвана Шкина, он сам отдал мне эту книгу задаром» – вот его дословные выражения, сэр, если позволите. И тогда я решил, что вам, возможно, будет небезразлично, сэр…

– Я уже принял меры, чтобы отплатить его милости за то маленькое недоразумение, – процедил Шкин, раздосадованный, что этому проходимцу известно, как Пеннироял перехитрил его. И все же рассказ Пловери показался ему заслуживающим внимания. – Надеюсь, вы скопировали содержание книги?

– Нет, сэр. Пеннироял не расстается с ней. Она хранится в сейфе у него в Шатре. Но если бы нашелся покупатель, я мог бы добраться до нее. Мне приходится часто посещать Шатер, сэр.

Шкин дернул бровью. Конечно, ему было небезразлично, но не настолько, чтобы выложить ту сумму, которую, как он догадывался, запросит Пловери.

– Я торгую рабами, а не олд-теком.

– Несомненно, сэр. Но если в книге действительно содержится ключ к созданию мощного оружия, одна из сторон получит перевес и война

закончится. А в вашем бизнесе война приносит неплохой доход, не так ли?

Поразмышляв еще минуту, Шкин кивнул:

– Ну ладно. Так или иначе, эта книга по закону принадлежит мне. Право собственности нашедшего, знаете ли. Просто не желаю, чтобы Пеннироял заработал на ней. Как я понял, вам известна кодовая комбинация его сейфа?

– Двадцать два – ноль девять – девятьсот пятьдесят семь, – доложил Пловери. – Двадцать второе сентября девятьсот пятьдесят седьмого года Эры Движения. День рождения его милости.

Шкин улыбнулся:

– Прекрасно, Пловери! Доставьте мне эту Жестяную Книгу.

Глава 21
Полет чайки

Днем, когда посуду после второго завтрака уже убрали, а накрывать к обеду еще не начали, Рен не спеша прогуливалась по прилегающему к кухне саду и вышла из Шатра как раз вовремя, чтобы увидеть, как авиакрыло Летучих Хорьков взлетало на ежедневное патрулирование неба над Брайтоном. Хорьки оборудовали себе временный аэродром на открытом, малоиспользуемом участке парка неподалеку от Шатра. Рен уже научилась различать большинство необычных летательных аппаратов по внешнему виду и сейчас без труда узнала те, что выруливали из ангаров. Вот выползает «Стыдно, у кого видно», за ним – «Из породы турманов», дальше – «Сухарь экономии» и «Дж. М. У. Тернер Овердрайв»[10]. Персонал наземного обслуживания загонял их в полотнища пружинных катапульт, которые потом с силой вышвыривали аппараты вместе с пилотами за край Облака-9. Пилоты на лету запускали двигатели и молились, чтобы крыльям хватило подъемной силы удержать их в воздухе и не рухнуть в грязную воду за кормой Брайтона.

Рен стояла у поручней, окаймляющих самый край парящей над городом палубы, и наблюдала, как Хорьки после каждого швырка один за другим выходили из пике, на бреющем полете проносились над крышами городских зданий и взмывали вверх, проделывая головокружительные фигуры высшего пилотажа и оставляя позади себя шлейфы зеленого и лилового дыма. Ее всегда восхищало это зрелище, но сегодня подействовало удручающе. Так вдруг захотелось рассказать об удивительных летательных аппаратах папе!

Позади аэродрома возвышался похожий на выгнутую китовую спину медный бугор, прикрытый кронами кипарисов. Он и раньше привлекал внимание Рен, но не настолько, чтобы не полениться подойти поближе и рассмотреть получше. Девочка привыкла думать, что это просто абстрактная скульптура, каких много на лужайках Облака-9. Пеннироял приобретал их, желая угодить своим избирателям из Артистического квартала. Сегодня Рен от нечего делать побрела-таки в сторону бугра. Вблизи стало видно, что это здание с огромными выпуклыми дверями с одного конца, а перед ними была площадка в форме веера из металлических плиток. Медные изгибы стен и крыши украшали декоративные гребни, которые придавали зданию вид гигантской рыбы-

шара, всплывшей посреди травки. С одной стороны наверх вела зигзагообразная пожарная лестница. Рен вскарабкалась по ней и заглянула внутрь через высокое окошко.

В сумрачном помещении стояла необыкновенно изящная небесная яхта с обтекаемыми формами. Даже Рен, которая почти ничего не смыслила в дирижаблях, могла с уверенностью сказать, что яхта стоила немыслимых денег.

– Это «Чибис», – услужливо подсказал кто-то снизу.

Рен оглянулась и увидела, что у основания лестницы стоит Синтия.

– Рен, я тебя уже обыскалась! – сказала она. – Ты должна пойти со мной в храм для прислуги. Мне просто необходимо поднести пожертвование богине красоты! Я обязательно хочу похудеть до начала фестиваля Луны. А ты можешь попросить ее сделать что-нибудь с твоими прыщиками.

В данный момент яхта занимала Рен больше, чем прыщики. Она снова заглянула в окно:

– «Чибис»… Она принадлежит Пеннироялу?

– Конечно. – Синтия поднялась до середины лестницы. – Это очень продвинутая модель – «Серапис Мун-шэдоу-четыре». Только мэр теперь почти не летает на ней. За яхтой ухаживают, вовремя заправляют газом, но используют, только когда Фифи отправляется по магазинам на борт другого города.

– Разве мэр не примет на ней участия в регате, посвященной фестивалю Луны? – поинтересовалась Рен.

– Не-ет, для регаты у него есть особый, старинный корабль. Он пришвартован внизу, в Брайтоне. Мэр полетит на нем вместе с этой Орлой Дубблин в качестве второго пилота и возглавит Парад исторических судов, а потом состоится настоящий воздушный бой с настоящими ракетами, прямо как в книгах профессора Пеннирояла! По его внешности трудно судить, но в прошлом профессору довелось пережить самые невероятные приключения!

Рен снова посмотрела на яхту и вспомнила о корабле, который Пеннироял украл у ее родителей многие годы тому назад. Интересно, сможет ли она прокрасться сюда глубокой ночью, открыть двери ангара и улететь на «Чибисе»? Тогда наступило бы торжество справедливости, разве нет?

Перед ней где-то далеко-далеко забрезжил лучик надежды. В прекрасном настроении она беспрекословно последовала за тянувшей ее за руку Синтией к храму для слуг и рабов, расположенному рядом с кухней.

По дороге почти не слушала беззаботную болтовню подруги о косметике и прическах; мысли ее уже были заняты воображаемыми картинами полета на «Чибисе» курсом на запад. Вот она пролетает над Мертвыми холмами, под ней сияют голубизной озера Винляндии, вот совершает посадку на полях Анкориджа, и родители бегут встречать ее.

Единственная загвоздка заключалась в том, что Рен понятия не имела, как пилотировать небесную яхту модели «Серапис Мун-шэдоу-4». Да и любой другой модели тоже. Но она знала одного человека, который умел это делать!

* * *

Фифи Пеннироял не любила, когда ее рабы и рабыни общались между собой. В обожаемых ею операх молодые пары, встретившись при трагических обстоятельствах, неизменно влюблялись друг в друга, а потом разбивались насмерть, прыгая с разных высоких мест (горных уступов главным образом, но попадались также крепостные стены, крыши домов и жерла вулканов). Фифи по-доброму относилась к своим невольникам, и ей не хотелось, чтобы они по двое мерили собственными телами высоту от края Облака-9 до верхней палубы Брайтона. Поэтому всякая возможность возникновения несчастной любви подавлялась ею в зародыше путем строгого запрета девочкам и мальчикам обмениваться хоть словом. Конечно, молодежь есть молодежь, и девочки иногда влюблялись в девочек, а мальчики в мальчиков, но в операх ничего подобного не случалось никогда, а значит, это оставалось для Фифи незамеченным в жизни. Но остальные то и дело нарушали строгое правило, упорно пытаясь прокрасться туда, где обитали особы противоположного пола, отчего Фифи очень расстраивалась. Но, по крайней мере, Тео Нгони ни разу не давал ей повода для беспокойства. Тео Нгони не разговаривал ни с кем.

Зато Рен задалась целью заговорить с Тео Нгони, и удобный случай представился через несколько дней после того, как она обнаружила ангар с «Чибисом». После полудня Фифи отправилась вниз, в Брайтон, а Пеннироял заставил Рен и Синтию выполнять обязанности держательниц полотенец, пока сам отмокал в бассейне. Так получилось, что Тео в тот день тоже дежурил у бассейна с серебряным подносом в руках, на котором лежали запасные очки для плавания. Воспользовавшись минуткой, когда мэр задремал на своем надувном матрасе, Рен бочком приблизилась к товарищу по несчастью и прошептала:

– Привет!

Мальчик покосился на нее краем глаза, но ничего не сказал. «Что дальше?» – подумала Рен. Ей еще никогда не приходилось быть так близко к Тео. Он показался девочке необычайно красивым, и хотя сама Рен отличалась высоким ростом, она едва доставала ему до плеча и оттого почувствовала себя рядом с ним маленькой и глупенькой.

– Меня зовут Рен, – снова прошептала она.

Тео вообще отвернулся и стал смотреть через сад и через море в направлении далекой дымки на горизонте, где, как сообщили Рен, находилась Африка. Наверное, он очень скучал по дому.

– Ты оттуда родом? – спросила девочка.

Тео Нгони отрицательно покачал головой:

– Нет, мой дом в Загве, оседлом поселении в горах далеко на юге.

– Неужели? – подхватила Рен, стараясь разговорить его. – Там хорошо?

Мальчик молчал. Тогда Рен попыталась зайти с другого конца:

– Я и не знала, что у Зеленой Грозы есть базы в Африке. В книге профессора Пеннирояла, которую он мне дал почитать, говорится, что африканские неподвижные города не поддерживают войну.

– Так и есть. – Тео повернул голову, чтобы посмотреть на нее, и взгляд его не был дружелюбным. – Я убежал из дома, добрался до Шань-Го и вступил в Организацию юных грозовиков. Мне казалось, сражаться против варварских городов, стереть их с лица земли – благородная миссия.

– О да! – согласилась Рен. – Знаешь, я сама противница Движения.

Тео недоуменно посмотрел на нее:

– Ты же вроде та Пропащая Девчонка из затонувшего города!

– Ну да, ну да! – поспешно подтвердила Рен, злясь на себя за забывчивость. – Но Гримсби же не движется, это не движущийся город, а значит, мы с тобой союзники! Ты участвовал во многих сражениях?

– Только в одном, – ответил Тео, снова отводя взгляд.

– Попал в плен в первом же бою? Не повезло!

Рен старалась говорить сочувственным тоном, но этот насупленный, хмурый мальчишка уже выводил ее из терпения. Может быть, правда то, что она слышала о Зеленой Грозе и ее солдатах, – все они оболваненные фанатики. Так или иначе, ему наверняка хочется удрать с Облака-9 не меньше, чем ей, и вряд ли Тео выдаст ее ненавистным движенцам, поэтому Рен решила идти до конца и посвятить его в свой план.

Она бросила взгляд по сторонам – Пеннироял по-прежнему дремал. Остальные невольники либо тоже клевали носом, либо шептались друг с другом на краю бассейна. Ближе всех стояла Синтия и, сосредоточенно

хмурясь, внимательно изучала свежий лак на ногтях.

Рен подвинулась к Тео еще ближе и прошептала:

– Я знаю способ сбежать отсюда!

Тео молчал, только чуть напрягся, и Рен приняла это за хороший знак.

– Я знаю, как захватить дирижабль! – продолжала она. – Синтия Туайт сказала мне, что ты был пилотом!

При этих словах на лице Тео даже появилось какое-то подобие улыбки.

– Синтия Туайт – дура, которая ничего не понимает!

– Точно. Но ты же умеешь управлять воздушным кораблем?

– Я не летал на воздушных кораблях. Я пилотировал стаканы.

– Стаканы? – переспросила Рен. – Что это? То же, что и воздушные корабли? То есть, я хочу сказать, основы пилотирования одни и те же…

Но Тео снова замкнулся в себе, глядя мимо нее за горизонт прищуренными глазами.

– Да проснись ты! – не выдержала Рен. – Может быть, тебе нравится ходить в рабах у Пеннирояла? Разве ты не хочешь сбежать? Я-то думала, тебе просто не терпится вернуться к Зеленой Грозе!

– Я никогда не вернусь к Грозе! – с неожиданной страстью произнес Тео, повернувшись к ней всем туловищем и чуть не уронив с подноса очки. – Все это сплошная ложь – и великая война, и «Мир Снова Стал Зеленым», и вообще мой отец оказался прав – все это вранье!

– Вот как… – растерялась было Рен, но тут же нашлась: – Тогда как насчет твоего дома? Ты можешь вернуться в Загву!

Тео снова уставился куда-то вдаль, но не видел ни океана, ни неба, ни далекого берега Африканского континента. Даже здесь, под дорогостоящим солнышком Облака-9, перед его глазами проносились события той жестокой схватки на Ржавых болотах. Вспышки орудийных выстрелов и горящие хвосты ракет отражались в серпантине ручьев и речушек, стремительно приближающихся к нему с каждым метром падения. Обреченный пригород посылал в эфир отчаянные призывы о помощи, а голоса товарищей Тео, падающих, как и он, в смертельном пике, восторженно выкрикивали в наушниках: «Мир Снова Стал Зеленым!» и «Смерть пангерманскому движущемуся клину!». Тогда ему казалось, что это были последние слова, какие слышал в своей жизни. Однако прошли месяцы, и вот он здесь, на другом конце света, живой и невредимый. Боги войны не дали ему умереть, чтобы он мог стоять на краю бассейна и болтать с этой худосочной белой дурочкой, которая возомнила о себе невесть что.

– Я никогда не смогу вернуться домой, – процедил Тео сквозь зубы. –

Ты что, не поняла? Я ослушался отца, сбежал из дома. Мне нельзя возвращаться.

– Ладно, как хочешь! – Рен пожала плечами, отошла в сторону, пока Пеннироял не проснулся и не застал их за разговором.

Хорошо же, покажет она этому Тео Нгони! Она без его помощи украдет яхту мэра и сама улетит на ней в Винляндию! Неужели ей не справиться с каким-то дурацким воздушным кораблем!

* * *

В Брайтоне наступили сумерки. Вдоль пешеходных дорожек по периметру всех трех ярусов зажглись разноцветные лампочки. Праздничные гирлянды мигали и раскачивались в парках аттракционов и на пирсах для швартовки прогулочных яхт. В носовой части возвели колесо обозрения и над каждой кабинкой установили по мощному прожектору, так что оно служило одновременно для развлечения туристов и в качестве маяка, указывающего подлетающим ночью воздушным кораблям местонахождение Брайтона.

Город на всех парах шел на восток. Скоро он с трудом протиснется через узкий пролив, отделяющий Великие Охотничьи земли от Африки, и примется гордо бороздить воды Срединного моря, а затем бросит стояночные якоря для проведения фестиваля Луны. Брайтонские предприниматели рассчитывали на хороший туристический сезон. Известия о ходе охоты на Пропащих Мальчишек быстро разнеслись по птичьим дорогам, и выставленные напоказ в Аквариуме трофейные пиявки привнесут определенный воспитательный элемент в обычные развлекательные фестивальные мероприятия. Экскурсанты уже начали прибывать с небольших городков, чьи огни виднелись на берегу.

Над приземляющимися и взлетающими аэростатами в кипарисовых рощах Облака-9 начали сгущаться сумерки, а разноцветные фонарики окрасили Шатер золотыми и розовыми бликами. Сверху кружили несколько воздушных кораблей с туристами, поднявшихся с палубы Брайтона на вечернюю обзорную экскурсию. До Облака-9 чуть слышно доносились усиленные громкоговорителями голоса пилотов, рассказывающих пассажирам о достопримечательностях, однако недавно введенные повышенные меры безопасности запрещали им приближаться на короткое расстояние. Поэтому никто из экскурсантов не заметил, как в одном из куполообразных зданий Шатра открылось окошко и оттуда выпорхнула

птица, потом вылетела за паутину тросов и присоединилась к стае чаек, неотступно сопровождающей Брайтон за кормой.

Птица была похожа на чайку, такая же белая, то парящая в воздухе, то проделывающая замысловатые пируэты, и все же не чайка – больше не чайка. Вместо клюва ей установили острое лезвие, а глазные проемы в черепе светились призрачным зеленым сиянием. Она поднялась над шумной стаей своих бывших сородичей и скрылась в сгущающейся ночной мгле.

Чайка летела не останавливаясь, без устали махая крыльями, а навстречу ей день сменял ночь и ночь сменяла день. Вот она оставила позади изрезанный городскими гусеницами Итальянский хребет, обогнула стороной дымы действующих вулканов Малой Азии и приземлилась на авиабазе Зеленой Грозы в горах Зиганастры. Командующая базой взглянула на шифрованное донесение, спрятанное в грудном отсеке чайки, и тихонько выругалась, увидев, кому оно адресовано. Потом вызвала сонного хирурга-механика и приказала зарядить энергетические батареи птицы.

Чайка продолжила полет сквозь завесу дыма над Ржавыми болотами, где, словно осенний гром, звучали раскаты артиллерийской перестрелки. Батальон громадных движущихся городов полз на восток, пытаясь отбить контрнаступление Зеленой Грозы. Целые здания на нижних ярусах были переделаны в тупорылые пушки. К ним по рельсам из городского брюха доставлялись огромные, невероятной взрывной мощности снаряды, и пушки выстреливали ими в простирающуюся впереди болотистую местность, напичканную, по общему мнению, Сталкерами и расчетами переносных ракетных комплексов. Увертываясь от снующих во всех направлениях дирижаблей и пушистых белых разрывов зенитного огня, чайка некоторое время парила в восходящем потоке от передового города, несущем ее на восток, потом взмыла над полем боя и уже безостановочно замахала крыльями до самых снежных горных вершин, опоясывающих границу мира.

Небо становилось холоднее, а поверхность земли – выше. Под чайкой простиралось белое безмолвное высокогорье, перемежающееся районами, где передвижения войск Зеленой Грозы делали горы похожими на беспокойные, суетливые муравейники. Наконец через неделю после отлета из Брайтона в снежную звездную ночь чайка приземлилась на оконном карнизе Нефритовой пагоды и постучала клювом в замерзшее стекло.

Окно раскрылось. Сталкер Фанг осторожно взяла чайку в руки и вынула из грудного отсека сообщение, подписанное Агентом 28. Ее зеленые глаза засияли чуть ярче. Разорвав сообщение на мелкие клочки,

она вызвала к себе генерала Нагу, командира элитного воздушного легиона.

– Штурмовому отряду боевая готовность номер один, – приказала Сталкер Фанг. – И снарядите в поход мой корабль. На рассвете отправляемся на встречу с Брайтоном.

Глава 22
Убийство на Облаке-9

Конец октября. Сейчас в Винляндии, подумала Рен, трава по утрам белая и шуршащая от ночных заморозков, озеро укутывает туман и, наверное, уже выпал первый снег. А здесь, на Срединном море, тепло, как в разгар лета, и облачка на небе маленькие, белые, легкие, будто подвешенные в виде украшений.

Несколько недель Брайтон не спеша крейсировал вдоль южных берегов Охотничьих земель. Затем, с приближением фестиваля Луны, повернул на юг к оговоренному месту встречи с городами-участниками празднеств. Когда на горизонте показалась земля, Фифи вместе с горничными вышла на смотровой балкон на самом краю Облака-9.

– Смотрите, девочки, смотрите! – восторженно восклицала она, указывая на береговую линию широким театральным жестом. – Африка!

Рен стояла рядом с мэршей с огромным зонтом от солнца в руках и пыталась разделить восторг своей госпожи, но у нее плохо получалось. Перед ее взором тянулась полоса низких, обрывистых, красноватых утесов на фоне равнины цвета печенья и пары больших скалистых гор вдали, прячущихся в дымке. По рассказам отца и мисс Фрейи Рен знала, что Африка служила колыбелью человечества и его убежищем в Черновековье, последовавшем за Шестидесятиминутной войной. Но от великих цивилизаций, когда-то процветавших на этих берегах, не сохранилось никаких следов, а если и находились какие-то остатки, их давно присвоили алчные города-стервятники.

Один из таких расхитителей вскоре появился в поле зрения стоящих на смотровой площадке. Небольшая трехъярусная конструкция с громыханием перемещалась на широких бочкообразных колесах для песчаного бездорожья, поднимая за собой тучу красной пыли, похожую на развевающийся на ветру плащ. Рен без интереса взглянула на городок. Даже странно теперь вспоминать, как всего лишь двумя неделями раньше она могла посреди процедуры укладки волос миссис Пеннироял, забыв о своих обязанностях, выскочить наружу и с изумлением рассматривать какой-нибудь маленький городишко, выкативший на берег. За это время Рен повидала такое количество городов и небольших мегаполисов, что теперь они не казались ей чем-то необычным и уж, конечно, не теми великолепными творениями, какими она их воображала дома в Винляндии.

Однако, снова посмотрев на берег, почувствовала такую же растерянность, как в тот памятный день, когда впервые увидела Брайтон в перископ «Автолика» и приняла его за остров. Те две горы вдалеке были вовсе не горами. И не вдалеке. Это были движущиеся мегаполисы – настолько огромные, что мозг отказывался верить тому, что видели глаза. Они медленно приближались к морю, и сквозь пыль и завесу выхлопных газов Рен могла различить на каждом по девять ярусов, ощетинившихся трубами и шпилями на крышах зданий.

– Тот, что слева, – Ком-Омбо, – объясняла мэрша служанкам. – А второй называется Бенгази. Мэр Пеннироял заключил с ними соглашение о встрече в этом месте, чтобы их жители могли насладиться прелестями Брайтона на нынешнем фестивале Луны. До прибытия сюда мегаполисы, бедняжки, охотились далеко в пустыне за городами-песчаниками, так что можно догадаться, как они соскучились по хорошей пище, приятным развлечениям и освежающему купанию в Морском бассейне.

Мегаполисы на берегу сначала показались Рен точно как на картинках в потрепанном «Введении в муниципальный дарвинизм для детей», которые она рассматривала дома в Анкоридже. Однако по мере их приближения стала находить некоторые несоответствия. Эти мегаполисы покрывала броня, внешние здания каждого яруса защищали стальные листы и противоракетные сети. Кроме того, они не предпринимали никакой попытки проглотить многочисленные маленькие городки, пригороды и движущиеся деревни, усеивающие пространство вокруг массивных гусениц.

– Фестиваль Луны – священное время, – пояснила миссис Пеннироял в ответ на вопрос Рен. – Время, когда по традиции города прекращают охотиться и поедать друг друга.

– А-а-а, – слегка разочарованно протянула Рен.

Хорошо бы посмотреть на настоящую, как в книжках, погоню хищника за жертвой!

– Конечно, – продолжала Фифи, – сейчас война, добычи на всех не хватает, и не каждый мэр устоит перед соблазном и не нарушит добрую традицию. Однако, если один из этих городов попытается проглотить другой на нашем фестивале, ему придется иметь дело с мисс Дубблин и ее пилотами. Может, хоть теперь от этой аэробабочки будет какая-то польза.

Легки на помине, Летучие Хорьки молниями пронеслись в направлении городов, на ходу крутясь и кувыркаясь, выписывая фигуры высшего пилотажа и стреляя вокруг цветными ракетами, – давали понять, что ожидает того, кто осмелится нарушить перемирие фестиваля Луны.

Один из аппаратов отвалил в сторону, волоча за собой шлейф лилового дыма, которым вывел в небе: «Добро пожаловать в Брайтон!» Едва рев двигателей затих над пустыней, снизу послышался грохот огромных якорных цепей. Брайтон становился на стоянку.

– У меня предчувствие, что нынешний фестиваль будет чудесным! – радостно провозгласила миссис Пеннироял, а девочки вокруг нее охали, ахали и аплодировали бесстрашию авиаторов. – А сейчас, все вы, пойдемте со мной. Хочу, чтобы вас сфотографировали в костюмах, которые вы наденете на бал мэра!

Она пошла обратно в Шатер, и Рен, бросив последний взгляд на громадины мегаполисов, поспешила за ней. Все остальные девочки только и обсуждали что приготовления к завтрашнему балу и свои очаровательные невольничьи наряды. Слушая их возбужденную болтовню, Рен почти жалела, что не попадет на этот праздник. Но иначе и быть не может. Решено: сегодня, когда вся прислуга уснет, Рен проберется в ангар и угонит «Чибис»! И к восходу священной полной Луны она будет уже далеко-далеко от Брайтона.

* * *

По всему Шатру шумели и стучали, готовясь к проведению бала в честь фестиваля Луны. В бальном зале под центральным куполом срочно заканчивали покраску и драпировку, музыканты неустанно репетировали, электрики подвешивали под потолком сотни крошечных лампочек. Ящики с вином и корзины с едой доставляли из Брайтона на скрипящем от натуги подъемнике. В садах и парках Шатра отрабатывала свои действия городская стража.

Все эти приготовления стоили Пеннироялу целое состояние, что вовсе не доставляло ему никакой радости. Избиратели Брайтона ожидали от мэра роскошного шоу на фестивале Луны, причем не за счет облогоплательщиков, а за свой собственный. Разве это справедливо? Конечно нет! Так что мэр не ощущал ни малейших угрызений совести, пригласив среди других гостей Уолтера Пловери на дружескую вечеринку. Между десертом и кофе, пока остальные делились своими планами на период фестиваля Луны и обсуждали последние скандалы в Артистическом квартале, Пеннироял отвел антиквара в сторону, чтобы показать ему некоторые ценные экспонаты из коллекции Шатра. Оба ценителя старины не спеша переходили из помещения в помещение, изучая витрины с

выставленными в них электронными мозгами Сталкеров и передними решетками от наземных автомобилей, фрагментами электрических плат, похожих на узорную вышивку, и древними стальными доспехами. Брали на заметку те экспонаты, за которые, по мнению Пловери, можно получить приличную сумму от коллекционеров из Бенгази и которых, по расчетам Пеннирояла, никто никогда не хватится.

За кофе мистер Пловери мысленно подсчитал сумму комиссионных, причитающихся ему по сделке с мэром, и остался весьма доволен полученным результатом. Насытившийся кушаньями Пеннирояла, очарованный образованностью и остроумием его гостей, антиквар даже пожалел, что пошел на сговор со Шкином насчет Жестяной Книги. Однако что сделано, то сделано. Опять же мистер Шкин обещал за услугу солидное вознаграждение, а поскольку престарелая мать Пловери жила в очень дорогом санатории на Блэк-Рок, любые деньги для него были не лишними. Когда ужин закончился и все гости с веселым шумом направились к подъемнику, он незаметно повернул обратно и спрятался в одной из галерей Шатра.

* * *

От свежего ночного воздуха Рен пробрала дрожь под ночной рубашкой из тонкой серебристой ткани. Она вышла в сад через дверь для прислуги, прижимая к груди сумку с едой, без спроса взятой на кухне. Далеко внизу слышался шум моря, ветер гудел в натянутых аэростатами тросах Облака-9, а где-то внизу, на одной из улиц Брайтона, невнятно распевал какой-то пьяный. Рен побежала напрямик по влажной траве к аэродрому Летучих Хорьков, светившемуся огоньками, и спрятанному за ним в темноте ангару.

Двери ангара оставались всегда незапертыми и, хотя были огромными, легко покатились на хорошо смазанных роликах, когда Рен по очереди налегала на каждую своим весом. Глянцевая оболочка «Чибиса» поблескивала в темноте. Поднимаясь по трапу к гондоле, Рен поймала себя на том, что старается не дышать, будто кто-то может ее услышать. Вот дурочка, здесь же никого нет! На аэродроме кто-то проигрывал на граммофоне модную пластинку. Дверь гондолы тоже не заперта. Рен забралась внутрь, включила маленький электрический фонарик, позаимствованный у садовника без его ведома, и стала светить им на циферблаты и хромированные инструменты панели управления,

припоминая иллюстрации в учебнике «Практическое пилотирование – приятное и выгодное», который успела пролистать в библиотеке Шатра.

Стрелка индикатора газа в баллоне стояла на отметке «Полный», как и говорила ей Синтия. Зато топливные баки были пусты, но Рен заранее придумала, как поступить в таком случае. Стянула через голову ночную рубашку и запихнула ее под панель управления, оставшись в повседневной одежде, которую не снимала на ночь. Потом наскоро помолилась винляндским богам, вылезла из гондолы, быстро пересекла металлический настил перед ангаром и пошла дальше, через лесок в расположение Летучих Хорьков.

В старом летнем домике, временно оккупированном военно-воздушными наемниками, Орла Дубблин играла в карты со своими подчиненными. На стук в дверь они настороженно подняли головы.

– Кто это?

– Похоже, одна из девчонок Фифи.

Командирша нехотя подошла к двери и открыла ее.

– Чего тебе?

– Меня прислала миссис Пеннироял, – с невинным видом начала Рен.

От волнения у нее слегка перехватило голос, но пилотесса, кажется, не заметила. Зато у Орлы на лице отразилось беспокойство; может, решила, что Фифи прислала Рен с известием о ее увольнении из-за шашней с мэром? Девочка почувствовала себя увереннее.

– Миссис Пеннироял пожелала, чтобы «Чибис» немедленно заправили горючим. Завтра утром она полетит на нем в Бенгази. Она полетит очень рано, чтобы успеть сделать на базаре много выгодных покупок. Она спрашивает, не могли бы ваши наземные техники сделать ей такое одолжение?

– А почему наши? – нахмурилась Орла Дубблин. – У мэра есть свой обслуживающий персонал, пусть они и заправляют этот старый пузырь.

– Да, – согласилась Рен, – его милость должен был отдать соответствующее приказание сегодня днем, но забыл, а сейчас они уже все разошлись по домам. Поэтому, если вас не затруднит, велите вашим людям заправить «Чибис»; миссис Пеннироял будет вам очень благодарна.

Орла Дубблин на минуту задумалась. Ей не хотелось перечить мэрше. Влиятельные родственники Фифи могут заставить Пеннирояла отказаться от услуг Летучих Хорьков и нанять какое-нибудь другое частное военно-воздушное предприятие для охраны Брайтона. Дубблин точно знала, что Ангелы Свалки и Летающий Зоопарк Ришара Д’Астардли уже забрасывают удочку насчет передачи им брайтонского контракта.

Поэтому она без дальнейших возражений кивнула и повернулась к своим подчиненным:

– Элджи! Джинджер! Слышали, что сказала юная леди? Выполняйте!

Оба авиатора недовольно поворчали, но подчинились приказу начальницы. Оставив на столе карты и кружки с какао, они вместе с Рен вышли в ночь, бормоча что-то по поводу бесполезного расходования отличного горючего и зачем нужны эти дирижабли, если будущее все равно за летательными аппаратами тяжелее воздуха. Рен следовала на некотором удалении, потом наблюдала, как те двое размотали шланги от больших цистерн возле рулежки и подсоединили их к воронкам в баках «Чибиса».

– Этой крошке понадобится не меньше десяти минут, – сказал один из мужчин, дружелюбно подмигивая Рен. – Можешь отправляться в теплую постельку, детка, мы сами с ней управимся.

Рен поблагодарила и побежала в сторону Шатра. Десяти минут достаточно, чтобы разбудить и вытащить из постели Синтию.

Она с самого начала решила не посвящать подругу в план побега. Синтия слишком легкомысленна и болтлива, чтобы сохранить его в тайне, и наверняка не удержалась бы и выложила все миссис Пеннироял. Но Рен твердо решила вызволить эту девочку из рабства. Пока баки «Чибиса» наполняются горючим, она проберется в спальню невольниц, потихоньку растолкает Синтию и приведет ее к ангару. К тому времени яхта уже будет готова к полету.

* * *

Чтобы открыть дверь личного офиса мэра, мистер Пловери воспользовался усовершенствованной отмычкой новейшей конструкции, которую люди Шкина отобрали у Пропащих Мальчишек. Офисное помещение располагалось в башне; высокие окна достигали невидимого во тьме куполообразного потолка; в них через открытые шторы заглядывала круглая луна, освещая беспорядок на письменном столе старинной работы и рисунок Уолмарта Стрейнджа, под которым пряталась дверца потайного сейфа.

Когда Пловери шел через офис, ему почудилось какое-то шевеление наверху, под темными сводами, и одновременно возникло удивительно отчетливое чувство, что за ним наблюдают. Антиквар похолодел от ужаса. А вдруг Пеннироял приобрел один из этих паучьих краб-камов и приспособил его для охраны сейфа?

Пловери чуть не поддался панике и не бросился наутек, но вспомнил о матери и остановился. Деньги, обещанные ему Шкином за Жестяную Книгу, позволили бы перевести маму в роскошные апартаменты на верхнем этаже санатория с видом на парки в носовой части города. Усилием воли Пловери заставил себя мыслить хладнокровно. Пеннироял не настолько умен, чтобы додуматься до установки камеры наблюдения. А если бы ему и установили такую камеру, он бы не удержался и обязательно похвастался перед всеми за ужином.

Антиквар снял со стены картину и осторожно поставил на пол, прислонив к спинке стула. Теперь перед ним находилась круглая дверца сейфа. Он взялся за диск набора шифра, повернул его вправо, потом влево, затем снова вправо. Мэр часто приглашал Пловери в свой офис и открывал при нем сейф, и тот постепенно вычислил комбинацию цифр, прислушиваясь к количеству щелчков, производимых диском. Два-два-ноль-девять-девять-пять-семь… Он сосредоточенно и безошибочно повернул диск в нужной последовательности, и массивная дверца бесшумно распахнулась.

Внутри стоял небольшой кожаный чемоданчик, а в нем лежала Жестяная Книга Анкориджа. Пловери взял ее в руки с благоговейным чувством, ведь старинные вещи были для него не только профессиональным увлечением, но любовью и самой жизнью. Он находил нечто возвышенное в том, что изделия рук человеческих способны пережить своих создателей на многие-многие годы.

Готовый закрыть дверцу сейфа, Пловери протянул руку, как вдруг ощутил за спиной какое-то шевеление, резко обернулся и…

* * *

Рен шла по коридору на полпути к спальному помещению, когда раздался ужасный, душераздирающий визг. Она пискнула и застыла на месте, потом инстинктивно нырнула в укрытие за ближайшей статуей. Визг закончился характерным бульканьем, будто кто-то прополаскивает горло. Затем все звуки стихли, и во всем Шатре наступила зловещая тишина, в ту же минуту нарушенная хлопаньем дверей и встревоженными возгласами разбуженных людей. Помещение за помещением озарялись электрическими лампами. Оглянувшись в окно за спиной, Рен увидела, что дорожки парка тоже залиты ярким светом; вспыхнули большие прожектора системы безопасности, забегали охранники, держа перед собой

раскачивающиеся переносные фонари.

«Вот и все, – мелькнуло у нее в мозгу, – теперь мне уже никогда отсюда не вырваться!» Но тут же устыдилась того, что жалеет себя в такой трагический момент, когда настоящего сострадания заслуживает несчастный, издавший этот нечеловеческий вопль.

Она покинула свое убежище и стремглав понеслась в спальню девочек-служанок. Немного не добежав, огибая угол коридора, со всего маху врезалась в Тео Нгони, который как раз появился из бокового прохода, ведущего на кухню.

– Ой! – отпрянула Рен от неожиданности. – А ты что здесь делаешь?

– Я слышал какой-то жуткий крик… – сказал Тео.

– И я тоже…

– Все в доме слышали чей-то жуткий крик, дорогие мои, – раздался голос миссис Пеннироял.

Она плыла по коридору в развевающемся пеньюаре, словно каравелла на всех парусах. Рен как ужаленная отскочила от Тео в страхе, что их теперь накажут за этот разговор, но, к ее вящему удивлению, госпожа лишь одарила их ласковым взглядом и промолвила:

– Кажется, кричали где-то на половине мэра. Пойдемте посмотрим, что случилось!

Рен и Тео послушно последовали за мэршей, которая полным ходом устремилась в крыло Шатра, расположенное по левому борту. Рен пришло в голову, что подобные крики должны, вообще-то, отталкивать, а не привлекать к себе людей, но миссис Пеннироял, очевидно, вознамерилась непременно выяснить, что послужило источником всеобщего беспокойства. Может быть, она лелеяла надежду, что муж ошпарился кипятком из грелки или свалился с балкона, и не хотела упускать возможности позлорадствовать от души?

Все трое поднялись по винтовой лестнице рядом с подготовленным к балу танцевальным залом, потом миновали дверь, от которой узкий трап вел вниз в рулевую рубку Облака-9. Дверь была открыта, и из нее выглядывали озабоченные лица дежурной смены экипажа. В офисе мэра горели все огни, и чем ближе они подходили, тем явственнее слышались слова Пеннирояла, выкрикиваемые высоким, дрожащим от волнения голосом:

– Но ведь злоумышленник еще на свободе!

Толпа слуг и стражников загородила вход, но все почтительно расступились при появлении жены мэра.

Пеннироял стоял возле своего стола вместе с двумя офицерами

стражи. При виде жены и сопровождающих лиц он поспешно воскликнул:

– Фифи, не смотри сюда!..

Фифи посмотрела и охнула. Рен тоже посмотрела и немедленно пожалела об этом. Тео смотрел и внешне оставался совершенно невозмутимым, но он-то воевал и наверняка видывал и не такое.

Уолтер Пловери лежал на полу под открытым сейфом. В руках у него была зажата Жестяная Книга Анкориджа, и по тому, как она частично закрывала лицо, Рен догадалась, что антиквар пытался защититься ею, но безуспешно. На вечерней мантии остался след от острого предмета, пронзившего сердце. Запах крови мгновенно напомнил Рен ее последнюю ночь в Винляндии и смерть Гаргла и Реморы.

– Наверное, ножом, – наугад предположил один стражник. – Или копьем…

– Копьем?! – вскричал Пеннироял. – В моем Шатре?! В ночь перед лунным балом?!

Офицеры сконфуженно переглянулись. Как и большинство брайтонских военнослужащих, они вступили в городскую стражу главным образом из-за красивой формы очаровательного алого цвета с розовыми кантами и множеством золотистых кисточек. Офицеры и подумать не могли, что когда-нибудь им придется иметь дело с мертвецами и загадочными злодеями, а тут столкнулись и с тем и с другим. Обоих начало подташнивать.

– Как он проник внутрь? – спросил один.

– Следов взлома нет! – подхватил второй.

– Ну, предположим, взял запасной ключ из вазы перед входом, – раскрыл тайну Пеннироял. – Я всегда держу запасной ключ в вазе, Пловери знает об этом… Вернее, знал…

Стражники посмотрели на распростертое перед ними тело и судорожно схватились за рукоятки своих мечей в украшенных орнаментом ножнах.

– Мне кажется, он пытался вскрыть сейф вашей милости, – решил один.

– Да! Что это за вещь у него в руках? – прибавил второй.

– Ничто! – Пеннироял вырвал из мертвых пальцев Жестяную Книгу, сунул ее обратно в сейф и запер дверцу. – Ничего ценного и вообще – ни-че-го! Вы ничего не видели!

С лестницы донесся топот летных унтов, подбитых овечьей шерстью, и через несколько секунд в помещение ввалилась Орла Дубблин, а с ней с полдюжины ее Летучих Хорьков. Все держали в руках обнаженные мечи, и

пилотесса воспользовалась своим, чтобы ткнуть им в сторону Рен.

– Вот эта девчонка!

– Что? Что такое? – встрепенулся Пеннироял, поворачиваясь к Рен.

– Это она пришла и попросила моих парней подготовить к полету вашу небесную яхту! – объяснила Орла Дубблин, угрожающе надвигаясь на девочку, словно на всякий случай приготовилась пригвоздить ее мечом к месту. – Придумала сказочку, будто госпожа, жена мэра, велела заправить горючим старую лоханку, чтобы лететь за покупками в Бенгази…

– Чушь и бессмыслица! – воскликнул мэр. – Девчонка собиралась похитить мою яхту! Как волчонка ни корми, он все в лес смотрит, так, значит?

«О боги!» – мелькнуло в голове у Рен. Кто бы мог подумать, что ее великолепный план рухнет самым плачевным образом! Что они с ней теперь сделают? Скорее всего, вернут обратно Шкину и потребуют назад деньги как за негодный товар…

Все взволнованно заговорили, но голос мэра перекрыл общий гвалт:

– Очевидно, Пловери нанял ее в помощницы с целью ограбить меня, да только она его укокошила, чтобы завладеть добычей! А этот дьявол из Зеленой Грозы, несомненно, с ней в сговоре! – добавил Пеннироял, показывая на Тео. – Отличная работа, Орла, мой ангел! Если бы не ваша сообразительность, они бы уже удирали на «Чибисе» вместе с… э-э-э… содержимым моего сейфа!

– Чепуха! – прогремел голос Фифи, отчего все присутствующие затихли и встревоженно посмотрели на нее.

Миссис Пеннироял выпрямилась во весь свой немалый рост, и лицо ее покрылось краской, какой покрываются лица жен мэров, когда мужья прямо у них на глазах обращаются к хорошеньким авиаторшам со словами «мой ангел». Она обняла Рен рукой за плечи, словно не давая в обиду, и заявила:

– То, что слышала мисс Дубблин от этой девочки, – истинная правда! Я действительно велела заправить «Чибис» горючим! Я действительно намеревалась отправиться завтра в Бенгази по магазинам, хотя, думаю, теперь буду не в настроении. Так или иначе, Рен и Тео находились вместе со мной, когда раздался крик несчастного Пловери! Ни тот ни другая не совершали этого злодейского преступления!

Рен и Тео с изумлением взирали на свою госпожу, не в силах поверить, что та солгала, защищая их.

– Но если не они, – в растерянности пробормотал Пеннироял, – то кто?..

– Нечего устраивать мне допрос! – надменно промолвила Фифи. – Я возвращаюсь в свои апартаменты, так что не шумите, пока будете разыскивать вашего убийцу… Пожалуйста! Пойдем, Рен, пойдем, Тео! У нас с вами завтра много дел.

Она повернулась и гордо выплыла из офиса мимо посрамленных авиаторов. Рен присела в реверансе перед мэром и поспешила за Тео и госпожой.

– Миссис Пеннироял, – прошептала она, когда все трое спустились с винтовой лестницы, – спасибо вам!

Фифи будто не слышала.

– Какое ужасное происшествие! – произнесла она. – Ах, этот несчастный! Уверена, во всем виноват муж!

– Вы думаете, мэр убил его? – спросил Тео с сомнением в голосе, но Рен-то знала: если выгодно, профессор Пеннироял пойдет на любое злодеяние, включая убийство.

Вспомнить только, как зверски он обошелся с папой! Теперь ей стало понятно, почему этому проходимцу удавалось так долго дурачить всех на Анкоридже, – ему не откажешь в актерских способностях! Стоял над телом бедного Пловери и ловко притворялся, будто потрясен его смертью!

– Все беды происходят от олд-тека! – вздохнула Фифи. – О нет, я не обвиняю Пеннирояла в том, что именно его рукой нанесен смертельный удар, однако он вполне мог установить какое-то скрытое орудие убийства для защиты своего сейфа. Ни перед чем не остановится, лишь бы не потерять эту нелепую Жестяную Книгу! Да что в ней такого особенного? Ты знаешь, дитя?

Рен отрицательно покачала головой. Она знала только, что Жестяная Книга уже стала причиной других смертей. Лучше бы ей никогда не уносить этой чудовищной книги из библиотеки мисс Фрейи!

У дверей своей спальни Фифи отослала в сторонку часового и повернулась к Рен и Тео. Посмотрела на них с грустной улыбкой, потом взяла Рен за обе руки.

– Дорогие дети мои, – проникновенно заговорила она. – Мне так жаль, что ваш побег не удался. Ведь вы же собирались сделать это, Рен? Горючее для яхты мэра понадобилось, чтобы ты и Тео могли улететь вместе?

– Я… – заикнулся было Тео.

– Тео не имеет к этому никакого отношения! – запротестовала Рен. – Я просто столкнулась с ним в коридоре. Мы оба бежали посмотреть, в чем дело!

Миссис Пеннироял подняла руку в знак того, что ничего не хочет

слышать. Все эти годы она силилась не допустить именно этого, но теперь, когда оно случилось, чувствовала приятное волнение от своей причастности к романтической истории двух влюбленных.

– Можете не скрывать от меня своего чувства, – мягко убеждала она с выступившими на глазах слезами. – Надеюсь быть для вас не только госпожой, но и другом. Едва увидев вас вдвоем, я сразу поняла: предсмертный крик того несчастного помешал вашей встрече, и мне стало ясно все-все! Как хотелось бы мне испытать такое же страстное влечение к возлюбленному! Но моя доля – выйти замуж за Пеннирояла, выполняя волю семьи…

– Но…

– Но ваша любовь – запретный плод! Вы двое напоминаете мне принца Осмироида и прекрасную невольницу Мипси из чудесной оперы «Затоптанные ростки» Лембита Ориола. Однако вам необходимо набраться терпения, дорогие мои! Какую судьбу уготовите себе, если даже вырветесь на волю? Беглые рабы, бездомные и бесправные, без долфина за душой, преследуемые охотниками, жаждущими получить вознаграждение за вашу поимку! Нет, еще некоторое время вам следует оставаться здесь и встречаться только тайно. Теперь, когда я знаю, как вы стремитесь на свободу, сделаю все возможное, чтобы убедить Пеннирояла отпустить вас!

Рен почувствовала, как мучительно краснеет. Ну почему кому-то могло прийти в голову, что из всех людей на свете она решила влюбиться именно в Тео Нгони? Покосилась на него уголком глаза и с разочарованием заметила, что тот выглядит тоже ужасно сконфуженным, будто сама мысль о его предполагаемой любви к Рен кажется совершенно нелепой.

– Терпение, голубки мои, – самозабвенно проворковала мэрша и поцеловала обоих в лоб. Потом улыбнулась и открыла дверь в спальню. – Да, между прочим, – вспомнила она, – никому ни слова о бедном мистере Пловери! Я не позволю, чтобы это ужасное происшествие омрачило празднование нашего фестиваля Луны!

Глава 23
Великолепный Брайтон!

Фестиваль Луны… С восходом солнца предвкушение праздника охватило плавучий город. Актеры и художники, обычно не размыкающие глаз раньше полудня, вскочили с постелей с первыми чайками и принялись накладывать последние мазки на сценические декорации и карнавальные платформы. Сегодня весь город станет одной большой сценой и зрительным залом одновременно! Торговцы и владельцы ресторанов крутили рукоятки подъемных ставней, открывая витрины своих заведений взорам будущих клиентов и наполняя занавески ликующим ветром грядущих небывалых барышей. Брайтонцы не были верующими людьми, большинство из них полагало, что религия в лучшем случае сказка, а в худшем – хитрый обман. Если в других городах первый осенний восход полной луны считался священным, торжественным событием, то для брайтонцев означал одно: время веселиться!

Вообще-то, на борту Брайтона веселье продолжалось практически постоянно. Когда Рен только что попала сюда, то застала остатки Эстиваля-фестиваля – шестинедельного чествования богов лета с бурными вечеринками и костюмированными шествиями под нескончаемые фейерверки. Потом, уже при ней, состоялся Фестиваль больших шляп, Биеннале сырных скульптур, Фестиваль непосещенных спектаклей, Неделя бога Поскитта, а также День травли мимистов (в этот день брайтонцам разрешалось любыми способами вымещать накопившуюся злость на многочисленных надоедливых бродячих артистах). И все же фестиваль Луны занимал особое место в сердцах и статьях доходов жителей Брайтона. Об этом свидетельствовало и все увеличивающееся скопище движущихся городов на берегу, которое сулило грандиозный туристский урожай. Даже редактор местной газеты «Палимпсест», в другое время не упустивший бы случая собрать всевозможные слухи и раструбить на целый свет о загадочном ночном убийстве на Облаке-9, сегодня посвятил ему лишь маленькую колонку на четвертой странице, а всю первую заполнил новостями, связанными с фестивалем Луны.

Ночь затмения Луны красотками Фифи!

По прогнозу госпожи жены мэра Брайтона леди Фифи Пеннироял, нынешнее празднование фестиваля Луны затмит все

предыдущие. Миссис Пеннироял (39) (на фото слева позирует для корреспондента вашей газеты в компании своих прекраснейших невольниц) сегодня вечером откроет серию праздничных мероприятий для богатейших людей городов мира, прибывших отдохнуть на Срединное море. Перед ними распахнутся двери танцевальных площадок Шатра, готовых к проведению бала мэра.

– Все, кто что-то собой представляет, добро пожаловать в Брайтон! – сказала миссис Пеннироял вчера в эксклюзивном интервью «Палимпсесту». – Где же еще предаваться веселью фестиваля Луны, как не в нашем белом городе посреди лазурного моря!

Конечно, на самом деле он не вполне был белым городом посреди лазурного моря – так выглядел Брайтон лишь со смотровых площадок Облака-9. А если спуститься на палубу, то станет видно, что он далеко не белый. Крыши домов обгажены чайками, на улицах ноги скользят на брошенных объедках, а вокруг бортов на поверхности лазурного моря плавает слой городских отбросов и нечистот. Тем не менее погода стояла прекрасная, ласковый морской бриз ускорял прибытие воздушных такси в Бенгази и Ком-Омбо и приятно освежал пассажиров по дороге в Брайтон. В городе на раскаленных от горячего солнца металлических тротуарах подсыхали зловонные лужи из содержимого желудков, оставленные вчерашними любителями покутить. Чем ближе к вечеру, тем глубже в воду оседал город под тяжестью растущих толп туристов, заполняющих улицы и искусственные пляжи, с визгом плещущихся в Морском бассейне. Уже после полудня все мусорные баки оказались переполнены, и чайки с пронзительными криками отнимали друг у друга подобранные ошметки еды, проносясь низко над головами стоящих в длинных очередях, чтобы прокатиться на колесе обозрения или попасть на экскурсию в Аквариум.

Том Нэтсуорти, стоя в одной из таких очередей, инстинктивно пригнулся, когда прямо у него над ухом вскрикнула пролетающая чайка. Он вообще недолюбливал крупных птиц с тех пор, как на Разбойничьем Насесте ему пришлось отбиваться от летучих Сталкеров Зеленой Грозы. Однако сейчас эти ненасытные чайки представляли для него наименьшее беспокойство. Том был почти уверен, что одетые в форму служащие Аквариума по одному только его внешнему виду догадаются, что он лишь час назад пробрался на борт Брайтона через лаз, проделанный в его корпусе буравами «Винтового червя». Ему казалось, в любую минуту его силой

вытащат из очереди и разоблачат как нарушителя и взломщика.

* * *

«Винтовой червь» догнал Брайтон сегодня утром. Том приближался медленно и осторожно, боясь активировать неизвестные олд-тековские устройства, использованные городом для отлова Пропащих Мальчишек. Но, похоже, после завершения похода в северные воды поисковое оборудование полностью отключили. Все равно Том и Эстер затаили дыхание, когда магнитные присоски с клацаньем прилепились к металлической обшивке, а затем в нее стала с шумом вгрызаться сверлильная установка.

Том сначала хотел использовать краб-камы, чтобы найти Рен, но Эстер его отговорила.

– Мы же не Пропащие Мальчишки! У нас нет навыков эффективно управлять даже одной такой штукой, вести ее по всем брайтонским трубам. Можем потерять месяцы, прежде чем разыщем Рен. Мы сами пойдем наверх. Наверняка заметим хоть какие-то следы пиявок, которые они поймали и подняли на борт.

Эстер оказалась права. Едва они выбрались из «Винтового червя» на безлюдную улочку в районе брайтонских машинных отсеков, чуть ли не первое, что попалось им на глаза, – афиша, приклеенная к толстой трубе выхлопного тракта. На ней изображалась пиявка в окружении необузданного вида мальчишек, а текст ниже гласил: «Пираты-паразиты Атлантического океана! Трофеи и пленные из подводного воровского притона Гримсби, захваченные во время недавней экспедиции Брайтона, выставлены на обозрение публики в городском Аквариуме на Берчил-сквер, 11–17».

– Пленные! – воскликнул Том. – Рен может быть среди них. Туда и надо идти.

Эстер читала не так быстро и дошла лишь до половины текста. Наконец она спросила:

– Что такое «аквариум»?

– Где держат рыбок. Ну, вроде как в зоопарке или музее…

Эстер кивнула:

– Музеи – это как раз для тебя. Иди туда и все разведай. А я покручусь возле воздушной гавани – может быть, услышу там что-то о Рен да присмотрю какой-нибудь корабль. Меня вовсе не привлекает перспектива

плыть до самого дома на этой мокрой вонючей пиявке!

– Нам не следует разделяться, – заметил Том.

– Если ненадолго, то не страшно, – успокоила его Эстер. – Так будет быстрее.

Конечно, это была лишь отговорка. Просто за время, проведенное в тесной пиявке вместе с мужем, в ней накопилось раздражение. Эстер хотелось немного побыть одной, вздохнуть свободно, посмотреть на город и не слышать, как Том постоянно переживает из-за дочери. Она чмокнула его в щеку и сказала:

– Встретимся через час!

– Где, в пиявке?

Эстер отрицательно покачала головой. Когда в машинных отсеках заступала на работу очередная смена, здесь становилось многолюдно. Кто-то из прохожих может заметить, как двое один за другим выбираются через непонятный лаз. Она показала на другую рекламу, наполовину закрытую афишей Аквариума: приглашение посетить «Розовое кафе» на площади Олд-Стайн.

– Вот здесь!

* * *

К счастью, служащих Аквариума не интересовало ничего, кроме продажи билетов и разговоров о собственных планах на вечер. В их задачу не входило высматривать лазутчиков, а если бы и входило, то они не смогли бы ничем особенным выделить Тома из общей толпы посетителей: еще нестарый, слегка лысеющий мужчина чуть неопрятной внешности, возможно, ученый со среднего яруса Ком-Омбо. А что одежда помята и старомодна и едва уловимо пахнет плесенью и морем, так это никем не запрещено. Девушка у турникета бросила на него мимолетный взгляд, взяла плату и жестом показала, что можно проходить.

В слабо освещенном помещении Аквариума за толстыми стеклами со скучающим видом плавали рыбы и стоял такой сильный запах ржавчины и морской воды, что Тому почудилось, будто он снова оказался в Гримсби. Но никто из экскурсантов не желал любоваться рыбами, морскими коньками или шелудивыми тюленями. Все прямиком устремлялись в центральный зал, следуя бросающимся в глаза указателям «К экспозиции „Пираты-паразиты“».

Том пошел в общей толпе, стараясь не выказывать слишком явно

своего нетерпения и напоминая себе, что Рен, скорее всего, здесь нет. Он медленно передвигал ногами среди других зрителей, разглядывая выставленную на полках коллекцию краб-камов, потом пиявку с названием «Паучок» на помосте в центре зала. Автор экспозиции придал ей живописную позу: четыре задние ноги согнуты, а передние две задраны в воздух, словно угрожающе замахиваются на посетителей. Возле нее фотографировались семьями, дети принимали испуганный вид либо высовывали языки, дразня зловеще нависшую над ними машину.

Рядом с пиявкой находилось огороженное решеткой место с набросанной на пол соломой, где сидели на корточках плененные Пропащие Мальчишки и сквозь стальные прутья с ненавистью смотрели на проходящую мимо толпу. Иногда кто-то из них не выдерживал, подбегал к загородке и выкрикивал оскорбления в адрес посетителей; те отскакивали прочь в испуге и восторге, а к нарушителю порядка не спеша подходил мрачный охранник и отгонял электрошоковой дубинкой. На Тома это зрелище произвело тяжелое впечатление, и он почти обрадовался, что среди мальчишек не было Рен.

Рядом с ним хорошенькая молодая женщина в яркой форменной одежде объясняла детали экспозиции группе детей. Том подождал, когда она закончит, подошел и спросил:

– Простите, вы не могли бы сказать, сколько всего пиявок поймано?

Молодая женщина была и в самом деле очень красива, а ее улыбка ослепительна.

– Всего девятнадцать, сэр, – ответила она. – Кроме того, три штуки уничтожены в открытом море.

– А была ли среди них пиявка под названием «Автолик»?

Улыбка исчезла с ее лица. В смятении девушка принялась перебирать карточки со своими рабочими пометками. Еще ни один экскурсант не задавал ей вопросов относительно какой-либо определенной пиявки.

– Одну минуту… – бормотала она. – Кажется… О да! «Автолик» – одна из первых пойманных пиявок в водах Западной Атлантики, то есть в стороне от логова паразитов. – Улыбка вновь заиграла на красивом лице. – Очевидно, направлялась на очередное воровское задание, но мы вовремя перехватили ее.

– А где экипаж «Автолика»?

Женщина продолжала улыбаться, но в глазах появилась тревога: кто знает, что у этого незнакомца на уме!

– Этот вопрос адресуйте мистеру Шкину, сэр. Мистеру Набиско Шкину. Все пленные являются собственностью корпорации «Шкин».

* * *

– Что еще за корпорация «Шкин?» – спросила Эстер, которой то же самое и примерно в это же время в воздушной гавани сообщил продавец подержанных аэростатов.

– Работорговля, – ответил он, подмигивая и выплевывая на палубу себе под ноги черную табачную жвачку. – Всех их – мальчиков и девочек, каких отловили, – теперь определили в рабство, и поделом, на мой взгляд.

«Рен в рабстве! – думала Эстер, шагая по улицам, которые становились все многолюднее. Тени воздушных кораблей и такси то и дело проплывали над ней, доставляя в воздушную гавань все новые толпы крикливых туристов. – В рабстве!» Плечом оттеснила с тротуара группу иногородних студентов, говорящих на непонятном языке. Как Том воспримет эту новость? Его обожаемая маленькая девочка заперта сейчас в какой-то грязной невольничьей клетке или в руках безжалостных рабовладельцев подвергается неизвестно каким издевательствам…

Ситуация осложнялась тем, что ее план приобрести воздушный корабль оказался неосуществим. За годы, прошедшие с последнего посещения Эстер движущегося города, цены подскочили неимоверно, и золота, которое она взяла в Гримсби, хватило бы разве на запасную подвеску для двигателя, да и то если поторговаться с продавцом бэушных деталей.

Зато деньги пригодились ей для того, чтобы приобрести в лавке рядом с воздушной гаванью пару непроницаемо-черных очков, скрывающих отсутствие у нее одного глаза, и головной убор, отороченный серебряными монисто, хотя бы частично прячущими шрам на лбу. Купила себе также новую вуаль и длинное, до щиколоток, черное пальто с рядами пуговиц сверху донизу вместо вконец изношенного старого, в котором ходила еще в Анкоридже. После этого настроение у нее значительно улучшилось. Ей нравился этот город. Нравилось солнце, и уличная толпа, и звон игральных автоматов, и привлекательные фасады гостиниц. Ей нравилось шагать среди незнакомых людей, которым неведомо, что скрывает ее вуаль. Нравились красивые молодые пилоты; они улыбались ей, не видя ее лица, провожая взглядами высокую загадочную женщину со стройной фигурой. И – хотя она вряд ли призналась бы в этом даже себе – ей нравилось отсутствие Рен. Эстер почти радовалась тому, что ее дочь похитили.

Она остановилась, чтобы посмотреть на карту города, затем по пешеходному мосту перешла через Морской бассейн и направилась в

сторону кормы, на площадь Олд-Стайн. Ни за одним из столиков, выставленных на улицу перед «Розовым кафе», Тома не было. Эстер подумала, не выпить ли кофе, пока ждет мужа, но решила, что по брайтонским ценам для нее это слишком дорогое удовольствие. Тогда она, убивая время, просто стала обходить Олд-Стайн по окружности, разглядывая витрины магазинов, пока не остановилась как вкопанная перед одной из них.

Когда-то в этом ветхом здании располагался театр. Веселая розовая вывеска над дверью гласила: «Приключения Нимрода Пеннирояла», а на афишах приводились подробности: «Насладитесь вместе с мэром Пеннироялом приключениями в тысяче городов на пяти континентах! Познавательно и развлекательно!» На витрине восковая копия Пеннирояла, прикованная бумажными цепями к полу склеенной из картона темницы, то поднимала, то опускала голову, поглядывая с опаской на раскачивающийся над ней огромный маятник с полукруглым острым лезвием на конце.

Мэр Пеннироял? Эстер не раз задумывалась о том, что сталось с самозваным естествоиспытателем после того, как он ранил Тома и удрал на «Дженни Ганивер». Она полагала, что боги уже наказали его за ложь и предательство; как-никак в их распоряжении было целых шестнадцать лет, чтобы подыскать подходящее возмездие. Но вместо этого они, очевидно, решили его вознаградить…

Итак, Пеннироял жив! И по-прежнему знает о ее давнишнем проступке, о котором она сама рассказала ему на разрушенной кухне Аакиука, когда готовилась покончить с Масгардом и его охотниками.

Эстер протянула бронзовую монетку мужчине в билетной кассе и вошла внутрь.

Похоже, гости Брайтона выбрали другие способы провести время «познавательно и развлекательно», поскольку мало кто интересовался «Приключениями Нимрода Пеннирояла». В воздухе висел пыльный музейный запах, к которому примешивалось еще что-то дразняще-знакомое и не присущее подобному месту. Эстер бродила среди стеклянных шкафов с выставленными в них мало впечатляющими остатками старинных изделий, мимо воссозданной мусорной свалки Древних, обнаруженной лично Пеннироялом во время давних раскопок. На рисунках и восковых диорамах изображалось, как Пеннироял отбивается от громадного медведя, спасается бегством от воздушных пиратов, а племя амазонок, исповедующих культ олд-тека, едва не приносит его в жертву своим богам. Все эти сцены лишь воспроизводили эпизоды из литературных сочинений главного героя и не имели ничего общего с его истинной биографией.

Только один рисунок напомнил Эстер о реальных событиях. На нем Пеннироял с мечом в руке отбивается от свирепого вида бандитов, а у его ног красиво умирает очаровательная молодая женщина. И лишь постояв у картины минуту-другую, Эстер заметила, что один глаз убиенной закрыт черной повязкой, а на щеке присутствует маленький трогательный шрам.

– Боги! – не удержавшись, воскликнула она вслух. – Да ведь эта кукла, должно быть, я!

Ее голос прозвучал очень громко в пустом, гулком помещении. Не успело затихнуть эхо, как раздались шаги, мужчина из билетной кассы выглянул из-за двери и спросил:

– Все в порядке, мэм?

Эстер только кивнула, от злости не в силах вымолвить ни слова.

– Великолепное полотно, не так ли? – продолжал смотритель – мужчина средних лет с дружелюбным лицом и редкими прядями светлых волос, тщательно зачесанных поперек облысевшей головы. Он подошел и остановился рядом с Эстер, с гордостью разглядывая картину. – Художника вдохновили заключительные страницы книги «Золото хищников», повествующие о битве его милости с охотниками Архангельска.

– А кто эта девушка? – спросила Эстер.

– Вы не читали «Золото хищников»? – поразился мужчина. – Это Эстер Шоу, пилотесса, сообщившая за деньги охотникам о местонахождении Анкориджа. Бедняжка искупает свою вину, сражаясь на стороне Пеннирояла и погибая от меча Петра Масгарда.

Не помня себя, Эстер быстро повернулась и стала подниматься по пыльной металлической лестнице на верхний этаж музея, не замечая расположенные по пути витрины. Паника затуманила сознание. Теперь все пропало! Пеннироял не только знает о ее проступке, но успел и книгу об этом написать! Уже и картину нарисовали! Даже если в остальном Пеннироял врет, эта правда навсегда останется правдой, написанная черным по белому на страницах его книги! Эстер Шоу продала Анкоридж охотникам! Том рано или поздно узнает, и тогда…

Будет ли любить ее, зная, какая она на самом деле?

Вот и верхняя площадка лестницы. Знакомый запах здесь чувствовался еще сильнее, и Эстер вдруг вспомнила: так пахли вместе авиационное топливо и подъемный газ для дирижаблей. Она подняла голову и осмотрелась.

Весь верхний этаж представлял собой большой зал с застекленной крышей. В центре его на металлических опорах стоял старый воздушный корабль с надписью на борту: «Арктическая качка». Но Эстер где угодно

узнала бы эту гондолу с наборной обшивкой и эти двигатели Жёне-Каро, которые сама не раз ремонтировала. Два года прожила она в этой тесной каюте и облетела полмира под этим красным баллоном немодной формы. Перед ней была «Дженни Ганивер»!

– Удивляетесь, какое убогое, старое корыто?

Эстер и не заметила, что смотритель поднялся вслед за ней по лестнице и сейчас стоял чуть сзади и дружелюбно улыбался.

– Эстер Шоу с последним вздохом завещала его профессору Пеннирояслу, и тот смог долететь на нем домой, в Брайтон, невзирая на полярные штормы и стаи воздушных пиратов.

Рядом с гондолой был возведен деревянный настил. Эстер забралась на него по ступенькам, вполуха слушая рассказ смотрителя, и заглянула внутрь через запыленные иллюминаторы, вспоминая действительную историю корабля. Вот кормовая каюта с узкой койкой, на которой она спала в обнимку с Томом. Вот сиденье пилота в кабине, где провела столько бессонных вахт. А здесь, на истертых ногами досках кабины экипажа, была зачата Рен…

Эстер еще раз принюхалась.

– По запаху похоже, что к полету готов…

– О да, мадам! А вы, я вижу, сама пилотесса?

Эстер вздрогнула и с тревогой взглянула на смотрителя: не догадался ли, кто она на самом деле? Но его лицо не выражало ничего, кроме дружелюбия.

– Да, – сказала она и добавила в ответ на его выжидающее молчание: – Моя фамилия Валентайн, капитан «Фрейи».

– А-а-а! – удовлетворенно протянул смотритель и кивнул в сторону «Дженни Ганивер». – Завтра этот корабль будет пролетать во главе колонны исторических судов на праздничном параде, мисс Валентайн!

Эстер дотронулась снизу до прохладной поверхности подвески двигателя и представила, как он с ревом оживает. Она начала оправляться от недавнего потрясения. Том слишком хорошо знает, что Пеннирояслу нельзя верить. Как можно ожидать от старого лжеца правды о ней, его злейшем враге? И Эстер улыбнулась под вуалью своей перекошенной улыбкой.

– Парад будет очень красивый, – продолжал смотритель, улыбаясь ей снизу. – Состоится грандиозная инсценировка одного из самых отчаянных приключений профессора Пеннирояла – сражение «Арктической качки» со стаей пиратских кораблей. В их роли выступят старые воздушные буксиры. Предстоит самая настоящая стрельба боевыми ракетами и прочими…

– А как его извлекут отсюда? – Эстер оглядела большое помещение.

– Что? – переспросил смотритель. – А-а-а, крыша раздвигается. Так же как у обычного ангара. Мэру останется просто взлететь, и все дела!

Эстер кивнула и посмотрела на свои карманные часы. Она совсем позабыла о встрече с Томом и опаздывала уже на двадцать минут. Быстро сбежала вниз по лестнице, смотритель едва успевал за ней. Задержавшись у сувенирного прилавка, взяла экземпляр «Золота хищников» и бросила в оплату пару монет.

– Прошу простить меня за дерзость, мисс Валентайн, – обратился к ней смотритель, разыскивая сдачу в коробочке с мелочью, – могу ли я пригласить вас составить мне завтра компанию на параде и, возможно, позже отужинать вместе?

Но когда он поднял голову, загадочной пилотессы уже и след простыл, и только входная дверь медленно затворилась под собственным весом.

Эстер стремительно шагала через площадь Олд-Стайн по направлению к «Розовому кафе», на ходу засовывая в карман книжку Пеннирояла. Глупое, но приятное предложение смотрителя заставило ее чувствовать себя снова привлекательной и желанной, а испытанный ранее страх совершенно прошел. Теперь она твердо знала: все получится. Покажет Тому книжку, они вместе посмеются над россказнями Пеннирояла, потом вызволят Рен из невольничьей клети, завладеют «Дженни Ганивер» и все трое улетят прочь.

Посетители заняли все столики перед кафе, но Тома среди них не было. Эстер огляделась, разыскивая его глазами и начиная беспокоиться. Том не любил опаздывать, а ей не терпелось поделиться с ним своими планами.

– Эстер? – обратилась к ней девочка-невольница, прислуживающая в кафе, с бумажкой в руке. – Вы ведь Эстер? Один джентльмен сказал, что вы подойдете. Он просил передать вам это.

Бумажка оказалась листком с рекламой Аквариума. На оборотной стороне Том карандашом написал своим аккуратным почерком: «Дорогая Эстер, встретимся на „ВЧ“. Рен попала в руки работорговцев. Иду в место, называемое Перечницей, попытаюсь выкупить ее».

Глава 24
«Погребальный гром»

С момента вылета из Шань-Го соединение воздушных кораблей быстро продвигалось к цели. Остались позади сверкающие на солнце бирюзовые воды Персидского залива, и теперь под ними проплывали холмы Джабаль Хаммар. Четыре штурмовика летели в кильватерной колонне, а вокруг них сотрясали воздух моторы истребителей сопровождения – Лисиц-оборотней Мурасаки и Женьшеневых Мотыльков, прочесывающих небо на случай появления городских каперов.

Сквозь амбразуру в бронированной гондоле флагманского корабля Сталкера Фанг «Погребальный гром» Энона Зеро смотрела на далекую землю. Ничто не двигалось на ее поверхности, кроме теней от летящих воздушных судов. И все же куда хватал глаз – всюду виднелись глубокие борозды от гусениц и колес проезжавших здесь городов. Рваные следы укусов испещряли склоны холмов там, где города-горнодобытчики вгрызались в рудосодержащую породу.

Узнав, что ей предстоит отправиться вместе с госпожой в секретную экспедицию, Энона поначалу обрадовалась. Там, в небе, в непосредственной близости от Сталкерши на борту флагманского корабля, наверняка будет легче найти возможность применить свое оружие. Но теперь, глядя на мир, израненный и разрушенный муниципальным дарвинизмом, она снова задумалась, имеет ли право. Энона ненавидела войну, однако не меньше ненавидела движущиеся города. Покончив с Фанг, не обеспечит ли она победу Движению? Если Зеленая Гроза перестанет существовать, то, может статься, скоро вся земля будет выглядеть, как эти безжизненные каменные груды внизу. И ей вовсе не хотелось нести за это ответственность перед собственной совестью.

«По-прежнему ищешь отговорки, чтобы увильнуть от выполнения миссии, ради которой ты прибыла сюда, Энона? – мысленно сказала она себе огорченным тоном, каким, бывало, мать укоряла ее, маленькую, за отказ делать уроки. – Какая же ты трусиха!»

Она всмотрелась вперед, в коричневатую дымку, частично образованную, как известно, городскими выхлопными газами. Где-то за дымкой находилось Срединное море, должно быть уже недалеко. Энона постаралась отогнать сомнения. Приближался бой, а она хорошо знала по собственному опыту: в бою возникают мгновения такой сумятицы и

неразберихи, когда она сможет пустить в ход против Сталкера Фанг свое разрушительное изобретение и никто даже не поймет, что происходит.

Энона отвернулась от амбразуры и по лестнице поднялась в наполненный грохотом коридор внутри сплошной оболочки корабля. Приблизившись к офицерской кают-компании, услышала голоса и, незамеченная, остановилась у открытой двери.

– Она ясно сказала, что атакуем только Брайтон! – Лейтенант Чжао, командир артиллеристов, говорила низким голосом из опасения, что иначе звуковые колебания даже сквозь рев двигателей достигнут слуха Сталкера Фанг. – А почему Брайтон? Я читала разведсводки – Брайтон не имеет никакого оперативного значения, обычный плавучий курорт!

– Она пользуется своими источниками информации, – возразил штурман Чен. Он смотрел в пустую чашку, словно по остаткам чайной заварки мог предсказать планы Сталкера Фанг. – У нее имеются агенты глубокого прикрытия, докладывающие напрямую только ей.

– Да, но с какой стати посылать такого агента на Брайтон?

– Кто знает? Должно быть, есть там что-то важное…

– Что, например? – Чжао с досадой покачала головой. – Прямо под нами, в этих холмах, рыщут жирные и алчные города-хищники. Я могла бы хоть сейчас поотшибать им гусеницы ракетами, но вместо этого должна приберечь боеприпасы для какого-то Брайтона!

– Не нам обсуждать ее приказы, Чжао!

Эти слова произнес второй по старшинству в экспедиции генерал Нага. Энона видела, как при звуках его голоса младшие офицеры застыли в неподвижности, потом опустили головы. Нага служил Зеленой Грозе со времени ее создания. Всем знакома знаменитая фотография, где он, молодой и красивый, держит развевающееся знамя со стреловидной молнией над руинами Движеграда. Этот плакат с детства висел у Эноны в спальне. Но Нага больше ни молод, ни красив; волосы его поседели, длинное желтое лицо покрылось рубцами и шрамами. Ему исполнилось тридцать пять – старческий возраст для военнослужащих Зеленой Грозы. Он потерял руку в бою против Занне-Сандански, у него отнялись ноги из-за ранения во время воздушной осады Омска, и теперь генерал мог передвигаться и воевать только потому, что в корпусе Воскрешенных ему изготовили металлический экзоскелет, снабженный силовым двигателем.

– И мне не нравится нынешнее задание, – признался он, облокачиваясь на стол со скрежетом своих механических доспехов. – Брайтон не представляет для нас угрозы, и я слышал, они все лето шерстили этих морских разбойников-паразитов в Северной Атлантике. Кадетом я служил

на Разбойничьем Насесте, когда пираты атаковали нашу тамошнюю воздушную базу. Много моих хороших товарищей положили эти бандиты, и я рад, что Брайтон разобрался с ними. Но приказ есть приказ, а приказ Цветка Огня… – Он резко прервал речь, ощутив присутствие Эноны в дверях кают-компании. – Хирург-механик! – по-военному громко приветствовал ее генерал, поворачиваясь к ней лицом, ударяя рукой по рукоятке меча и неловко кланяясь; его экзоскелет при этом издавал лязганье и шипение.

Энона увидела страх на лицах младших офицеров у него за спиной, которые тоже узнали ее, и прочитала их мысли: «Сколько времени она там стояла? Как много успела услышать? Донесет Сталкерше?» Даже Нага опасался ее.

– Прошу простить меня! – извинилась Энона, поклонившись сначала генералу, затем офицерам.

Вошла в кают-компанию, налила себе стакан жасминового чая, которого не хотела, и быстро выпила.

Присутствующие все время хранили полное молчание, не сводя с нее глаз. Они боялись ее почти так же, как саму Фанг, и Энона обрадовалась: значит, никто не догадывается о ее истинных намерениях.

И ошиблась. Один из членов команды на борту «Погребального грома» подозревал ее. Затаившись в сумраке тесных помещений, Шрайк наблюдал, как Энона вышла из кают-компании и поднялась по трапу в свою каюту, расположенную высоко под самым газовым баллоном, разделенным на отсеки с усиленными перегородками. Сталкер терпеливо ждал момента, когда доктор Зеро будет готова нанести свой удар.

Глава 25
Перечница

Ближе к вечеру Том пробирался к Перечнице по улицам, запруженным карнавальной толпой. По Океанскому бульвару медленно двигалась процессия платформ на электротяге, на которых прыгали и кувыркались красивые девочки и мальчики, наряженные русалками и водяными; между ними пританцовывали гигантские куклы морских богов; длинные бумажные фонари в форме рыб и змей извивались на высоких шестах; с низко летящих воздушных грузоподъемников красотки-трансвеститы в широкополых шляпах из перьев щедро сыпали конфетти на головы гуляющих. Том все поглядывал на море через просветы между белыми строениями, и вдруг в реве двигателей над самыми верхушками крыш пронеслось патрульное звено неправдоподобных летающих машин. Том зажал руками уши и, поворачиваясь, проводил их взглядом. Будь он помоложе, возликовал бы от восторга, но теперь лишь вспомнил еще раз, каким опасным стал мир и как изменился за годы его отсутствия. Чем больше Том наблюдал за происходящим вокруг, тем сильнее хотелось ему поскорее найти Рен и вернуться в спокойную жизнь Винляндии.

Проталкиваясь через толпу, он шел по адресу, данному ему девушкой в Аквариуме. Том знал, Эстер будет сердиться на него за то, что отправился один, но ему уже было невтерпеж дожидаться ее в «Розовом кафе». Кроме того, из головы у него не выходило то, как Эстер безжалостно расправилась с Гарглом, и еще неизвестно, что бы она натворила, узнав о судьбе Рен. Том решил спокойно поговорить с этим Шкином, как мужчина с мужчиной. Если тот окажется разумным человеком, он просто вернет девочку родителям, узнав всю правду. Если же нет, Том договорится о выкупе. В любом случае прибегать к насилию не понадобится.

Внешний вид Перечницы обнадежил его еще больше. Том знал, что обычно рабов содержат в таких местах, от которых нормального человека с души воротит; в грязных клетках на самых нижних ярусах городов-варваров, для которых работорговля – основной источник дохода. Он же подходил к элегантной белой башне. У стеклянной входной двери охранник в аккуратной форме черного цвета вежливо остановил его, провел вдоль всего тела металлоискателем и пропустил в вестибюль, где было уютно и спокойно, как в хорошей гостинице. Здесь стояли мягкие кресла, зеленые, с металлическим отливом декоративные растения в кадках, а табличка на

стене гласила: «Корпорация „Шкин“» – и ниже: «Инвестиции в человека».

О том, что это за место на самом деле, свидетельствовали только злые возгласы и лязгающие звуки, приглушенно доносящиеся из-под пола, застеленного сплетенным из морской травы ковром.

– Простите за шум, – сказала хорошо одетая женщина за черным столом. – Его производят эти грязные Пропащие Мальчишки. Поначалу они вели себя смирно, но с каждым днем становятся все грубее и агрессивнее. Не обращайте внимания! Завтра начинаются осенние торги, и мы наконец избавимся от них.

– Значит, их еще не продали? – радостно воскликнул Том. – Прекрасно! Я разыскиваю свою дочь, Рен Нэтсуорти. Она находилась среди Пропащих Мальчишек и, возможно, по недоразумению попала к вам…

Тонкие, как ниточки, подведенные брови женщины от удивления разом поползли вверх.

– Одну секунду, пожалуйста, – попросила она и, наклонившись, стала шептать в интерком, отделанный латунью и бакелитом в футуристическом, как решил Том, стиле.

Интерком прошептал что-то в ответ, женщина подняла глаза на Тома, улыбнулась и объявила:

– Мистер Шкин лично примет вас. Можете подниматься.

Том направился было к винтовой лестнице, которая вела через потолок, но женщина нажала кнопку на столе, и в стене отъехала в сторону узкая дверь. Том сообразил, что это лифт, совершенно не похожий на огромные лифты на улицах Лондона, которые он помнил с детства; просто узкая кабинка, роскошно отделанная перламутровыми панелями. Стараясь скрыть свое удивление, он ступил внутрь, дверь закрылась, и его желудок будто куда-то провалился. Дверь снова открылась, и Том очутился в большом, тихом, богато обставленном кабинете. Из-за черного металлического стола поднялся мужчина и вышел к нему навстречу.

– Вы мистер Шкин? – спросил Том.

Дверь за ним закрылась, и лифт с легким гудением умчался вниз.

Набиско Шкин низко поклонился и подал руку в серой перчатке.

– Мой дорогой мистер Нэтсуорти, – мягко проговорил он. – Мисс Уимс сообщила мне, что вас интересует одна из наших невольниц, девушка по имени Рен.

Тома рассердило, что его дочь запросто называют невольницей, но он никак не показал этого и пожал протянутую руку.

– Рен – моя дочь. Ее похитили Пропащие Мальчишки. Я приехал за ней, чтобы отвезти домой.

– Вот как? – произнес Шкин, внимательно глядя на Тома. – Я и понятия не имел об этих подробностях биографии девочки. К сожалению, она уже продана.

– Продана? – вскричал Том. – Кому? Она здесь, в Брайтоне?

– Я должен свериться с записями. В этом месяце у нас невероятно большой оборот!

Дверь лифта снова открылась, и в комнату вошли вооруженные охранники в черной форме. Том от неожиданности растерялся, и один из охранников сбоку беспрепятственно ударил его изо всей силы дубинкой под ребра, а двое других заломили руки, когда он, задыхаясь, согнулся пополам.

Набиско Шкин не спеша обошел комнату, опуская длинные полотняные шторы на окнах.

– Как много сегодня прогулочных кораблей! – словно мимоходом заметил он. – Мы же не хотим, чтобы за нами подглядывали бесцеремонные отпускники?

В комнате стало сумрачно. Шкин вернулся к столу и заговорил в интерком:

– Моника, пришлите сюда мальчика. Проверим, действительно ли этот идиот является тем, за кого себя выдает!

Охранники продолжали больно выкручивать руки Тома, не давая ему пошевелиться, но и без этого он вряд ли смог бы сделать что-либо и тем более совладать с четырьмя крепкими мужчинами. Сердце у него в груди трепетало и останавливалось, бок пронзила острая боль. Шкин подошел, с брезгливым видом приподнял рукав рубашки Тома и снял с запястья обручальный браслет.

– Это моя собственность! – задыхаясь, вымолвил Том. – Верните немедленно!

Шкин подбросил браслет на руке:

– У тебя больше нет собственности. Ты сам собственность! Если, конечно, не найдутся документы, подтверждающие, что ты свободный человек. Но, судя по всему, таких документов у тебя нет и быть не может.

Он поднес браслет к глазам и, щурясь, прочитал: – «ЭШ и ТН». Как трогательно…

Снова прозвенел гонг, извещающий о прибытии лифта, и в кабинет вошел еще один одетый в черное охранник. Он был совсем мальчик, но точно в такой же, как у остальных, черной форме и черной фуражке с серебряными буквами «Шкин» на околыше.

– Итак, Селедка, – обратился к нему Шкин, – ты узнаешь нашего

гостя?

Мальчик посмотрел на Тома:

– Точно, он, мистер Шкин. Видел его на мониторах, когда шмонали Анкоридж. Это папка той девчонки, Рен!

– Да как ты… – начал Том и остановился, осознав, кто этот мальчишка.

Селедка! Малыш, похитивший Рен! О нем накануне говорил Дядюшка. Именно он, казалось бы, виноват во всем, но Том почему-то злился не на него, а на Шкина и осерчал еще больше, заметив клеймо, выжженное на худенькой мальчишеской руке. Каким же мерзавцем должен быть взрослый мужчина, способный проделать подобное с ребенком! И насколько прогнившим должен быть город, где мучители детей богатеют и процветают!

Том обратился к мальчику:

– Селедка, скажи мне, пожалуйста, где Рен? Что с ней? Она здорова? Кто ее купил?

Селедка открыл было рот, чтобы ответить, но Шкин не позволил:

– Молчать!

По его знаку охранник снова ударил Тома, и тот, задохнувшись, громко охнул.

– Селедка научился послушанию, – произнес Шкин. – Он знает: если не подчинится, то вернется к своим друзьям в клетку, а те разорвут его на части за предательство.

Одним рывком он распахнул куртку Тома, потом разорвал рубашку и обтянутым серой перчаткой пальцем провел по зарубцевавшимся швам, оставшимся после непрофессионального хирургического вмешательства Виндолен Пай. На лице у него возникло некое подобие улыбки.

– В этом городе не слишком хороший мэр, мистер Нэтсуорти, – продолжал Шкин. – Мне кажется, вы могли бы способствовать его разоблачению как мошенника и лжеца. Но сначала ваша дочь поможет мне вернуть одну вещь, которую он у меня украл. И как знать, если вы будете неукоснительно выполнять мои указания, то, глядишь, оба окажетесь на свободе.

Возвращаясь к своему столу, он снова подбросил на ладони браслет. Затем, наклонившись к сияющему латунью интеркому, приказал:

– Мисс Уимс, приготовьте для мистера Нэтсуорти камеру на среднем уровне, и пусть подадут к половине восьмого мой электромобиль. Пожалуй, я все же поприсутствую на балу у господина мэра.

* * *

Эстер мимоходом уже заглядывала через стеклянную дверь изящной белой башни, но Тома внутри не увидела. Проверила также, нет ли его в «Винтовом черве» или «Розовом кафе», на случай если он решил отложить свой визит к работорговцам. Теперь Эстер снова вернулась к Перечнице, сердитая и немного встревоженная. У нее больше не осталось сомнений: муж здесь и с ним приключилась беда. В одном из помещений верхнего этажа задернули шторы, а в вестибюле паслось целое стадо затянутых в черное охранников, с которыми чесала язык мерзкого вида бабенка. Эстер хотелось просто войти и напрямую разобраться с ними, но потом она решила не рисковать и не лезть за Томом в ту же самую ловушку.

Стоящий снаружи охранник запомнил ее с первого посещения и внимательно присматривался, когда она с независимым видом быстро прошагала мимо, заглянув-таки внутрь, изображая любопытную туристку. Эстер зашла в кафе на другом конце площади, заказала стакан холодного кофе и стала тянуть его через соломинку, неторопливо размышляя. Похоже, этот Шкин решил для чего-то подержать у себя Тома. Может, подумал, что он связан с Пропащими Мальчишками? Так или иначе, Эстер не видела в этом большой проблемы. Она просто пойдет и вытащит его оттуда, так же как в свое время он пришел вызволять ее из Разбойничьего Насеста.

Вопрос: как войти в башню? Входная дверь исключается: охранник заприметил ее, а убрать его незаметно не получится из-за фестивальной толпы на улице. Ах, Том, Том! Ну почему он не дождался ее? Уж пора бы мужу понять, что не ему тягаться в одиночку с людьми, подобными Набиско Шкину!

Эстер заплатила за кофе и спросила официанта:

– Это и есть та самая корпорация «Шкин»? Эта башенка? Не маловата, чтобы держать в ней столько рабов?

– О-о-о, там подвалов до самого днища города! – с готовностью сообщил официант, не отрывая глаз от щедрых чаевых в руке Эстер. – И рабы тоже там содержатся, в камерах, в клетках… И все эти страшные пираты – слышали, наверное?

Эстер снова вспомнила Разбойничий Насест и как вывела оттуда Тома благодаря заварушке, устроенной Пропащими Мальчишками. Потом вышла из кафе и быстрым шагом направилась через площадь, косясь одним глазом, не портит ли револьвер под новым пальто изящной линии кроя…

Глава 26
В ожидании Луны

По мере того как раскалившееся докрасна солнце опускалось в повисшую над Африкой дымку, морской бриз крепчал. Брайтон начал мерно покачиваться на длинных, с белыми барашками волнах. Не обращая внимания на плавно вздымающиеся тротуары, целые колонны детей шествовали по Океанскому бульвару, размахивая яркими флагами и огромными бумажными фонарями в форме луны, а сотни самозваных живописцев ходили по гостям в дом друг к другу, устраивая закрытые просмотры собраний собственных шедевров.

– Нашли себе занятие! – философски изрек Нимрод Пеннироял, взирая на суету внизу с одной из смотровых площадок Облака-9. – В этом городе слишком много десятисортных художников и театральных исполнителей, и потому приходится проводить хороший фестиваль по меньшей мере раз в одну-две недели. Только тогда у них появляется ощущение, что их никчемные жизни хоть чего-то стоят!

Мимо него в вечернее небо поднимались струи мыльных пузырей, которые выплевывала художественная инсталляция в районе Куинз-Парк. Усилившийся бриз, как костер, раздувал шум карнавала, по улицам исторического пояса Мюсли-Белт неслось бренчание и звон гитар и какофонов, на приморских бульварах с визгом и треском взлетали первые петарды нетерпеливых любителей фейерверков.

На сине-зеленых садовых лужайках Шатра, в сумраке кипарисовых рощ начали собираться гости. На всех мужчинах надеты парадные мантии, женщины выглядят прекрасно в своих серебристо-лунных и полуночно-синих бальных платьях. Над каждой дорожкой подвешены бумажные фонарики, а меж колонн оркестрового помоста музыканты настраивают инструменты. Прибыли Летучие Хорьки, необыкновенно лихие в своих подбитых овечьей шерстью летных комбинезонах и белых шелковых шарфах. Они громко разговаривают и бросаются словечками типа «зенитка», или «пехота», или «фанера», которую «утопили в морском рассоле». Волосы Орлы Дубблин уложены в два откинутых назад крыла, она не отходит от Пеннирояла, повиснув у него на руке.

До начала танцев гостям предложили напитки и закуски, и Рен вместе с другими невольницами обслуживала приглашенных. Она чувствовала себя хорошенькой и привлекательной в праздничном наряде – восточных

шароварах и длинной блузке из незнакомой серебристой воздушной ткани, – но всей этой прелести, казалось, никто не замечал, все смотрели только на поднос у нее в руках. Рен сновала среди прибывающих гостей, а те тянулись за напитками и маленькими бутербродами и даже не говорили ей «спасибо» или «с вашего разрешения».

Но Рен не обижалась. Она по-прежнему ощущала себя усталой и растерянной после событий предыдущей ночи. Целый день в Шатре царила неловкая атмосфера, шныряли стражники, усилили охрану и меры безопасности. Другие невольницы то и дело подходили и спрашивали, правда ли, что она своими глазами видела тело и много ли было крови? Ко всему прочему каждый раз, когда Рен попадалась на глаза миссис Пеннироял, та заговорщически улыбалась и под разными предлогами посылала ее туда, где находился Тео Нгони, или приказывала Тео идти за чем-нибудь в комнаты, где работала Рен, и вообще все делала так, словно когда-нибудь о них напишут оперу, в которой для певицы-сопрано определенного возраста будет роль Фифи, великодушной госпожи, осчастливившей двух влюбленных.

Как ни странно, ее добрые намерения вызывали у Рен неприятное чувство. Плохое дело держать людей в рабстве, но уж совсем никудышное – держать в своих руках их любовные отношения. Получалось, мэрша будто спаривала ее с Тео, как двух породистых пуделей.

Так что даже хорошо, что никто сейчас не обращает на нее внимания, зато сама она может осмотреться и прислушаться. И куда бы Рен ни бросала взгляд, всюду видела лица, знакомые по страницам светской хроники «Палимпсеста». Вот брайтонские ведущие живописцы, Робертсон Глум и Эриана Эрей. А вот великолепная Дэвина Туисти на вершине славы после своего триумфа в премьерном спектакле «Сердца Акимбо» в театре Мальборо. Тот мужчина в шляпе, наверное, скульптор Гормлесс, чьи нелепые творения, похожие на мотки колючей проволоки, перегородили все проходы в городе. И разве же это не великий Пи-Пи Беллман, автор атеистического бестселлера для малышей, которые учатся ходить в ногу со временем? Рен подумала, как бы каждый из них повел себя, если бы узнал, что менее суток тому назад прямо здесь, на Облаке-9, убили человека?

Навстречу шла Синтия, и Рен негромко спросила ее:

– Есть новости?

– Новости? – эхом отозвалась Синтия, сияющая и безмозглая, будто солнышко.

– По поводу несчастного Пловери? Не нашли еще того, кто это сделал?

– А-а-а! – Синтия отрицательно тряхнула золотистыми кудряшками. –

Нет. И миссис Пеннироял запретила нам об этом говорить. Послушай, но что за слухи ходят насчет тебя и Тео?

– Ничего. Это все плод воображения Фифи.

– Рен, ты покраснела! Я знала, он тебе нравится! Видела, как вы шушукались тогда у бассейна, помнишь?

Она захихикала, а Рен молча повернулась и пошла сквозь толпу, приговаривая:

– Не желаете ли закусить, сэр? Бокал вина, мадам? – на ходу подбирая пустые стаканы и обрывки еще более пустых фраз.

– Только посмотрите, какое платье на Туисти, о-ля-ля!

– Вам просто необходимо познакомиться с Глумом, он такой интересный!

– Вы читали последнюю книгу Беллмана? Бесподобно! Прекраснейшие литературные произведения наших лет написаны именно для малюток младше пяти…

Сумерки сгущались. Дэвина Туисти уговаривала кого-то из друзей и поклонников отправиться вместе с ней по умопомрачительно запутанному лабиринту в сплошных зарослях аккуратно подстриженных самшитовых кустов. Оркестр наигрывал «Золотые отголоски» и «Лунные грезы». До восхода полной луны оставалось совсем недолго, потом всем предстояло насладиться зрелищем роскошного салюта, после чего в Шатре их ожидали танцы и угощение. Рен, уже до предела изможденная, остановилась передохнуть в тихом закутке у края Облака-9. Хорошо побыть одной наконец! Через полосу морской воды на сумрачном берегу виднелись очертания упакованных в броню городов, и Рен подумала, какие же они грустные, похожие на вросшие от древности в дюны памятники исчезнувшим цивилизациям…

По ее плечу серым шелковым пауком поползла чья-то рука. Резко обернувшись, она увидела перед собой невозмутимое лицо Набиско Шкина.

– Наслаждаешься видами, милочка? – проговорил он. – Будем надеяться, больше никто из гостей его милости не заметил, как ты слоняешься здесь без дела. Корпорация «Шкин» дорожит своей репутацией поставщика только самых трудолюбивых рабов.

Рен отшатнулась и направилась было к праздничному свету и смеху, но Шкин загородил ей дорогу. Что ему надо от нее? Он явно следил за ней все это время, выжидая момента, когда застанет ее в одиночестве. Ей вдруг стало холодно и страшно, она подняла свой поднос и прикрылась им, как щитом. Шкин только засмеялся. Это был нехороший смех. Лучше бы уж он

злился про себя да помалкивал.

– У меня нет намерений причинять тебе вред, дитя. Я только хочу, чтобы ты сделала кое-что для меня. Ничего сложного или тяжелого. Знаешь, где находится личный сейф твоего господина?

Рен кивнула.

– Очень хорошо! – Шкин извлек аккуратный квадратик бумаги с написанными на нем цифрами. – Вот комбинация, которая откроет сейф. Возьмешь Жестяную Книгу и принесешь мне. Вчера я уже посылал за ней приятеля, но, кажется, его постиг несчастный случай.

Рен опустила голову, вспомнив о бедном мистере Пловери.

– Ну-ну, не надо вешать нос! – подбодрил ее Шкин. – Ты же украла ее однажды. Юный Селедка рассказал мне все!

– Я не сделаю этого! – твердо сказала Рен. – И вы меня не заставите!

– Тем хуже для твоего отца! – Он спрятал квадратик бумаги в складках своей вечерней мантии цвета графита и чуть заметно пожал плечами. – Какая жалость, проделать впустую такой длинный путь в надежде спасти свою дочь!

Рен не могла сообразить, о чем речь, пока тот не полез в другой карман, достал из него браслет и положил перед ней на поднос. При свете фонарей со стоящего поблизости дерева Рен узнала папин свадебный браслет! Она знала его всю свою жизнь; эта круглая полоска чистого золота с переплетенными буквами «ЭШ» и «ТН»! Но откуда он взялся на Облаке-9?

– Так я вам и поверила! Наверняка подделка по описанию Селедки!

– А, так ты считаешь, это более вероятно, чем то, что твой дорогой папочка приехал в Брайтон забрать тебя домой? – съязвил работорговец. – Между тем он сейчас гостит в корпорации «Шкин». И если ты не выполнишь мое задание, твой отец умрет. Медленной смертью. Так что тебе придется поверить. Ну, будь хорошей девочкой и бегом к Пеннироялу в кабинет!

В саду чуть поутихло. Кто-то из гостей собирался отправиться на поиски Дэвины Туисти, потерявшейся в лабиринте, другие их отговаривали. Вот-вот должна взойти полная луна. От мысли, что папа так близко, Рен начала плакать. Как же он добрался сюда? Как его нашел Шкин? И где мама? Она протянула руку к браслету, но змеиные пальцы Шкина успели схватить его с подноса, а на его место положили бумажный квадратик.

– Окажи мне эту маленькую услугу, – засюсюкал тот, – и ты встретишься с отцом. Я отправлю вас обоих в Винляндию на одном из

моих воздушных кораблей.

Этому Рен не поверила, но поверила всему остальному. Папа в плену у Шкина. Если она не сделает, как велит Шкин, его убьют. И хуже всего, по ее вине. Начать с того, что именно Рен взяла эту книгу, иначе отец оставался бы в безопасности на Анкоридже. Значит, если повторная кража книги хоть ненадолго сохранит ему жизнь, так тому и быть!

– Но почему я? – спросила она, чтобы потянуть время. – В вашем распоряжении наверняка есть специалисты по вскрытию сейфов, которые справятся лучше меня…

– Тебе следует смелее опираться на собственный опыт, – поддразнил ее Шкин. – Насколько я знаю, ты законченная воришка. Опять же, если попадешься, я ни при чем. Как все здесь думают, изначально Жестяная Книга принадлежала тебе, и Пеннироял решит, что ты просто попыталась заполучить ее обратно.

Рен взяла с подноса бумажку. Становилось все темнее по мере того, как рабы ходили меж деревьев и задували огонь в фонарях, но белый квадратик, казалось, светился в ее руке сам по себе.

– Хорошо, – произнесла она сдавленным до хрипоты голосом. Потом, положив на землю поднос, добавила: – Что там? Я должна знать. Что написано в этой Жестяной Книге, для чего она всем так необходима?

– Не твое дело! – отрезал Шкин, глядя мимо нее куда-то за горизонт. – Если я могу на ней заработать, то зачем искать другие причины? А теперь иди, хватит попусту тратить мое время!

Рен пошла, потом побежала, огибая деревья, когда из-за горизонта показался краешек лунного диска. На несколько секунд во всем Брайтоне воцарилась полная тишина, ведь, как гласит древняя легенда, сама богиня луны выполняет желания, загаданные в момент восхода священного светила. Высокообразованные гости Пеннирояла, конечно, не верили в эти сказки, но все же склонили головы, иронически пожимая плечами и улыбаясь, но в глубине души искренне взволнованные, вспоминая волшебные праздничные ощущения своего детства. Они пожелали себе любви, и счастья, и еще большего богатства. Внизу, в городе Брайтоне, художники пожелали себе славы, актеры – успешных выступлений в хороших спектаклях. А на нижних палубах рабы и наемные труженики пожелали себе свободы. И тогда тишину нарушил первый хлопок фейерверка, потом второй, а затем взорвался целый шквал ракет и петард и зазвенели гонги, колокола и кухонные кастрюли так громко, что, наверное, услышала сама богиня луны, прогуливаясь по своим фарфоровым садам.

* * *

Даже если бы корабли воздушного соединения Зеленой Грозы еще не запеленговали сигнал брайтонского радиомаяка, то смогли бы скорректировать свой курс по вспыхивающим в небе над городом-курортом разноцветным огням. Придав нужный угол рулевым плоскостям, штурмовики развернулись в направлении цели и рассредоточились в боевой порядок. Экипажи готовили к бою пусковые ракетные установки, автоматические пушки, бомбы-стаканы и стаи рапторов. Истребители сопровождения обогнали штурмовиков и контролировали оставшееся до цели воздушное пространство, готовые отбить возможную атаку кораблей противника.

Неслышно ступая по коридору в брюхе флагманского корабля «Погребальный гром», Шрайк заглянул в каюту Эноны Зеро и застал ее за примеркой стального шлема, который придавал девушке еще более юный и невоенный вид. Ее нерешительность осложняла Сталкеру выполнение задачи. До сих пор он не сомневался, что покушение на вождя Фанг произойдет до подхода соединения к цели. Неужели доктор Зеро отказалась от своего замысла? Вероятно. Он несколько раз обыскал ее каюту и не нашел никаких признаков оружия.

Завыла сирена. Корабельные трапы и переходы заполнили перепуганные однаждырожденные и бесстрастные боевые Сталкеры, все спешили занять свои места по боевой тревоге. Шрайк направился в носовую гондолу и нашел госпожу там. Словно забыв об ожидающем приказаний экипаже, она молча смотрела на огромную луну.

– ЗАЧЕМ МЫ ЗДЕСЬ? – задал вопрос Шрайк.

Бронзовая посмертная маска Сталкера Фанг повернулась, чтобы посмотреть на него. Она все еще никому не сообщила о цели экспедиции и, как догадывался Шрайк, если бы кто-то из однаждырожденных, включая Нагу, спросил ее об этом так же бесцеремонно, Фанг своими когтями разорвала бы ему горло за подобную дерзость. На Шрайка же только посмотрела и, помолчав, прошептала:

– Скажите, мистер Шрайк, вы когда-нибудь вспоминаете вашу прошлую жизнь? Жизнь однаждырожденного?

– Я ДАЖЕ НЕ ПОМНЮ СВОЮ ПРОШЛУЮ ЖИЗНЬ СТАЛКЕРА, – ответил Шрайк. Но когда он произносил эти слова, в его памяти возник смутный образ девочки с окровавленным лицом, лежащей на куче водорослей и старых пробковых поплавков от рыболовных сетей. Шрайк

тут же подавил этот проблеск в сознании, как топчут вспыхнувший под ногами огонь. – Я НЕ ПОМНЮ НИЧЕГО ДО ТОГО МОМЕНТА, КАК ДОКТОР ЗЕРО РАЗБУДИЛА МЕНЯ НА ЧЕРНОМ ОСТРОВЕ.

Фанг отвернулась и снова стала смотреть в иллюминатор, но он видел ее отражение на стекле; зеленые глаза горели, словно болотные огни.

– А я однажды вспомнила кое-что, – как бы в раздумье, произнесла она. – Или почти вспомнила. На Разбойничьем Насесте я встретила одного молодого мужчину. Том его имя. Я почувствовала, что знаю его. Красивый. Очень добрый. Наверное, Анна Фанг любила его. Я не Анна Фанг, но, увидев его… Столько разных чувств нахлынуло!

– МЫ МЕРТВЫЕ, – возразил Шрайк, которому стало немного не по себе. – МЫ НЕ ЧУВСТВУЕМ. МЫ НЕ ПОМНИМ. МЫ СОЗДАНЫ УБИВАТЬ. ВОСПОМИНАНИЯ НЕ ИМЕЮТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ.

– Кто знает, для чего первоначально создавали нам подобных в годы Черновековья? – промолвила Фанг. – Именно мои воспоминания привели нас сюда, мистер Шрайк. Я наводила справки об этом Томе. Мне хотелось больше знать о нем и, если возможно, вновь испытать те необыкновенные ощущения. Как удалось выяснить, он и его товарищи имеют отношение к городу-ледоходу Анкориджу. Я поручила подобрать для себя всю имеющуюся в большой библиотеке Тяньцзина литературу об Анкоридже. Единственное, что мне принесли, – *Historia Anchoragia* Уормволда. В ней не нашлось ничего о Томе, но именно тогда я впервые встретила упоминание о Жестяной Книге и догадалась о ее содержании.

– ЧТО ЕСТЬ ЖЕСТЯНАЯ КНИГА? – спросил Шрайк.

– Жестяная Книга? – игривым тоном переспросила Сталкер Фанг, склонив голову набок и поднося палец ко рту, словно собираясь сообщить ему что-то под большим секретом. – Жестяная Книга – это именно то, ради чего мы здесь, мистер Шрайк.

*** * ***

Эстер тоже ждала, когда взойдет луна. Примостившись на скамейке бульвара ярусом ниже, она коротала время, перелистывая купленный ею экземпляр «Золота хищников», и настроение у нее все улучшалось. Похоже, Пеннироял нагородил такие кучи лжи, что зарытую под ними правду никогда никому не откопать.

С восходом луны тысячи простолюдинов небезопасного вида

высыпали из брайтонских трюмов, чтобы полюбоваться салютом. Смешавшись с толпой, Эстер против общего направления движения протиснулась в район, называемый Моулз-Кум, застроенный сырыми невольничьими бараками и домами с меблированными комнатами. К тому времени, как она достигла основания башни корпорации «Шкин», улицы вокруг нее опустели, если не считать чаек, потревоженных суматохой и согнанных с насиженных мест и теперь парящих, словно белые привидения, под решетом облупившихся балок над головой.

Изучив накануне конструкцию Перечницы, Эстер выбрала способ попасть внутрь здания. Главный вход слишком хорошо освещался и охранялся, но позади в стене, со стороны городской кормы, в окружении мусорных баков и змеиного переплетения толстых труб, находилась маленькая ржавая металлическая дверь, вся утыканная заклепками, будто люк подводной лодки. Над ней несла свою службу нарядная, сияющая латунью камера наблюдения, но никакой другой охраны не имелось; главным предназначением Перечницы считалось удерживать людей внутри, а не снаружи.

Стараясь оставаться в тени, Эстер, насколько возможно, приблизилась к двери. Сердце билось быстро и ровно. Она ощущала, как кровь бежит по артериям и венам, наполняя тело холодной, уверенной силой, унаследованной от родителя. Какое-то звериное чутье подсказывало ей, что Рен и Том очень близко и скоро они будут снова счастливы вместе. Улыбаясь под вуалью, Эстер вытащила из-под пальто свой «шаденфройде», дождалась, когда загремел очередной залп салюта, и одной пулей отстрелила с кронштейна камеру наблюдения.

Ей как раз хватило времени спрятать револьвер, прежде чем дверь открылась, из нее вышел охранник и, уперев руки в бока, сердито уставился вверх на искрящиеся обломки камеры.

– Счастливого праздника Луны! – окликнула Эстер.

Мужчина обернулся. На лице у него отразилось удивление при виде быстро шагающей к нему женщины под вуалью, и еще большее удивление, когда она вонзила ему нож между ребер. Он умер почти мгновенно. Эстер оттащила труп за мусорные баки, вошла в здание и мягко закрыла за собой дверь. Перед ней тянулся коридор. Из маленькой дежурной комнаты выбивалась полоска света и слышались голоса. Она заглянула внутрь. Там сидели еще три охранника. Один раздраженно тыкал пальцем в кнопки под круглым экраном монитора, на котором вместо изображения бегали какие-то помехи, два других со скучающим видом развалились на неудобных стульях, с выпивкой в руках и явно предпочли бы сейчас праздновать

вместе с женами и детьми.

Эстер застрелила сначала того, что у монитора, а потом остальных, когда они вскочили на ноги, судорожно нащупывая пистолеты на поясе. Постояла некоторое время неподвижно в тени, выжидая, не появится ли кто-нибудь еще. Никого. На улицах за стенами Перечницы сегодня гремела такая канонада, что несколько пистолетных выстрелов остались просто незамеченными. Эстер дозарядила «шаденфройде», гордо отметив про себя, что руки практически не дрожат.

Как она с удовлетворением убедилась, корпорация «Шкин» была хорошо организована. На стене в дежурке висел в рамочке план всего здания. Эстер на мгновение остановилась перед ним, запоминая наизусть, а затем бесшумно и уверенно направилась к зоне содержания невольников. Два охранника стояли на посту у массивных двустворчатых дверей. Один бросился на Эстер, держа перед собой что-то вроде электрошоковой дубинки. Она сделала шаг в сторону и ударила его ножом в спину. Затем перерезала горло второму, когда тот потянулся к кнопке сигнала тревоги, сняла с его брючного ремня связку ключей и быстро нашла нужный.

В безмолвии загона для рабов, погруженного в непроглядную мглу, слышалось только мерное сонное посапывание да какое-то шевеление. По мере того как глаза стали привыкать к темноте, Эстер различила стоящие вдоль стен ряды клеток и лица, глядящие на нее сквозь прутья решеток.

– Том! – позвала она.

Вокруг нее разом зашевелились и зашептались. Те, что сидели в ближайших к выходу клетках, заметили распростертых снаружи убитых охранников и сообщили об этом соседям, которые передавали новость дальше по цепочке.

– Ты кто? – спросил ее голос из клетки.

– А ты кто? – в свою очередь спросила Эстер.

– Мое имя Криль.

– Пропащий Мальчишка? – Эстер пошла туда, откуда слышался голос, пока не разглядела глаза мальчика, блестевшие в слабом свете из приоткрытой двери.

Он неотрывно смотрел на связку ключей у нее в руке, как голодный пес не спускает взгляда с миски с едой в руках хозяина. Эстер чуть потрясла ключами, подзадоривая его, и спросила:

– Рен здесь? Рен Нэтсуорти?

– Та сухопутная девчонка с «Автолика»? – уточнил Криль. – А кому до этого есть дело?

– Даме с ключами, – ответила Эстер.

Криль понимающе кивнул в темноте белокурой шевелюрой:

– Ее держали здесь вот, в соседней клетке, но потом увели.

– Зачем?

– Не знаю. Чуть позже увели Селедку. – Он сплюнул, будто очищая рот, произнесший это имя.

В других клетках раздался сердитый, угрожающий гул. Присутствующие явно не питали добрых чувств по отношению к Селедке.

– Люди Шкина сказали, что он подался в стукачи, сдал Гримсби, – продолжал Криль. – Теперь играет в солдатика, носит военную форму. Что сделали с девчонкой, не знаю. Продали, поди.

– А ее отец, Том? Его взяли сегодня.

– О нем пока ничего не слыхать. Здесь сейчас нет ни одного сухопутника, дамочка. Только мы, Пропащие Мальчишки.

– Могли его посадить в камеру на среднем ярусе?

– Запросто.

Криль замолчал и выжидающе переменил позу. Вокруг, в соседних клетках, тоже зашевелились, слушая с настороженностью диких зверьков. Те, кто поближе к Эстер, не сводили глаз со связки ключей.

– Там, чай, еще охранники есть, – многозначительно добавил Криль. – Вам одной не справиться…

– А ты можешь что-то предложить? – спросила Эстер.

Криль ухмыльнулся во весь рот, и Эстер ухмыльнулась под своей вуалью, потому что они отлично поняли друг друга. Ключи полетели в клетку Криля.

– Желаю хорошо порезвиться, – бросила она уже на бегу, слыша за спиной скрежет подбираемых к замку ключей и нарастающий гул нетерпеливых голосов Пропащих Мальчишек.

Глава 27
Небезопасный сейф

Накануне фестиваля Луны мэр Пеннирояла внес особые изменения во внутреннее убранство Шатра. Переднюю стенку заменили длинным рядом высоких, до потолка, застекленных дверей, ведущих на открытую веранду и пропускающих в бальный зал сияние священной луны. С каждой колонны и карниза свисали фестоны и каскады серебристой ткани, на которых отражался Млечный Путь, извивающийся по чернильно-синему потолку и сделанный из множества крошечных лампочек. Юпитеры освещали небольшую сцену, на которой играл маленький оркестр. Стены украшали бесценные произведения искусства; шедевры Стрейнджа и Найэса в античном стиле висели рядом с последними сопливыми полотнами Гувера Дейли, мастера направления экспрессивного сморкания.

В расположенных сотами шестистенных помещениях позади центрального зала разместили всевозможные аттракционы для забавы гостей. В одном стоял «воздушный замок» – причудливое надувное сооружение в виде крепости, копии тех, что, по утверждению Пеннирояла, являлись ключевым элементом военной стратегии Древних, но в данном случае на ней еще можно попрыгать, как на батуте. В другом помещении трещал кинопроектор, показывая зрителям кадры отдельных кусочков пленок, сохранившихся со времен до начала Шестидесятиминутной войны. Рыцари в доспехах скакали через горящий лес, отбрасывая тени на клубы дыма; летательные машины устремлялись ввысь, в тропический рассвет; мальчишка-беспризорник брел по пыльной дороге; наземные автомобили гонялись друг за другом, прямо как маленькие города; мужчина вцепился в погнувшуюся стрелку башенных часов и болтался высоко над каким-то огромным оседлым поселением; мечтательные лица кинобогинь одно за другим медленно и красиво вырастали во весь экран.

Рен, выполняя данное ей Шкином поручение, едва замечала на бегу, что там происходило. Миновав комнату с кинопросмотром, направилась к винтовой лестнице, ведущей в кабинет Пеннирояла, и тут почти столкнулась с Тео, который шел в другую сторону со своим опахалом. На нем были надеты просторные серебристые шаровары, за спиной пара серебристых крыльев.

– Привет! – остановилась Рен. – А крылья зачем?

Тео пожал плечами, хлопнув крыльями:

– Все ребята в такие костюмы одеты, Фифи придумала. Ужас, да?

– Тоска, – согласилась Рен, думая про себя, что он выглядит душкой.

– Послушай, – начал Тео, – то, что взбрело Фифи в голову по поводу нас с тобой…

– Забудь, – поспешно вставила Рен. – Я тоже к тебе равнодушна.

– Отлично!

– Отлично. – Рен нравилось стоять рядом с Тео и уходить не хотелось.

Насколько проще было бы ограбить сейф Пеннирояла в паре с сообщником. Особенно с таким сообщником, как Тео, который ходил в бой и вообще раз в десять храбрее.

– Послушай, – сказала Рен, – мне надо сделать кое-что…

– Опять хочешь сбежать?

– Нет. Мне надо взять кое-что из сейфа Пеннирояла!

– Ты что! После случая с антикваром? – Тео посмотрел на нее в надежде, что это была шутка. Не дождавшись подтверждения своей догадки, спросил: – Это все та же книга, да? Которая металлическая?

– Жестяная Книга Анкориджа, – уточнила Рен. – Шкин послал за ней Пловери, но Пловери погиб, и теперь Шкин послал меня!

– Но зачем? – недоумевал Тео. – Что в ней такого важного, в этой книге?

Рен пожала плечами:

– Я только знаю, что все за ней охотятся. Мне кажется, в ней есть что-то насчет подводных лодок, но…

Она осеклась. Может быть, не следует говорить об этом Тео, он все-таки из Зеленой Грозы… По крайней мере, был… Впрочем, она уже сказала и не жалела. Рен дотронулась до руки мальчика:

– Моего папу держат в заложниках в Перечнице, и если я не выполню, что велено… Я не знаю, что с ним сделают. Ты поможешь мне?

Конечно, она знала, что эти звери сделают с отцом, просто не хотела говорить вслух. Ей было приятно, что у нее есть Тео, которому можно смело доверить тайну.

– Твоего папу? – переспросил тот. – Я не знал, что у Пропащих Девчонок есть родители.

– Вообще-то, я не Пропащая Девчонка, – призналась Рен. – Я… заблудилась. Мне пришлось сказать Пеннирояллу, что я из Гримсби, так как… В общем, Тео, все слишком запутано, чтобы объяснить в двух словах! Я просто должна спасти папу!

Кажется, он понял. Во всяком случае, лицо у него стало серьезным и немного испуганным.

– Но ведь возле сейфа ловушка! – напомнил Тео.

– Вот ты меня и подстрахуешь! Пожалуйста, Тео. Так не хочется идти туда одной!

– По приказанию Фифи я должен находиться в бальном зале…

– Фифи веселится и развлекается, она даже не заметит, если мы исчезнем на пять минут!

Тео задумался, потом кивнул:

– Ладно… Ладно!

Неся перед собой опахало, как боевой топор, он последовал за Рен вверх по лестнице, затем через дверь на верхней площадке и вдоль по коридору, уставленному предметами старины. Шум вечеринки чуть стих после того, как дверь мягко закрылась за ними, затем стал еще тише, когда коридор под острым углом повернул влево. Крадучись пробираясь мимо лестницы, ведущей вниз в рулевую рубку, они услышали голоса дежурной смены экипажа, которые громко переговаривались друг с другом, не покидая рабочих мест. Больше никаких звуков. Все население Шатра находилось либо в бальном зале, либо на кухне, а здесь было совершенно безлюдно.

Они дошли до конца коридора и остановились, глядя на дверь кабинета мэра.

– А вдруг Пеннироял изменил комбинацию замка после вчерашней ночи? – предположил Тео. – Или поменял сам замок на сейфе?

Об этом Рен не подумала. Она стала мысленно просить богов, чтобы не случилось ни того ни другого. Опустила руку в вазу и быстро нащупала запасной ключ (хороший признак, – следовательно, ничего не изменилось!). Сначала подумала, ключ не от этого замка, так долго не влезал он в замочную скважину, но, как оказалось, только потому, что у нее неудержимо дрожали руки. Рен успела вспотеть от волнения за те несколько мгновений, пока ковыряла ключом в замке; наконец тот поддался, она нажала на ручку, и дверь распахнулась.

В кабинете было тихо и спокойно. Рисунок Уолмарта Стрейнджа висел на стене на своем месте. Рен подошла, осторожно сняла картину и положила на письменный стол мэра. Тео тоже зашел в кабинет, аккуратно прикрыл за собой дверь и тут же чуть не уронил какую-то статую, задев своим опахалом.

– Ты что, не мог оставить эту дурацкую штуку за дверью? – зашипела на него Рен.

– А если его кто-нибудь там заметит?

Рен повернулась к сейфу.

– Ты готов? – замирающим голосом спросила она.

Подтверждения не последовало.

– Думаешь, там внутри спрятано какое-то механическое оружие? – ответил Тео вопросом на вопрос.

Рен отрицательно покачала головой:

– Помнишь, вчера ночью сейф был открыт, и я не заметила в нем ничего механического или похожего на оружие. – Тем не менее она встала подальше от двери и протянула руку к наборному диску. – Мистер Пловери открыл сейф и достал книгу. И только тогда был убит. А теперь внимание! – Рен сосредоточенно нахмурила брови, вспоминая последовательность цифр. – Два-два-ноль-девять-девять-пять-семь…

Пока щелкал диск и собачки внутри замка, шурша и постукивая, вставали на место, Тео непрерывно оглядывался вокруг, высматривая скрытую угрозу. В этом сравнительно небольшом помещении не так уж много мест, где можно спрятать охранное устройство. Предметы на поверхности стола не внушали особых опасений: пресс-папье, несколько ручек, фотография Фифи в тяжелой черной раме. У дальней стены стоял книжный шкаф из тикового дерева, над ним висела картина, еще выше начинались причудливые завитушки архитектурной лепки под высокими сумрачными сводами купола потолка, и…

То ли зарябило у него в глазах, то ли там, вверху, шевельнулось что-то…

– Рен! – окликнул Тео.

Она как раз открыла сейф, сунула руку и вытащила видавший виды черный чемоданчик.

– Есть!

– Берегись! – Тео изо всей силы толкнул ее, отбросив в сторону.

Чемоданчик выпал из ее рук, и в падении Рен померещилось, как что-то белое стремительно прошелестело над головой. В открытую железную дверцу сейфа ударил клинок с такой силой, что полетели искры. Непонятное существо, хлопая крыльями в воздухе, заскрежетало о металл и приготовилось снова наброситься на распростертую на полу девочку. Рен успела разглядеть потрепанные перья, изогнутый стальной клюв, горящие зеленые глаза. Затем откуда-то сбоку опахало Тео со всего размаху шмякнуло существо о стену. Что-то с хрустом сломалось. Существо упало на пол и там продолжало хлопать крыльями и дергать лапками, разрезая воздух целой пригоршней маленьких когтей-лезвий. Тео еще раз с размаху опустил на него свое опахало. Скуля от ужаса, Рен потянулась рукой через стол, нащупала железную рамку с фотографией Фифи и что есть мочи

грохнула ею по зеленым глазам…

Тео помог ей подняться на ноги.

– Ты не ранена? – спросил он нетвердым голосом.

– Нет, кажется. А ты?

– Тоже нет.

Какое-то время оба молчали. Руки Тео по-прежнему обнимали Рен, а ее лицо прижималось к его плечу. Это было очень хорошее плечо, теплое, с приятным запахом, и Рен хотелось бы оставаться так подольше, но она заставила себя отстраниться и как следует встряхнула головой, чтобы разогнать готовые поселиться в ней ненужные мысли. Освещенные лунным светом, в воздухе плавали перья.

– Что это? – спросила Рен, с опаской тыкая носком туфли мертвое существо, похожее на птицу.

– Раптор, – ответил Тео. – Воскрешенная птица. Я думал, только Гроза использует их. Наверное, он был запрограммирован охранять сейф.

– Откуда у Пеннирояла такая штука, интересно знать? – недоумевала Рен.

Тео задумчиво покачал головой в знак того, что для него это тоже загадка.

– Может, он и не Пеннирояла вовсе…

– Глупости! – сказала Рен. – Кому еще понадобится охранять его сейф?

Она подняла с пола черный чемоданчик и открыла. Жестяная Книга тускло блестела в свете салюта за окном. Ничего примечательного в ней, как и раньше, не было. Просто невероятно, что из-за нескольких металлических пластин произошло столько бед! Рен посмотрела на юношу:

– Иди, Тео! Я здесь приберусь и побегу к Шкину.

Тео не отрывал глаз от Жестяной Книги.

– Я помогу, – предложил он.

– Не надо. – Рен испытывала огромную благодарность по отношению к Тео и не хотела задерживать его здесь дольше, чем необходимо; если их обнаружат и Тео будет наказан за пособничество Рен, она себе этого никогда не простит. – Возвращайся вниз. Я за тобой, через пару минут. Встретимся позже.

Тео хотел было настоять на своем, но передумал, видимо поняв, что она права. Постоял молча, посмотрел на нее задумчиво, потом взял свое пострадавшее в бою опахало и вышел. А Рен принялась за работу. Все еще с опаской подняла с пола дохлую птицу и запихнула в один из ящиков письменного стола, а заодно и все перья, какие смогла собрать. На пол из раптора вылилась лужа то ли крови, то ли масла, но Рен решила не пачкать

руки и оставить так, как есть. Вынула Жестяную Книгу из чемоданчика, а на ее место положила разбитую фотографию Фифи, которая примерно соответствовала и по размеру, и по весу.

Из коридора донесся шум, кто-то выкрикивал что-то непонятное. Рен замерла, прислушиваясь. Крик сердитый и испуганный, но слов не разобрать. Через мгновение все стихло.

– Тео! – громко позвала Рен.

Вдруг пол под ее ногами зашатался, будто чьи-то гигантские руки встряхнули Шатер. Не стало слышно шума из бального зала, где разом смолкли разговоры и прекратилась музыка. Рен вообразила, как музыканты в тревоге подняли головы от своих нот. Затем раздался смех, снова зазвучала музыка и послышался гул голосов. И музыка, и голоса быстро усиливались, словно кто-то поворачивал ручку громкости при воспроизведении записанных на пленку звуков праздничной вечеринки.

«Просто сильная струя восходящего воздуха», – сказала она себе. А может, какая-то проблема с двигателями; наверное, тот крик в коридоре донесся с маленькой лестницы, ведущей в рулевую рубку. Облегченно вздохнув, Рен вернулась к работе. Положила чемоданчик в сейф, заперла его, а сверху повесила рисунок Уолмарта Стрейнджа. Потом задрала сзади нижний край своей длинной блузки и засунула Жестяную Книгу за пояс шаровар. «Там будет в сохранности», – подумала Рен, чувствуя, как сразу стало холодно голой спине, а проволока, скрепляющая страницы, царапается.

Вышла в коридор и заперла дверь, положив ключ в потайное место.

– Тео! – на всякий случай позвала она громким шепотом.

В ответ тишина. Понятно, он уже наверняка в полной безопасности вместе с участниками бала.

И тут краешком глаза Рен заметила какое-то шевеление. Дверь на лестницу рулевой рубки была открыта и чуть покачивалась на петлях вместе с едва заметными колебаниями здания. Девочка стояла и озадаченно смотрела на нее. Когда они с Тео проходили мимо несколько минут назад, дверь точно была заперта. Неужели кто-то из членов экипажа услышал их возню в кабинете Пеннирояла и поднялся узнать, в чем дело?

Шум из бального зала вдруг стал слышнее, а потом снова глуше – кто-то вошел в коридор через дверь с наружной лестницы. По натертому до блеска полу быстро приближались шаги. Там, где коридор делал крутой поворот, вырастала чья-то тень. В панике Рен метнулась обратно к кабинету Пеннирояла, но времени на поиски ключа не оставалось, поэтому она юркнула в открытую дверь в рулевую рубку и закрыла ее за собой.

Ее окружало тесное и темное цилиндрическое пространство в том месте, где винтовая лестница проходит сквозь межэтажную перегородку. Рен знала, что ниже лестница пересекает еще один уровень, потом нижнюю обшивку Облака-9 и в итоге приводит в тот небольшой стеклянный пузырь, который она видела из кабины подъемника, когда Шкин вез ее сюда. Она прижала ухо к двери – шаги проследовали мимо дальше по коридору.

Только собралась вдохнуть немного воздуха, как снизу раздался голос:

– Кто здесь?

Голос казался немного испуганным и почему-то знакомым.

– Тео? – ответила Рен.

Ее вдруг охватило мучительное сомнение. Чем мог заниматься Тео здесь, в рулевой рубке, полной людей Пеннирояла? Он что же, шпионил за ней все это время? А теперь пошел донести на невольницу, которая только что взломала сейф господина?

– Рен, – позвал голос. – Послушай, здесь такое… Не знаю, что и делать!

У Тео был действительно испуганный голос. Решив поверить ему, Рен поспешила вниз по узкой спирали лестницы, причем Жестяная Книга на каждом шагу больно врезалась ей в копчик. Она миновала другую дверь в коридор, на первом этаже, потом спустилась сквозь шахту из окрашенного белой краской металла, всю в бородавках заклепок, ведущую сквозь нижнюю обшивку. Тео ждал ее у основания лестницы и сделал шаг в сторону, пропуская в рубку. За стеклянными стенами весь расцвеченный праздничными огнями Брайтон был как на ладони. Вокруг в прозрачном ночном воздухе то и дело вспыхивали многочисленные огни фейерверков, озаряя панели управления розовым и янтарным сиянием. Наверное, отсюда открывался самый лучший вид на всем Облаке-9, да только члены экипажа рулевой рубки не могли насладиться им, потому что все они обмякли в своих креслах, бездыханные. У одного все еще торчал из шеи нож – обычный разделочный нож, какими пользуются повара на кухне Шатра, с геральдической эмблемой мэра Пеннирояла на рукоятке.

– О Квирк! – пискнула Рен и тут же пожалела, что съела так много бутербродов.

Она быстро нагнулась в сторону и, пока ее тошнило, лихорадочно обдумывала неприятную ситуацию, в которой очутилась. Разве прошлым вечером Тео не шел со стороны кухни, когда они столкнулись в коридоре? А теперь стоит посреди помещения, полного людей, зарезанных кухонным ножом, и Рен находится здесь же одна-одинешенька!

– Все в порядке! – поспешно сказал Тео, когда она снова испуганно

пискнула, почувствовав его осторожное прикосновение, и отодвинулась подальше. Ему было невдомек, что Рен до смерти боялась его. – То есть не в порядке, конечно. Смотри! – Он потянул за одну из больших латунных рукояток на панели управления. – Сломана. Все сломаны. А здесь…

На главном пульте имелась толстая красная рукоятка, закрытая прежде стеклянным колпаком с предупреждающей надписью «Использовать только в чрезвычайной ситуации» и защищенная пломбой, но теперь стекло было разбито, а пломба сорвана. Значит, рукоятку все же кто-то использовал…

– Для чего это? – спросила Рен, но уже сама догадалась, заметив, как уменьшился Брайтон за время, проведенное в рулевой рубке, а трескотня петард стала глуше.

– Детонирует взрывчатку в креплениях Облака-9, – пояснил Тео. – Рубит концы в случае, если Брайтон пойдет ко дну или еще что-то. Помнишь, тряхнуло? Рен, кто-то оборвал тросы! Мы в свободном полете!

Ошеломленная Рен смотрела на него. В наступившем молчании отчетливо слышались звуки продолжающегося наверху веселья. Судя по всему, кроме них двоих, никто на Облаке-9 не подозревал о том, что произошло.

– Тео, – промолвила Рен, – ты можешь взять книгу.

– Что?

Она вытащила книгу из шаровар и протянула ему. Металлическая поверхность дрожала у нее в руках, отбрасывая танцующие блики на озадаченное лицо Тео.

– Рен, – медленно произнес он, – ты же не думаешь, что я мог это сделать? Но даже если бы мог, зачем мне это?

– Затем, что ты охотишься за книгой, как и все остальные, – ответила Рен. – Ты ведь агент Зеленой Грозы, правда? Мне всегда казалось странным, что тебя не слишком смущает положение раба. Но теперь я понимаю, ты сдался в плен нарочно, чтобы получить доступ в Шатер и шпионить за всеми! Готова поспорить, это ты подсадил свою кошмарную чайку наблюдать за сейфом, а теперь пустил Облако-девять по небу, чтобы всех нас убить, а самому скрыться с Жестяной Книгой! Именно поэтому ты отказался помочь мне угнать «Чибис», так ведь? И теперь, когда ты завладел книгой, можешь улететь на нем сам!

– Рен! – закричал на нее Тео. – Ты не соображаешь, что говоришь!

Рен попыталась проскочить мимо него к лестнице, но он не дал ей убежать и схватил за обе руки.

– Если бы мне была нужна эта чертова книга, – горячо заговорил Тео, глядя ей прямо в лицо, – зачем бы я позволил тебе украсть ее? Я бы

предоставил раптору убить тебя в кабинете Пеннирояла и преспокойно взял себе книгу. Насколько я понимаю, это ты можешь быть агентом Зеленой Грозы! Уж тебе-то точно не терпелось завладеть книгой и не спалось в ночь убийства Пловери! Сначала ты назвалась Пропащей Девчонкой, потом вдруг перестала ею быть… И это, может, тоже ты сделала?

– Нет, не я! – задохнулась Рен от обиды.

– Ну и не я!

Тео отпустил ее руки. Она отшатнулась, вся дрожа, по-прежнему прижимая к себе Жестяную Книгу.

– По дороге в бальный зал я услышал, как кто-то зовет на помощь, – начал рассказывать Тео. – Открыл дверь на лестницу и крикнул вниз, все ли в порядке. Никто не ответил, но мне показалось, что кто-то там шевелится, поэтому я стал спускаться. Когда вошел в рубку, все уже были мертвы. Увидел, что крепления оборваны, и хотел поднять тревогу, но побоялся, как бы тебя не застали в кабинете мэра.

По телу Тео пробежала дрожь, он устало вытер лицо ладонью.

– Кто-то был в коридоре наверху, – сказала Рен, вспомнив шаги и тень. – Я слышала, как прошли мимо двери. В том конце коридора ничего нет, кроме кабинета Пеннирояла. Значит, приходили за тем же, что и мы, – за Жестяной Книгой.

Тео смотрел на нее остановившимися глазами.

– Похоже на то. Сначала они ворвались сюда, в рубку, сделали свое черное дело, но не успели подняться в кабинет Пеннирояла, потому что на трапе появился я. Не стали рисковать, убивая меня тоже, решив, что я один из гостей, которого могут хватиться. Поэтому выскользнули через дверь на первый этаж, затем через кухню, бальный зал и снова поднялись по лестнице в офис… Но зачем им понадобилось рубить тросы? Могли бы просто взять книгу, и дело с концом!

Рен опять затошнило, но в желудке уже ничего не осталось, и она заплакала:

– Меня чуть не увидели! Если бы не спряталась, убили бы так же, как этих людей!

Тео протянул было руку, но остановился, не зная, как она воспримет его прикосновение.

– Значит, ты уже не думаешь, что я это сделал?

Рен замотала головой, приблизилась и благодарно уткнулась лицом ему в грудь:

– Тео, прости меня…

– Ладно, – ласково сказал он. Потом добавил: – А прошлой ночью я просто не мог уснуть. Пошел в храм и помолился за мать, отца и сестер. Ведь я покинул Загву как раз год назад, в предыдущий фестиваль Луны. Выскользнул из родительского дома, пока все праздновали, и зайцем долетел на фрахтовом корабле до Шань-Го, где вступил в Зеленую Грозу. Вчерашние предпраздничные приготовления напомнили мне о родных, и я стал думать, как они, чем занимаются, и, может быть, родители уже простили меня, может, скучают обо мне…

– Конечно скучают, – заверила его Рен. Она повернулась к прозрачной стене и прижалась лицом к холодному стеклу. – Родители всегда так делают – прощают своих детей и скучают о нас, как бы мы ни провинились. Только подумать, какой путь пришлось проделать папе, чтобы приехать за мной…

Рен смотрела на Брайтон; где-то там томился в неволе отец… Огни салюта взлетели в воздух в районе Монпелье, усыпав ночное небо яркими золотыми и красными звездами. На глазах звездочки погасли одна за другой, и ветер отнес дымки в сторону. И тут в поле зрения ей попалось какое-то другое движение. Она перевела взгляд – только море да скользящие и переливающиеся отблески лунного света на воде. Но что это? Чья длинная тень перемещается по верхушкам волн?

Внезапно всю картину загородило что-то необъятное и светлое. Мимо проплыли подвески огромных двигателей, а за ними – ряд открытых орудийных амбразур в бронированной гондоле. Рен увидела мужчин в защитных очках и стальных шлемах, похожих на панцири крабов. Солдаты стояли в боевых расчетах возле установленных на турелях автоматических пушек. Потом показались высокие рулевые плоскости, размалеванные зигзагами зеленых молний.

– Тео! – вскрикнула Рен.

В пяти метрах от того места, где они стояли, мимо Облака-9 летел громадный воздушный корабль-штурмовик.

Глава 28
Воздушный налет

В одной из камер, скрытых под элегантным вестибюлем Перечницы, Том лежал в полубессознательном состоянии, чувствуя, как вздулось лицо после обработки его костоломами Шкина. Но страх за Рен мучил сильнее. Знать, что она жива, поначалу было вполне достаточно. Ему, в принципе, наплевать, что сделают с ним, лишь бы дочь находилась в безопасности. Но в безопасности ли она? Рен в руках Пеннирояла, и, даже если по сути он неплохой человек, в определенных обстоятельствах может стать себялюбивым, жестоким и непорядочным, как в тот день, когда выстрелил Тому в сердце. Старая рана и сейчас давала о себе знать, и непонятно, то ли действительно кололо в груди, то ли это просто засевшее в памяти ощущение разорванной пулей плоти. Том лежал на койке, прислушиваясь к боли, и ждал, что произойдет дальше.

Он давно уже потерял всякое чувство времени в этой глухой комнатушке без окон, где под серым потолком тлел кружок аргоновой трубки, похожий на утерянный владельцем нимб. Не знал даже, день стоит или ночь, когда дверь наконец со скрежетом отворилась.

– Принес вам поесть, мистер Нэтсуорти, – произнес посетитель тоненьким голоском, – и еще вот это…

Том перекатился на край койки и сел, проводя рукой по избитому лицу. В дверях стоял тот мальчишка, Селедка, держа в руках поднос с миской и жестяной кружкой. Позади него виднелся кусок коридора с грязно-серыми стенами. Том лениво подумал о побеге, но грудь слишком болела, чтобы пытаться прорваться через наружную охрану. Он молча смотрел, как Селедка вошел и поставил поднос прямо на пол.

– Я с одним поменялся сменами, чтобы повидать вас, мистер Нэтсуорти, – сообщил мальчик. – А он только обрадовался – кому сегодня не захочется иметь выходной, щас же этот фестиваль Луны! О-о-о, на улице щас такая трескотня стоит, жуть!

Том прислушался и различил слабые звуки салютов и праздничного гулянья где-то далеко за стеной.

– Мне жаль, что вас словили, мистер Нэтсуорти, – продолжал мальчишка. – Рен-то – неплохая девчонка, добрая… Да вот, я подумал, вам захочется посмотреть на это!

Он достал из кармана форменных брюк смятую газетную страницу и

развернул ее перед Томом. «Палимпсест». Прямо под названием газеты Том увидел фото, на котором среди других девочек, позирующих вокруг крупной женщины с невероятно высокой прической, присела…

– Вот же Рен, видите? – тыкал пальцем Селедка. – Видите? Вот, теперь вы знаете, что у нее все в порядке. У нее хорошая жизнь в рабынях-горничных на Облаке-девять – все говорят! Смотрите: костюмчик нарядный, причесочка, все как надо!

– На Облаке-девять? Рен там? – Тому вспомнилось нечто похожее на парящий в воздухе дворец, который видел в городе. Он нагнулся и положил руку на плечо Селедке. – Послушай, ты можешь разыскать мою жену и сказать ей, где находится Рен?

– Ту тетку со шрамом? – с возмущением сказал мальчик, высвобождая плечо. На лице его отразилось негодование и страх. – И она здесь?

– Да, она в Брайтоне. Мы приехали вместе.

Лицо Селедки покрылось пятнами, руки задрожали.

– Я и близко к ней не подойду! Она злющая, эта тетка! Убила и Гаргла, и Ремору, и меня бы укокошила, если б смогла. Это из-за нее мне пришлось утащить с собой Рен! Я не хотел, но ведь она бы меня укокошила!

– Я уверен, Эстер действовала так, как диктовали обстоятельства, – немного смущенно проговорил Том, потому что вовсе не был уверен в этом. – Случай трагический, но…

– Она злющая, – мрачно настаивал Селедка. – И вы злющий, раз с ней якшаетесь. Хоть, может, и думаете о себе по-другому…

– И тем не менее ты же принес мне эту газету, – возразил Том. – Ты хороший, раз умеешь чувствовать добро, Селедка.

Он улыбнулся мальчишке, который подозрительно разглядывал сидящего перед ним мужчину. Тому стало жаль его. Малыша столько раз обманывали и обижали в жизни, что он потянулся душой к первому же взрослому, проявившему к нему хоть какую-то доброту, пусть им оказался даже Набиско Шкин. Том подумал, как хорошо было бы забрать мальчика из этого бесчеловечного города в благословенную Винляндию, где у него появилась бы возможность нормально расти вместе с детьми, увезенными Фрейей из Гримсби.

– Селедка, ты поможешь мне выбраться на волю?

– Можете не подлизываться! – ответил мальчик. – Мистер Шкин убьет меня за это!

– У мистера Шкина руки коротки. Я заберу тебя с собой, если захочешь. Разыщем Рен и Эстер и все вместе рванем отсюда!

– Куда рванем? Гримсби больше нет. У меня здесь хорошая работа. С

какой стати я брошу ее?

– Найдешь другую! Мы тебя высадим, где только пожелаешь. А хочешь, возьмем тебя с собой в Анкоридж-Винляндский и будем жить все вместе?

– Жить вместе с вами? – переспросил Селедка. Глаза у него округлились и засияли, как лампа на потолке. – Это как… как семья, что ли?

– Только если ты сам этого пожелаешь! – заверил его Том.

Селедка громко сглотнул. Вообще-то, у него в мыслях не было ехать куда-то вместе с Эстер. Эта женщина приговорена им, Селедкой, к смерти, и в один прекрасный день он намерен привести приговор в исполнение, ведь поклялся же! Однако Том ему очень нравился. Том казался добрым, даже добрее, чем мистер Шкин. И Рен добрая, хоть это из-за нее он попался в брайтонскую ловушку. Вот с Томом и Рен хорошо бы пожить!

– Ладно, – произнес он вслух и тут же оглянулся на дверь – не подслушивают ли! – Ладно. Раз сами приглашаете…

По коридору разнесся резкий, пронзительный сигнал электрического звонка, заставив Тома и Селедку вздрогнуть. Захлопали двери, по металлическому полу затопали ботинки. Селедка выхватил обрывок газеты из руки Тома, кинулся прочь из камеры, затворил и запер дверь. Том вскочил с койки, подбежал к двери и посмотрел в небольшое зарешеченное отверстие в самом верху, но с такой высоты ничего не разглядел. Звонок трещал и надрывался. В дальнем конце коридора послышались выкрики, кто-то еще пробежал мимо. Вдруг раздался внезапный, бьющий по ушам выстрел, еще один. Кто-то завизжал от боли.

– Селедка! – громко позвал Том.

Снова выстрелили, совсем близко, потом в коридоре прозвучал крик Эстер:

– Том! Том!

– Сюда! Здесь! – откликнулся он, и через мгновение ее закрытое вуалью лицо появилось в зарешеченном отверстии.

– Твою записку получила, – бросила Эстер, и Том поскорее убрался в сторону, когда «шаденфройде» начал дырявить дверь вокруг замка.

Под ударом ее ноги дверь распахнулась.

– Где Селедка? – спросил Том. – Ты его не задела? Только минуту назад был здесь! У него фотография! Рен на Облаке-девять!

Эстер подняла вуаль и быстро поцеловала его. От нее пахло порохом, а любимое уродливое лицо раскраснелось от возбуждения.

– Заткнись и беги, – выдохнула она.

Он побежал, не обращая внимания на колющие приступы боли в груди. Сразу за дверью камеры коридор круто поворачивал. Двое убитых лежали в углу, ни тот ни другой не был Селедкой. Том осторожно переступил через трупы и поспешил за женой вверх по какой-то лестнице, на которой тоже лежали мертвые тела. В воздухе висел пороховой дым. Откуда-то снизу доносились крики и визг.

– Постой, слышишь? – окликнул он. – Что там происходит?

Эстер обернулась с широкой ухмылкой:

– Кто-то выпустил на свободу Пропащих Мальчишек! Как неосторожно, правда? Нам лучше выйти наружу через верхнюю дверь!

Все лампочки внезапно погасли. Том с разбегу натолкнулся на Эстер, та помогла ему удержаться на ногах и сказала очень спокойным голосом:

– Стой, не дергайся.

В чернильно-непроглядной тьме сердце Тома успело отсчитать пять неровных ударов, после чего повсюду зажглись тускло-красные огни.

– Аварийный генератор, – пояснила Эстер.

Том снова побежал вслед за ней через какие-то безлюдные офисы, где кроваво-красное освещение мерцало на латунных ручках картотечных ящиков и белоснежных клавишах пишущих машинок. Тут он вдруг заметил на Эстер новое пальто и стал думать, откуда оно у нее и куда делось старое. Том продолжал ломать голову над этими загадками, когда навстречу им выбежала группа служащих корпорации «Шкин».

– Ложись! – заорала Эстер, сбивая его с ног. – Я не вам! – добавила она, когда охранники, пригибаясь, бросились врассыпную в поисках укрытия.

Офис мгновенно заполнился ужасным грохотом, дымом и вспышками. Не у всех охранников имелись пистолеты, а те, что были вооружены, открыли беспорядочную стрельбу. Пули мгновенно изрешетили стену, разбили бачок с питьевой водой и взъерошили страницы календаря на письменном столе. Том забился за картотечный шкаф и смотрел, как Эстер прицельными выстрелами одного за другим снимала людей Шкина. Он не видел жену в бою с архангельскими охотниками, но всегда пытался представить, как ей надо было разозлиться, чтобы преодолеть страх перед многочисленными свирепыми бандитами. Однако теперь мог воочию наблюдать, что от нее веяло просто убийственной невозмутимостью. Когда патроны в барабане закончились, Эстер положила револьвер и убила последнего охранника, ударив его по голове пишущей машинкой, которая при этом весело тренькнула кареткой. Потом Эстер взяла револьвер и начала заряжать, и на лице ее играла улыбка. Том подумал, что никогда

раньше не видел жену в таком хорошем настроении.

– Ты в порядке? – спросила она бодрым голосом, помогая ему подняться.

Том не был в порядке, но его так трясло, что он просто молча побежал вслед за Эстер вверх по еще одной лестнице и очутился в том же красивом вестибюле, где разговаривал с мисс Уимс. Сейчас ее стул пустовал, табличка на двери была повернута наружу словом «Закрыто», часовой с внешней стороны входа исчез. Салют продолжал греметь и трещать над городом, посылая сквозь щели в занавесках розовые и изумрудные полосы света. Эстер выстрелила в замок на двери и распахнула ее. Том, проходя через зал, услышал в стороне чье-то испуганное учащенное дыхание, а потом приглушенный плач.

Он встал на колени и заглянул под стол мисс Уимс.

На него смотрело бледное, искаженное ужасом лицо Селедки.

– Малыш, не бойся! – постарался успокоить его Том, когда тот пополз от него подальше в темень. Он показал Эстер рукой, чтобы не подходила, и крикнул: – Все нормально, это Селедка!

– Ну так оставь его! – поторопила Эстер.

– Нельзя, – сказал Том. – Ребенок один, напуган. Он работал на Шкина, и если Пропащие Мальчишки найдут его, разорвут на кусочки! Я имел в виду, в переносном смысле! – тут же добавил он, когда Селедка заскулил от страха.

– Сам виноват! – отрезала Эстер, нетерпеливо ожидая в дверном проеме. – Пошли, брось его!

– Но он сам пришел сказать мне, где Рен!

– Отлично! – уже сердито произнесла Эстер. – Теперь ты знаешь. Значит, он нам больше не нужен.

– Нет! – ответил Том несколько более резким тоном, чем хотелось. Нащупал под столом руку мальчика и выволок его наружу. – Он пойдет с нами! Я дал слово!

Эстер и Селедка уставились друг на друга, и Тому показалось, что сейчас она пристрелит малыша на месте. Но тут из глубин Перечницы донесся разъяренный рев Пропащих Мальчишек, вступивших на тропу войны, и тогда Эстер сунула револьвер за пояс и вышла за дверь, придерживая ее, а Том вытащил из здания перепуганного насмерть, нетвердо стоящего на ногах Селедку. Они спускались по ступенькам на Олд-Стайн, когда оглушительные, сотрясающие все вокруг звуки разрывов эхом прокатились меж расположенными поблизости зданиями, а небо озарили ослепительные вспышки. «Когда я был маленький, – подумал

Том, – салюты так громко не гремели». Он поднял голову и увидел, как над самыми крышами домов кружат жуткие белые воздушные корабли и из бронированных гондол поливают город ракетами.

– Великие боги и богини! – воскликнула Эстер. – Этого нам только не хватало!

– Что это? – захныкал Селедка, прижимаясь к Тому. – Что это гремит?

* * *

А происходило вот что. Эскадрилья Лисиц-оборотней получила приказ отделиться от основных сил воздушного соединения Зеленой Грозы и уничтожить средства противовоздушной обороны Брайтона. Пилоты истребителей приняли за зенитный огонь фейерверки, которые вспыхивали над районами Куинз-Парк и Блек-Рок, и начали обстреливать их с бреющего полета, рассеивая в панике толпы зрителей. В это время по Океанскому бульвару обезглавленной змеей извивалось нескончаемое карнавальное шествие, когда над головами участников сквозь дым салютов, как гигантский призрак, появился «Погребальный гром» и полным ходом устремился к Облаку-9. Прямо по курсу флагманского корабля возвышались две бронированные горы Ком-Омбо и Бенгази в окружении городов поменьше и пригородов, копошащихся поблизости.

– Да там их целая группировка! – воскликнул генерал Нага с восторженным азартом охотника, который только что заприметил лису. – Вон тот, большой, несколько лет назад сожрал Оседлую Пальмиру! – Его механические доспехи заскрежетали и засвистели, поворачивая генерала кругом навстречу Сталкеру Фанг, а единственная рука угловато взмыла к виску в военном салюте. – Так вот для чего вы привели нас на запад, ваше превосходительство! Я знал, что не ради этого изъеденного молью плавучего курорта! Разрешите начать атаку…

– Молчать! – прошептала Сталкер Фанг. Разноцветные огни Брайтона мерцали на ее бронзовом лице. – Группировка городов не имеет непосредственного отношения к нашей миссии. Другие корабли соединения завяжут бой с городской артиллерией и истребителями, а также пресекут любые попытки брайтонцев оказать помощь своему мэру. Наша цель – летящий дворец. Абордажным отрядам приготовиться к высадке!

Нага беспрекословно выполнял указания Сталкерши все шестнадцать тяжелых военных лет, но это уж было слишком даже для него. Пока его адъютанты поспешно передавали в подразделения полученный приказ,

облачались в боевые доспехи и портупеи с личным оружием, генерал оставался недвижно на месте с таким видом, словно получил пощечину. Но, вспомнив об участи офицеров, осмелившихся оспаривать приказы Сталкера Фанг, торопливо повиновался.

* * *

Рен и Тео перебежали на другую сторону рулевой рубки как раз вовремя, чтобы увидеть, как небо между Брайтоном и берегом расцветили кудрявые разрывы зенитных снарядов, выпущенных противовоздушной артиллерией Бенгази. Полосы яркого света с треском протянулись перед парящими в воздухе большими корпусами четырех штурмовиков и бесчисленными истребителями.

– Это воздушный налет боевых кораблей Зеленой Грозы, – сказал Тео.

– О Квирк! – прошептала Рен, думая об отце. – Считаешь, они хотят потопить Брайтон? Там мой папа! Тео, если он погибнет, я буду во всем виновата!

– Нет, они здесь не ради Брайтона, – ответил Тео, беря ее за руку. – Им нужна книга! Тот, кто подсадил раптора охранять сейф и убил членов экипажа рулевой рубки, вызвал и эти корабли и пустил в свободный полет Облако-девять, чтобы легче было взять его на абордаж.

Откуда-то снаружи послышалась скрипучая сирена воздушной тревоги, будто проводили гвоздем по черному небесному стеклу.

– Надо бежать! – сказала Рен.

– Как?

– На «Чибисе», конечно! Я не думаю, что со вчерашнего вечера кто-то успел слить из его баков горючее.

Тео покачал головой:

– Даже если сможем добраться до ангара, нас собьют раньше, чем успеем взлететь с Облака-девять.

– Но «Чибис» – прогулочная яхта, а не военный корабль!

– Грозовики не станут задумываться над подобными мелочами.

– Но ты же знаешь коды, пароли и все такое. Свяжись с ними по радио и скажи, что ты свой!

– Рен, для них я не свой, – ответил Тео. – Уже не свой. Если попаду к ним в руки, меня убьют, а тело переправят в Батмунх-Цаку.

Рен не вполне поняла, что это значит, но видела, что Тео всерьез встревожен, может быть, напуган так же, как она. Рубку тряхнуло, когда

что-то тяжело ударилось о верхнюю палубу, и поток искр и кувыркающихся горящих обломков полетел мимо прозрачных стен в море. Рен посмотрела в глаза юноше и постаралась говорить твердым, уверенным голосом:

– Послушай, что я скажу, Тео. Мой папа разыскивает меня в Брайтоне. Твои родители ждут тебя в Загве. И все они здорово обидятся на нас, если мы будем просто торчать здесь и ждать смерти. Ну давай же, Тео! Мы должны хотя бы попытаться!

Не размыкая рук, оба поднялись по лестнице до выхода на первый этаж (через который убийца покинул помещение рулевой рубки) и вышли в коридор, упирающийся в открытую дверь кухни. Вокруг ни души. Над головой слышатся визг, крики и топот ног разбегающихся участников праздничного бала. Отблески от разрывов зенитных снарядов отсвечивают на глянцевых поверхностях свалившихся с полок кастрюль и сковородок и на блюдах с цукатами, брошенных разбежавшимися рабами, а за окнами сыплется водопад огненных брызг ядовито-желтого цвета.

Рен и Тео воспользовались ближайшим выходом и, сами того не желая, выскочили прямо в гущу толпы гостей, которые неслись через газоны, как стадо перепуганных овец. Все уже знали, что с Облака-9 дороги нет, но старались убраться как можно дальше от Шатра из опасения попасть под бомбежку Зеленой Грозы. Опять же все приглашенные были богачами и привыкли, что за деньги им окажут любую услугу.

Пусть подъемник не работает, но тогда должен быть воздушный корабль, или такси, или какой-то предприимчивый брайтонец организует переправу на своей небесной яхте или даже аэропеде!

Тео и Рен с трудом вырвались из потока бегущих и спрятались под укрытие одной из абстрактных садовых скульптур. Они обнялись, прижавшись друг к другу, и наблюдали, как в лунном свете следы выхлопных газов исполосовали небо вокруг Облака-9, будто нити огромной паутины, и Летучие Хорьки, жужжа и кувыркаясь, набросились на воздушные корабли Грозы. Казалось, у каждого корабля внутри находилось огненное семечко, и Летучие Хорьки терпеливо нащупывали его трассирующими очередями зажигательных пуль. Стоит отыскать его, и воздушный корабль начинает светиться изнутри, как бумажный фонарик на фестивале Луны, потом ослепительные языки пламени там и сям прорываются сквозь оболочку наружу, и вот уже весь корпус полыхает, словно небесный крематорий, медленно проплывающий по ветру мимо Облака-9, и вместе с ним ползут зловещие тени, отбрасываемые кипарисовыми рощами.

Но воздушные корабли тоже не дремали. На помощь им пришли тучи

воскрешенных орлов и кондоров. Черные стаи птиц окружили летательные аппараты, кромсая крылья и нападая на беззащитных пилотов, а когда Хорьки пытались увернуться от них, тут же становились легкой мишенью для ракет и автоматических пушек воздушных кораблей. От крыльев мгновенно оставались лохмотья, топливные баки взрывались, лопасти пропеллеров разлетались веером и сыпались на лужайки вокруг Шатра, будто осколки жалюзи. Бескрылый, объятый пламенем аппарат «С левой ноги!» в неуправляемом пике врезался в станцию подъемника. «Капитан авиагруппы Мандрагора»[11], маневрируя, резко отвернул в сторону и задел «Могучий сыр»[12]; оба аппарата вместе ударили в бок штурмовика Зеленой Грозы. Вся куча мала огромным комом огня стала плавно, как в замедленной съемке, опускаться вниз, в море.

У самого края дворцового сада дрейфовал большой воздушный корабль, ожидая, когда истребители покончат с Летучими Хорьками, а позади него Рен могла видеть верхние ярусы Ком-Омбо, возвышающиеся, словно бронированный остров, над морем дыма. Крупный воздушный корабль завис прямо над городом, посыпая его, как пылью, потоком крутящихся-вертящихся цилиндриков, похожих издалека на крошечные серебристые стручочки. Они попадали точно в орудийные башни и другие огневые точки и взрывались с белой вспышкой, взметая обломки высоко в ночной воздух. Каждый взрыв отдавался в груди Рен, будто стучали в громадный барабан.

– Стаканы… – промолвил Тео.

– Вот эти серебристые штучки – стаканы? – удивилась Рен. – Да нет же, это бомбы! Видишь, взрываются! А ты говорил, что пилотировал стаканы!

Тео только молча кивнул.

– Хочешь сказать, что там, в этих штучках, – пилоты? Их же разорвет на мелкие кусочки!

Тео опять кивнул.

– Тогда как же?..

– Как я остался жив? – Тео сокрушенно покачал опущенной головой. – Потому что я трус! Я струсил, вот как!

* * *

«Погребальный гром» рыскал сквозь завесу дыма и пепла, повисшую

над побережьем. Внизу, в гуще многочисленных движущихся городов и поселков, началась паника. Все решили, что воздушное соединение Зеленой Грозы прибыло, чтобы уничтожить их. Некоторые спасались бегством в пустыне; другие бросились в море, держась на поверхности с помощью надувных понтонов; третьи воспользовались суматохой, чтобы сожрать своих соседей. С Бенгази и Ком-Омбо взлетели тучи воздушных истребителей, но не сумели противостоять более быстрым и хорошо вооруженным Лисицам-оборотням и стаям птиц-Сталкеров.

На «Погребальном громе» взорвался один из кормовых газовых отсеков, и паукообразные Сталкеры модели «Марк-IV» выползли на отвесные стенки оболочки, поливая пламя из огнетушителей. Рулевые плоскости тоже получили повреждения, а по переговорному устройству чей-то голос истерически кричал, что кормовая гондола уничтожена.

Однаждырожденные стояли на мостике бледные и напряженные. Шрайк видел, как их лица блестели от пота в свете смертоносных огней за стеклами иллюминаторов. Энона Зеро под своим стальным шлемом всхлипывала от страха. По радио с других кораблей трескучими голосами просили помощи и докладывали о полученных повреждениях. «Взмах рассерженного меча» получил пробоину в середине корпуса и падал, объятый пламенем. «Осенний дождь с поднебесных вершин» потерял рули, и его сносило ветром прямо в бок Бенгази. В динамиках было слышно, как на корвете кто-то нечеловечески кричал и кричал без передышки, потом связь с ними внезапно оборвалась.

Сталкер Фанг словно не замечала ничего вокруг. Невозмутимо стояла возле штурвального и не отрывала глаз от Облака-9, которое медленно удалялось от родного города.

– Следуйте за тем зданием, – приказала она.

* * *

Корабли, атаковавшие Брайтон, быстро переключились на другие цели, но беды плавучего курорта на этом не закончились. В машинном отделении бушевал пожар, половина гребных колес была разрушена. Во время налета город сорвало с якорей, и теперь он дрейфовал, оставляя за собой след из черного дыма и шафранового пламени. Вокруг него на поверхности моря образовалась пленка горящего топлива. Все, кто мог бы организовать спасательные и восстановительные работы, либо погибли, либо находились на Облаке-9 в числе приглашенных на бал мэра.

В неразберихе никто не обратил внимания на сигнал тревоги в здании Перечницы, пока Пропащие Мальчишки не расправились с последним охранником и не высыпали на улицы города, горя желанием отвести душу после продолжительного заточения. Остальные рабы Брайтона тоже не хотели упускать такую возможность. Обитатели трюмов – рабочие машинных отсеков, канализационных сооружений и зловонных фильтровальных установок Морского бассейна – вооружались гаечными ключами, скребками для чистки бассейна и молотками для отбивания мяса, вылезали на верхнюю палубу через городские люки и вместе с Пропащими Мальчишками грабили антикварные магазины и поджигали картинные галереи. Добропорядочные брайтонские артисты и художники, которые столько раз на совместных вечеринках во всеуслышание говорили о нечеловеческих условиях жизни рабов и организовывали творческие вечера, демонстрируя свою солидарность с угнетенными, теперь уносили ноги, разбегаясь из города на перегруженных воздушных кораблях и черпающих бортами воду моторных катерах.

Во всей этой сумятице, за плотной пеленой грязного дыма, повисшей над многострадальным Брайтоном, мало кто заметил, что Облака-9 больше нет на привычном месте.

Глава 29
Невзорвавшийся пилот

Рен и Тео сидели в темноте под большой скульптурой, опершись спинами о постамент, и ждали, когда все закончится. Здесь же, на постаменте, с вечера остались несколько полных стаканов с пуншем, и Рен выпила один. Сколько времени продолжается этот кошмар? Пять минут? Десять? А кажется, всю жизнь! Рен уже научилась различать высокий, с подвыванием голос автоматических пушек Летучих Хорьков и басовитую трескотню орудий Зеленой Грозы. Ракетные залпы с той и с другой стороны звучали похоже, зато она всегда знала, когда взрывался стакан, потому что Тео каждый раз вздрагивал, зябко обхватывал себя за плечи и зажмуривал глаза.

– Хочешь поговорить об этом? – предложила Рен. – Об этих штуках, стаканах?

– Нет.

– Да ладно тебе! Все равно делать нечего.

Тео опять весь сжался при звуках очередной серии взрывов на окраинах Ком-Омбо. Потом, очень тихо, так что Рен едва слышала его за грохотом боя, стал рассказывать о своей карьере пилота летающей бомбы.

– Это было в самом начале сражения на Ржавых болотах. Пригороды противника прорвались по всей линии фронта, и наше воздушное соединение получило приказ отступать к западным границам Шань-Го. Мы все расслабились, поскольку в ближайшее время никаких бомбометаний не ожидалось. Вдруг пришел новый приказ – удерживать несколько часов район под названием Черный остров, потому что какой-то хирург-механик из корпуса Воскрешенных людей откапывал там ценное изделие Древних, которое не должно попасть в руки городских…

Тео до сих пор преследовало тошнотворное ощущение внезапно взлетающего бомбоносца и паники среди пилотов стаканов, когда по тревоге они стали торопливо карабкаться в свои стаканы.

– Ждать – хуже всего, – продолжал Тео. – Мы сидели в кабинах в полной боевой готовности, пристегнутые, с открытыми бомболюками под стаканами. Сидели и смотрели на орудийную перестрелку внизу. Потом команда: «Стаканы – к бою!» И мы пошли…

И они пошли; разомкнули подвесные захваты, потом долгое падение, все ниже и ниже, лавируя между красивыми и смертельными разрывами

вражеских ракет. Раньше конструировали беспилотные стаканы, со Сталкерскими мозгами, но они не могли уклоняться от наземного огня так же эффективно, как это делал человек. Да и зачем попусту расходовать дорогостоящее оборудование, если есть молодые, горячие головы вроде Тео, готовые на смерть ради того, чтобы Мир Снова Стал Зеленым?

– Целью бомбометания был город под названием Ягдштадт-Магдебург, – рассказывал Тео. – Я попал куда-то в средние ярусы. Думал, передо мной какое-то фортификационное сооружение, а оказалось, просто тонкий пластиковый навес и под ним что-то вроде крестьянского хозяйства. Приземлился прямо в огромной скирде сена, поэтому и не разбился, просто отключился на пару минут. Очевидно, из-за мягкой посадки и стакан не взорвался. Взрыватель срабатывает автоматически при ударе, но предусмотрен и ручной детонатор, как раз на такой случай. Я хотел нажать, когда очнулся, и не смог… Не смог заставить себя…

– Конечно нет, – тихо, но убежденно сказала Рен. – Ты же промахнулся. Не мог же ты подорвать крестьян, мирных граждан! Это означало бы убийство!

– Да, убийство, – как эхо, отозвался Тео. – Только не это остановило меня. Я просто не хотел умирать!

– Сейчас уже слишком поздно судить.

Тео неопределенно пожал плечами:

– Я сидел, не вылезая, и ревел. А через некоторое время они пришли, сняли взрыватель со стакана, выволокли меня наружу и увели с собой. Думал, сейчас расстреляют, и правильно сделали бы. Но не расстреляли. Сколько я слышал историй о жестокости варваров, о том, как они пытают пленных, и, наверное, есть среди них и такие. Но ко мне относились как к собственному сыну. Накормили, долго извинялись за то, что вынуждены продать меня в рабство. Они не имели возможности держать на борту пленных Зеленой Грозы, а кроме того, боялись, что мы можем сговориться и устроить бунт. Но я бы уже никогда не пошел против них. Они открыли мне глаза на то, как не правы грозовики. Как глупо воевать…

Тео поднял глаза на Рен:

– Вот почему я порвал с Зеленой Грозой. И если теперь они поймают меня, узнают, кто я и что сделал, то обязательно убьют!

– Не убьют! – возразила Рен. – Потому что никогда не поймают. Мы что-нибудь придумаем!

Грохот двигателей заглушил ее голос. Рен осторожно привстала и выглянула из-за скульптуры. Огромный белый корабль с рубцами от участия во многих сражениях медленно протискивался между стропами

Облака-9.

– Великие боги! – воскликнул Тео, выглядывая через плечо Рен. – Это же «Погребальный гром»! Это ее корабль!

Смонтированные на моторных консолях колосса короткоствольные пусковые установки поворачивались во все стороны, без труда сбивая любой аппарат Летучих Хорьков, стоило ему появиться в зоне поражения. От попаданий ракет погибли «Стыдно, у кого видно» и «Маленький, удаленький в оранжевом купальнике»[13]; обломки бальзового дерева и обгорелые клочья полотна полетели на гостей, залегших на газоне Шатра. Орнитоптер «И это все, что ли?»[14] некоторое время порхал вокруг воздушного корабля, как комар, пытающийся укусить динозавра, но так и не смог повредить армированную оболочку, и в итоге стая рапторов настигла его и расщепила на лучинки. «Долой тяготение!» в отчаянном броске пошел на таран необъятной гондолы, но ракетным залпом его отбросило прямо в бок одного из аэростатов, на которых висело Облако-9. От гигантской вспышки и грома Шатер содрогнулся, и вся летающая палуба круто накренилась. Крики ужаса на лужайке стали еще громче.

«Комбат Вомбат» Орлы Дубблин и прочие уцелевшие Хорьки, осознав, что дальнейшее сопротивление бесполезно, обратились в бегство.

Рен прикрыла лицо ладонью от вихря пыли и дыма, поднявшегося, когда «Погребальный гром» повернул сопла двигателей под углом посадки и опустился на газон Облака-9. Гости, ранее покинувшие Шатер, теперь устремились обратно, пробегая мимо укрытия Рен и Тео, либо оставались на месте, мастеря из подручного материала – манишек и салфеток – белые флаги. Стражники зайцами разбежались по кустам, побросав оружие и стягивая с себя нарядную красную форму. Между развесистыми пальмами прогремели пулеметные очереди. Из открытых люков корабельной гондолы высыпали угловатые фигуры в доспехах.

– Сталкеры! – вырвалось у Рен.

Она никогда раньше не видела Сталкеров и, честно говоря, не верила в их существование, но что-то в движениях этих бронированных существ убедительно свидетельствовало – это не люди! Ей захотелось оказаться как можно дальше от них.

Рен вскочила на ноги, готовая к бегству, и позвала Тео:

– Бежим скорее! Бежим к ангару «Чибиса» – проскочим через Шатер!

Лестницы Шатра совершенно обезлюдели. Рен и Тео бежали вверх по ступенькам, спотыкаясь о карнавальные шляпы и распростертые неживые тела. На открытой веранде, где Шкин продал ее Пеннироялу, кто-то уронил

на пол бисквитное пирожное; Рен, не заметив, поскользнулась и с разбегу упала. Жестяная Книга, засунутая за шаровары, оцарапала ей спину и больно врезалась в ягодицы. Рен казалось, что кровь стекает в шаровары, когда подбежавший Тео помогал ей подняться. Может, надо отделаться от этой книги, пока не поздно? Отдать ее Зеленой Грозе и попросить пощады. Но ведь Гроза не знает пощады, разве не так? В Брайтоне Рен часто видела листовки и плакаты, а также заголовки в разделе международных новостей «Палимпсеста», кричащие: «Новые жестокости варваров!», «Нескончаемые зверства Зеленой Грозы!». И если у Рен обнаружат Жестяную Книгу…

У дверей бального зала они оглянулись. Бой закончился, Сталкеры шли по саду цепью, гоня впереди себя пленных людей.

– Интересно, Шкина взяли? – с надеждой сказала Рен.

– И что стало с Фифи? – добавил Тео, и они снова побежали через зал, где погасли праздничные огни на стенах и потолке, а под ногами хрустело разбитое стекло. – И где Пеннироял?

– О-о-о, за него можно не беспокоиться, – заверила его Рен. – Могу поспорить, это он привел их сюда.

Шкин говорил, что искал покупателя на Жестяную Книгу. Вот и Пеннироял сделал то же самое – выгодно продал свой родной город!

Они прошли через кинозал, где до сих пор стрекотал проектор. В его свете Рен померещился кто-то на винтовой лестнице.

– Синтия! – воскликнул Тео.

Их подруга и товарищ по несчастью бегом ринулась вниз по лестнице в своем праздничном костюме, мягко мерцающем в свете цветных кадров на экране. «Что ей понадобилось там, наверху? Может быть, растерялась с перепугу и, когда все побежали прочь из бального зала, ринулась совсем в другую сторону? – размышляла Рен. – Или миссис Пеннироял послала ее за чем-нибудь; вон у нее блестит что-то в руке!»

– Синтия, – заговорила Рен, – не бойся! Мы с Тео улетаем отсюда и возьмем тебя с собой. Правда, Тео?

– Где она, Рен? – злым голосом спросила Синтия.

– О чем ты? – удивилась Рен.

– О Жестяной Книге, конечно!

Рен никогда не видела у Синтии такого лица – холодного, жестокого и расчетливого, словно оно принадлежало другому человеку.

– Я уже посмотрела в сейфе у Пеннирояла, – продолжала Синтия, – и знаю, что ты взяла ее. С момента твоего появления я подозревала, что ты здесь неспроста! На кого работаешь? На «Тракционштадтсгезельшафт»? Или на африканцев?

– Ни на кого! – обиделась Рен.

– А вот ты работаешь, Синтия Туайт! – сказал Тео. – Ты подослана Зеленой Грозой, так? Ты убила Пловери и остальных и оборвала крепежные тросы Облака-девять!

Синтия рассмеялась:

– А ты не дурак, африканец! – Паясничая, она сделала реверанс. – Позвольте представиться: Агент двадцать восемь из личной разведгруппы Сталкера Фанг. А ведь я была неплоха, правда? Милая глупышка Синтия! Сколько вы все потешались надо мной, вы, и Фифи, и все остальные! Но все это время я служила другой госпоже, той, что Снова Сделает Мир Зеленым!

Синтия медленно вытянула руку в сторону Рен. Блестящая штука, которую она несла, оказалась пистолетом.

Словно чужими руками Рен извлекла Жестяную Книгу из-под блузки и протянула Синтии. Та схватила ее и отступила назад.

– Спасибо тебе, – произнесла она прежним сладким голоском. – Сталкер Фанг будет довольна.

– Это она послала тебя сюда? – растерянно спросила Рен. – Но как ей удалось разузнать…

Синтия засияла от самодовольства:

– О нет! Госпожа думала, книга все еще в Анкоридже. Даже снарядила экспедицию к месту, где, по словам Пеннирояла, затонул город, но там ничего не было. Поэтому меня прислали на борт Облака-девять – следить за мэром на случай, если он знает, что на самом деле случилось с книгой. Я сначала даже не поверила своей удаче, когда услышала, что ты привезла Жестяную Книгу с собой! Сразу же отправила донесение в Нефритовую пагоду, а в ответ получила приказ оставить книгу в сейфе Пеннирояла до прибытия помощи. Она представляет слишком большую ценность и может иметь ключевое значение для нашей победы в войне. Госпожа не желала, чтобы с книги сделали копию или пересылали оригинал по обычным каналам. Сталкер Фанг лично прибудет за ней. Это ее корабль приземлился в парке. – Синтия с умилением посмотрела на Жестяную Книгу. – Она хорошо наградит меня за выполненное задание.

Стрельба в парке прекратилась. Снаружи слышались голоса, выкрикивающие команды на незнакомом Рен языке. Она сделала маленький шаг к Синтии, не забывая о пистолете у нее в руке.

– Синтия, послушай, – проговорила Рен, – теперь Жестяная Книга у тебя. Отпусти нас, пожалуйста, а? Если Зеленая Гроза схватит Тео…

– То казнит его за трусость, – невозмутимо продолжила за нее

Синтия. – Я бы и сама сделала это с удовольствием, но уверена, что моя госпожа захочет допросить вас обоих и узнать, насколько вы осведомлены о Жестяной Книге.

– Мы не знаем ничего! – выкрикнул Тео.

– Можешь говорить что угодно, африканец. Посмотрим, что ты скажешь, когда за тебя примутся механические следователи.

– Но, Синтия… – Рен беспомощно покачала головой. Она до сих пор не могла прийти в себя, потрясенная предательством подруги. – Послушай, тебя же, наверное, и зовут по-другому, не Синтия?

У той от удивления округлились глаза:

– С какой стати?

– Ну, у всех шпионов должны быть вымышленные имена!

– Да? А чем мое собственное не годится?

– Нет-нет, я просто…

Огромный, туго набитый чемодан, падая с галереи, ударил Синтию по голове и раскрылся, рассыпав по полу деньги, драгоценности и дорогостоящие по виду изделия олд-тека. Девочка успела только охнуть и, упав, лежала без движения. Пистолет выстрелил, пуля пробила дырку в потолке где-то над головой Рен. Тео схватил Рен в охапку и оттащил в сторону, на случай если за чемоданом последует еще какой-то багаж, но, взглянув вверх, они увидели лишь круглое бледное лицо Нимрода Пеннирояла, выглядывающее через перила.

– Она не двигается? – спросил он тревожно.

Рен сделала шаг и склонилась над Синтией. На волосах девочки была кровь, а когда Рен прикоснулась к ее шее, то пульса не почувствовала (впрочем, она не знала точно, в том ли месте щупает).

– Кажется, мертвая…

Пеннироял поспешил вниз по лестнице.

– Чепуха, от ласкового подзатыльника не умирают! Но если и так, она ведь вражеский лазутчик, не правда ли? Запросто убила бы вас двоих, не будь я таким быстрым на принятие решений! Услышал, как вы беседуете, пока собирал наверху кое-что из вещей. – Он издал довольный смешок, извлекая Жестяную Книгу из пальцев Синтии. – Ну и везучий же я! А уж было расстроился, думал, потерял навсегда! А теперь за дело, помогайте все собирать!

Рен и Тео нехотя повиновались. Пеннироял, очевидно опасаясь, что они могут попытаться ограбить его, поднял пистолет Синтии и не выпускал, держа его в одной руке, а другой запихивая монеты, статуэтки, старинные изделия обратно в чемодан, и потом сел сверху, чтобы

защелкнулись замки. Доносящиеся снаружи крики становились громче, так как солдаты Зеленой Грозы, привлеченные звуком выстрела, со всех сторон устремились к бальному залу.

– Ну вот! – подытожил Пеннироял. – А теперь – быстро к ангару! Если поможете мне дотащить это, обещаю, увезу отсюда обоих! Ну, быстрее, торопитесь!

– Вы не можете улететь просто так, – возразила Рен, поспешая за ним по извилистым коридорам, а Тео, тужась изо всех сил, волок сзади чемодан. – А как же ваши граждане, избиратели?

– Ах, они… – пренебрежительно бросил мэр.

– А ваша жена? Ее, может быть, уже взяли в плен…

– Да-да, несчастная Фифи! – Пеннироял распахнул дверь и выпустил их в парк позади Шатра. – Какая потеря! Конечно, мне будет не хватать ее. Но время – лучший лекарь. Так или иначе, я не имею права подставлять собственную шею, чтобы спасти ее. Моя жизнь принадлежит читающей публике, я должен спастись и поведать миру о Брайтонском сражении и моей героической схватке с Зеленой Грозой!

И они поспешили через парк – Пеннироял впереди, Рен и Тео за ним, по очереди волоча огромный чемодан. Грозовики сюда еще не добрались, ничто не двигалось в кипарисовых рощах и на покрытых перголой дорожках. Над изрытым воронками аэродромом Летучих Хорьков поднимался дымок, но ангар с «Чибисом» стоял целехонький. Видимо, артиллеристы Грозы пожалели снарядов на нелепое пузатое сооружение с дурацкими медными плавниками, на которых сейчас мерцали отблески пожаров.

– Я слышу звук работающих двигателей, – насторожился Тео, когда они выбрались из рощи на посадочную площадку перед ангаром. – Смотрите, двери открыты!

– Великий и всемогущий Поскитт! – воскликнул Пеннироял.

Через раздвинутые створки виднелся «Чибис» в полной готовности, а его двигатели гудели, разогреваясь для взлета. В гондоле горел свет, за пультом управления сидел Набиско Шкин. Очевидно, он потерял надежду дождаться Рен и получить от нее Жестяную Книгу, поэтому решил сократить убытки за счет спасения собственной шкуры. Боясь его, девочка остановилась, но Пеннироял, наоборот, прибавил ходу и бегом припустился к яхте.

– Шкин! – закричал он. – Это я, ваш старый друг Пеннироял!

Шкин высунулся из люка в гладком боку гондолы «Чибиса», достал из складок мантии пистолет и дважды выстрелил в мэра. В свете огней яхты

кровь восклицательным знаком выплеснулась вверх из головы Пеннирояла. Мэр по инерции сделал неуклюжий кувырок, упал на мотки тросов и затих.

– О боги! – прошептала Рен. С детства слыша истории о Пеннирояле, она воспринимала его как часть своей жизни, как бессмертного сказочного персонажа.

Шкин вышел из гондолы и приблизился к Рен, держа пистолет на изготовку.

– Моя книга у тебя? – спросил он.

– Нет! – сказал Тео, прежде чем Рен успела ответить. – Ее забрали грозовики!

– Что в чемодане? – спросил Шкин, и Тео открыл перед ним крышку. Работорговец улыбнулся своей холодной серой улыбкой. – Ну что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок, а? Закрой чемодан и отдай мне.

Тео сделал, как велено. Ледяные глаза Шкина снова уставились на Рен.

– Что дальше? – спросила она. – Вы нас теперь застрелите?

– Боги милостивые, нет! – притворно изумился Шкин. – Дитя, я не убийца, а бизнесмен! Какую выгоду получу я, убив тебя? Правда, тебе удалось рассердить меня, но, судя по шуму, наши друзья из Зеленой Грозы скоро будут здесь; они-то и научат тебя хорошим манерам.

Рен услышала чужие грубые голоса, раздающиеся со стороны парка. Среди деревьев замелькали огоньки факелов. Ей хотелось спросить Шкина об отце, но тот уже закинул чемодан через люк гондолы и сам залезал вслед. Моторы взревели.

– Нет! – закричала Рен.

Она не могла поверить, что боги действительно позволят этому злодею Шкину убраться целым и невредимым. Но швартовочные захваты «Чибиса» отошли в стороны, яхта приподнялась над полом, двигатели плавно повернулись в положение взлета.

– Так нечестно! – продолжала кричать Рен, затем ее осенило. – Книга! Жестяная Книга у нас! Тео соврал! Возьмите нас с собой, и мы отдадим книгу!

Шкин слышал ее голос, но не разобрал слов. Взглянул сверху на Рен, улыбнувшись своим призрачным подобием улыбки, потом снова сосредоточился на панели управления. Яхта, набирая высоту, проплыла над посадочной площадкой, протиснулась, отгибая ветки, между верхушками двух деревьев и грациозно взмыла в небо.

– Это несправедливо! – снова выкрикнула Рен.

Ей до смерти надоел этот Шкин, до смерти надоело бояться. Теперь она понимала, почему мама и папа наотрез отказывались делиться

воспоминаниями о своих былых приключениях. Если ей суждено выжить, она тоже ни за что не станет вспоминать эту ужасную ночь!

– Зачем ты соврал про книгу? – с упреком спросила Рен. – Он мог взять нас, если бы получил ее.

– Не взял бы, – ответил Тео. – И знаешь, если все за ней так гоняются, значит там есть что-то очень опасное. А потому нельзя допустить, чтобы она попала в руки такого мерзавца, как Шкин.

Рен шмыгнула носом.

– Она никому не должна попасть в руки!

Рен подошла к лежащему Пеннироялу и, брезгливо морщась, достала Жестяную Книгу из складок его порванной мантии. Одна из пуль Шкина оставила в ней глубокую вмятину, больше никаких повреждений не имелось. Даже прикасаться к ней было противно. Подумать только, сколько бед она принесла! Сколько людей погибло из-за нее!

– Я ее выброшу в море, – решила Рен и побежала через изрытую воронками рулежную полосу к краю парка.

Но не морскую равнину увидела она, когда посмотрела вниз через перила. Облако-9 отнесло ветром быстрее и дальше, чем ей казалось. Извилистая полоса прибоя, обозначающая кромку берега, белела уже на несколько километров к северу, с протянувшейся вдоль нее гирляндой огней и пожаров в городах. Прямо под Рен безжизненные склоны африканских холмов поднимали свои вершины навстречу луне.

Застыв от неожиданности, она рассматривала эту картину за бортом, сжимая в руках Жестяную Книгу, когда услышала за спиной топот многих ног. Обернулась и увидела факелы и направленные на нее и Тео ружья целого взвода солдат. Здесь были и Сталкеры, один из которых схватил Тео, и мужчина, сам похожий на Сталкера, с горбоносым лицом и в механизированных доспехах, с мечом в покрытой железом руке. Он выступил вперед и приказал:

– Не двигаться! Вы являетесь военнопленными Зеленой Грозы.

* * *

После того как «Чибис» выскользнул за пределы Облака-9 в открытое небо, Набиско Шкин позволил себе удовлетворенно улыбнуться. Большинство боевых кораблей Зеленой Грозы были слишком далеко и все еще вели перестрелку с Бенгази и Ком-Омбо, а войска, высадившиеся в саду Пеннирояла, заняты более важными делами, чем преследование

работорговца, убегающего от возмездия.

Он поудобнее расположился в комфортабельном кресле и с довольным видом похлопал рукой по лежащему рядом на столе чемодану. Далеко впереди, в пустыне, виднелись мерцающие огоньки нескольких движущихся городов. Он совершит посадку на одном из них и переждет, пока Зеленая Гроза не уберется из Брайтона. После этого отправится туда и подсчитает ущерб. Перечнице, конечно, нанесены значительные повреждения. Служащие и человеческий товар, вероятно, убиты. Не имеет значения, все застраховано. Хорошо бы выжил этот мальчишка, Селедка! Но и без него он сможет разыскать Анкоридж-Винляндский и набить рабами трюмы одного-двух кораблей!

Шкин все еще мечтал о поездке в Винляндию, когда яхту окружили рапторы. Они отделились от патрульной стаи, посланной охранять воздушное пространство вокруг Облака-9. Когда птицы-Сталкеры зашли на него со стороны луны, Шкин принял их за тучу. Но потом различил взмахи крыльев, и в то же мгновение десятки стальных клювов ударили в плексигласовые окна кабины, стали дергать за обтекатели подвесок, рвать когтями тонкую оболочку «Чибиса». Отломанные рулевые плоскости завертело и унесло потоком воздуха. Лопасти пропеллеров кромсали птиц десятками, но их место занимали новые десятки, пока двигатели яхты не захлебнулись перьями и зловонной слизью. Шкин схватил микрофон радиостанции, настроил все диапазоны на передающий режим и прокричал:

– Прекратите атаку! Я – законопослушный предприниматель! Я не принадлежу ни к одной из конфликтующих сторон!

Но боевые корабли Зеленой Грозы, услышавшие его призыв, не могли определить, откуда поступает сигнал, а для птиц он ничего не значил. Рапторы продолжали рвать, резать, раздирать и кромсать полотно оболочки, оголяя металлический каркас, пока не настал момент, когда Набиско Шкин сквозь голые шпангоуты мог видеть лишь черные очертания птиц с распростертыми крыльями, кружащих, как в калейдоскопе, на фоне священной Луны. Растерзанная яхта начала падать, и тут рапторы сорвали прозрачный купол кабины и добрались до пилота.

Набиско Шкин не тот человек, чтобы давать волю чувствам, но птиц было много, а падать до земли довольно долго. Всю дорогу он кричал не переставая.

Глава 30
Пленники Зеленой Грозы

Мужчину в механических доспехах звали Нага. Так обращались к нему его подчиненные, забирая у Рен Жестяную Книгу и конвоируя обратно к Шатру. Жуткое имечко, и сам он выглядел как пугало, ковыляя в своем скрежещущем и свистящем экзоскелете, но, по крайней мере, оказался достаточно воспитанным, потому что осадил своих людей, когда те стали подгонять Рен, толкая в спину ружьями. Она удивилась и немножко успокоилась; до сих пор говорили, что грозовики пленных не берут. Подумала даже, не спросить ли Нагу, что с ней собираются сделать, но не решилась. Рен искоса взглянула на Тео. Ей хотелось, чтобы он объяснил, о чем разговаривают солдаты Грозы на своем непонятном языке, но Тео шагал с опущенной головой и не смотрел в ее сторону.

Потом все поднялись по лестнице с наружной стороны Шатра мимо садовой решетки, за которой держали под стражей многочисленных пленных рабов и вчерашних гостей. Их бдительно охраняла рота Сталкеров. Фифи Пеннирояль тоже находилась здесь и устроила что-то вроде сольного концерта, стараясь своим пением подбодрить товарищей по несчастью, но, как показалось Рен, ее усилия не приносили существенного результата.

Сначала Рен думала, что ее и Тео разместят вместе с остальными пленными, но конвойные продолжали вести их мимо бассейна Пеннирояля, который широким мокрым пятном пролился через край по накренившейся палубе. У окон с внешней стороны бального зала стоял Сталкер, внешне гораздо более страшный, чем безмозглые и безликие твари, с которыми до сих пор сталкивалась Рен. Он был огромный, в сияющих доспехах, а стальная шлем-маска закрывала не все лицо, как у других, а лишь верхнюю половину, оставляя на виду мертвую бледную кожу с длинной щелью рта, который при появлении Рен чуть заметно дернулся, а зеленое сияние в глазах вспыхнуло ярче. Она сразу отвернулась, вне себя от ужаса из-за того, что привлекла внимание монстра. Что он собирается сделать? Заговорит? Набросится на нее? Но Сталкер лишь ответил военным салютом на приветствие Наги и сделал шаг в сторону, пропуская конвой с пленными в бальный зал.

Подачу электричества уже наладили, и свет снова горел. Санитары выносили на носилках Синтию. Когда они проходили мимо, Рен услышала

стон и обрадовалась, что ее подруга жива, но тут же вспомнила, что это не настоящая подруга, и уже не знала, радоваться ей или нет.

На сцене, где во время праздника играл маленький оркестр, сидели какие-то, видимо, офицеры в белых мундирах. Нага подошел, печатая шаг, ловко отсалютовал и доложил. Высокая женщина повернула голову, разглядывая пленников. Ее лицо было закрыто бронзовой маской, в которой жгучим пламенем горели изумрудные глаза.

– О-о-о! – будто в агонии, выдохнул Тео.

И тогда Рен поняла, что это та самая Фанг, главная Сталкерша. Ошибки быть не могло! От нее веяло таким могуществом, что оно, казалось, потрескивает в воздухе, как атмосферное электричество; у Рен даже поднялись дыбом волоски на шее. Тео рядом с ней била благоговейная дрожь, словно на его долю выпало присутствовать при чудесном явлении небесного божества.

Нага сказал что-то еще и вытащил из полости в своих доспехах Жестяную Книгу. Глаза Сталкерши вспыхнули, и она грациозно сошла со сцены. Нетерпеливо схватив книгу, Фанг стала изучать знаки, выцарапанные на титульном листе, потом с удовлетворением вздохнула, глубоко и прерывисто. Нага задал какой-то вопрос, показывая на Рен и Тео, но Сталкерша только отмахнулась, села, скрестив ноги, прямо на пол, открыла Жестяную Книгу и принялась читать.

– И что теперь? – вполголоса пробормотал Тео. – Я думал, она захочет допросить нас…

– Кажется, и Нага так думал, – тоже вполголоса ответила Рен.

Но, похоже, Сталкер Фанг забыла обо всем на свете. Военные не сводили с нее глаз, будто ожидая приказаний, но Фанг была поглощена чтением книги. Нага сказал что-то на ухо одному из присутствующих. Тогда женщина – молодая и красивая, в такой же форме, как остальные офицеры, только черного цвета – что-то сказала в ответ, поклонилась, спрыгнула со сцены и направилась к пленникам.

– Вам придется пройти со мной, пожалуйста, – вежливо сказала она на слегка ломаном англичанском.

Рен почувствовала некоторое облегчение. Эта женщина казалась не такой суровой, как другие участники десанта Зеленой Грозы. На именной нашивке у нее на груди под парой загогулистых иероглифов печатными буквами написано: «Доктор Зеро». Рен догадалась, что иероглифы означают то же самое на языке Шань-Го. По внешнему виду не скажешь, что она доктор, – слишком молодо выглядит. Косой разрез глаз и широкие скулы напомнили Рен ее друзей-инуитов дома, в Анкоридже. Коротко

остриженные, крашенные зеленым волосы удивительно шли к этому миниатюрному лицу. Но голос звучал совсем не по-доброму. Она взяла ружье у одного из солдат и направила его на двух пленников.

– Вперед, шагом марш! Быстро, пожалуйста!

Они пошли, как велено. Когда женщина вывела обоих на площадку у бассейна, Рен специально посмотрела на большого Сталкера и увидела, что он снова неотрывно следит за ней. Чего он к ней прицепился, что она такого сделала? Рен опять быстро отвернулась, но продолжала чувствовать на себе его взгляд.

Доктор Зеро движением ружья приказала Рен и Тео следовать за ней вниз по ступенькам по направлению к общей группе пленных в огороженной решеткой оранжерее. Однако, спустившись по лестнице на террасу, похожую по форме на полумесяц, когда их стало не видно и не слышно из бального зала, приказала пленникам остановиться. Потом обратилась к ним на англичанском со своим мягким акцентом:

– Что это за вещь Цветок Огня взяла у вас?

Рен ответила:

– Жестяную Книгу… Жестяную Книгу Анкориджа.

Доктор Зеро нахмурилась, видимо безуспешно стараясь отыскать в памяти значение этих слов.

– А разве вы не за ней сюда прилетели? – полюбопытствовал Тео.

– Вероятно, да. Кто знает? – Доктор Зеро пожала плечами, оглянулась в направлении бального зала и добавила, понизив голос, словно опасаясь, что госпожа может услышать: – Ее превосходительство не посчитала нужным поделиться с кем-либо своими соображениями относительно нападения на ваш город. Что есть эта Жестяная Книга?.. Какая причина делает ее настолько важной, что Цветок Огня решает прибыть сюда на военных кораблях, чтобы получить эту вещь?

– По словам Синтии, тот, кто завладеет Жестяной Книгой, победит в войне, – сказала Рен.

Она просто сказала, что слышала, но доктор Зеро вдруг словно окаменела. На лице ни кровинки, но, может, это только игра лунного света? Раскосые глаза широко раскрылись и смотрели сквозь Рен навстречу какой-то будущей ужасной катастрофе.

– Ну конечно! Конечно! Книга содержит подсказку к созданию какого-то разрушительного оружия олд-тека. Вероятно, такого же, как МЕДУЗА, настолько мощного, что может уничтожать целые города! И вы отдали книгу Сталкеру Фанг! Глупцы!

– Так нечестно! – обиделась Рен. – Мы не виноваты…

Доктор Зеро коротко засмеялась, но совсем невесело. Наоборот, в ее смешке прозвучал страх.

– Теперь все зависит от меня, верно? – сказала она. – Мое дело – остановить ее!

Доктор Зеро повернулась и побежала обратно – вверх по лестнице, к бальному залу, по дороге отшвырнув в сторону ружье.

Глава 31
Мгновение розы

Генерал Нага, все еще обиженный на то, что ему не разрешили разобраться с Бенгази и другими городами, отправился со своим ударным подразделением прочесывать нижние этажи Шатра в надежде отыскать тайное гнездо городских партизан, с которыми можно было бы завязать достойную драку. В бальном зале остались несколько боевых Сталкеров, охраняющих госпожу, по-прежнему углубленную в чтение. Зеленый свет ее глаз отражался на жестяных страницах тусклыми отблесками, кончики стальных пальцев, скользя по нацарапанным знакам Древних, издавали тихое металлическое постукивание.

Шрайк стоял у окна и смотрел на Сталкера Фанг, но в действительности не видел ее. Он сосредоточил мысли на одном лице – той юной пленницы, которую только что увела Энона Зеро. Шрайк был уверен – или почти уверен, – что видел это лицо раньше. Те же серо-голубые глаза, длинный подбородок, медно-рыжие волосы – эти черты высекали в его сознании искорки узнавания. Но когда он начинал перебирать в памяти лица, пытаясь отыскать соответствующее этим параметрам, то не находил ни одного подходящего.

На прогулочной палубе слышится топот бегущих ног. Шрайк обернулся и ощутил, как за его спиной в бальном зале остальные Сталкеры тоже насторожились и обнажили свои перстяные клинки. Но, увидев доктора Зеро, снова расслабились.

– Мистер Шрайк!

Она идет к нему, выбирая дорогу между неподвижными телами, лежащими на прогулочной палубе. Она силится улыбнуться, но улыбка получается кривая, похожая на гримасу. Шрайк уловил ее прерывистое дыхание, учащенное сердцебиение, резкий запах пота, который, как сигнал, предупреждал его – вот-вот что-то должно произойти. По неизвестной причине Энона Зеро решила именно сейчас применить свое загадочное оружие против Сталкера Фанг.

Но где это оружие? В руках – ничего; элегантная, по фигуре, форма не оставляет места, где можно спрятать что-либо, способное нанести повреждение Сталкеру. Он быстро изучил спектр туловища, безуспешно высматривая пистолет или взрывчатое химическое соединение.

– Мистер Шрайк, – повторила доктор Зеро, останавливаясь перед ним

и заглядывая снизу вверх ему в лицо. – Я должна сказать вам нечто очень важное.

Капли пота собираются в струйки и стекают по ее лицу. Шрайк повернул голову и просканировал помещение бального зала, подумав, не пронесла ли она что-нибудь с собой сразу после высадки с «Погребального грома». Еще раз осмотрел площадку у бассейна, обращая внимание на возможные тайники со спрятанными устройствами в статуях на балюстраде. Ничего. Ничего…

Он почувствовал прикосновение к своей руке. Посмотрел вниз. Легкие пальцы доктора Зеро лежали на его бронированном кулаке. Теперь она улыбалась по-настоящему. За толстыми линзами очков – глаза, наполненные слезами.

Она сказала:

– *Мгновение розы и мгновение тиса одинаково длится*.

И Шрайк понял.

Повернулся и быстро пошел прочь от нее в помещение танцевального зала. Не хотел идти, не двигал ногами – те двигались сами. Шрайк был оружием доктора Зеро, был им все это время!

– ОСТАНОВИТЕ МЕНЯ! – сумел выкрикнуть он, приближаясь к Сталкеру Фанг.

Два боевых Сталкера выскочили вперед, преградив ему дорогу. Двумя ударами он вывел из строя обоих, снеся им головы; их слепые, безмозглые туловища покатились в разные стороны, разбрызгивая искры и жижу. Но, по крайней мере, Сталкер Фанг теперь не будет застигнута врасплох. Она обернулась и поднялась ему навстречу. В ее длинных руках блестела Жестяная Книга.

– Что вы делаете, мистер Шрайк?

Шрайк не мог объяснить. Он был пленником собственного тела, бессильным контролировать неожиданные для себя самого целенаправленные движения. Его руки поднялись, кисти напряглись, из перстяных пазух выскочили сверкающие лезвия, длиннее и тяжелее, чем прежние. Словно пассажир в неуправляемом танке, наблюдал он, как его тело бросилось на Сталкера Фанг.

Сталкерша выпустила собственные когти и приготовилась отразить нападение. Сталкеры столкнулись, заскрежетав доспехами; брызнули искры. Из-за бронзовой смертной маски Сталкера Фанг послышалось хищное шипение. Жестяная Книга упала, ржавый переплет лопнул, металлические листы рассыпались по полу. «Вот почему я не видел опасности!» – подумал Шрайк, вспомнив, как ловкие пальцы Эноны Зеро

копались у него в мозгу долгими бессонными ночами на фабрике Сталкеров. Почему он никогда не задумывался, чем занималась доктор? Неустанно искал орудие убийства, но ни разу не заподозрил самого себя! И все это время в мозгу Сталкера дремало запрограммированное желание убить госпожу. Стоило Эноне Зеро произнести условную фразу, и это желание проснулось…

Шрайк слышал ее у себя за спиной, в разрушенном бальном зале; она выкрикивала, словно стараясь придать ему сил:

– *Мгновение розы и мгновение тиса одинаково длится!*

Оттолкнув Фанг, он вонзил клинки правой руки ей в грудь; оттуда забил фонтан из искр и смазки. Новые когти хороши – прочнее, чем Сталкерская броня! Фанг снова яростно зашипела; мантия разорвана в клочья, в стальных доспехах пробоина, из которой ручейком льется неживая кровь. Энона Зеро зашла ей сзади и выкрикивала:

– Ты не сможешь справиться с ним! Я создала его, чтобы убить тебя, и дала необходимое для этого оружие! Сверхпрочную броню! Когти из легированного вольфрама! Мощь, которая тебе и не снилась!

Разъяренная, Сталкер Фанг развернулась и достала доктора Зеро скользящим ударом, от которого та покатилась по полу бального зала. Шрайк с разбегу всем корпусом налетел на Сталкершу, отпихнув ее от лежащей женщины. От мощного толчка ее выбросило на залитую лунным светом площадку возле бассейна. Несколько боевых Сталкеров попытались схватить Шрайка, но он пинками по ногам заставил их потерять равновесие, а потом своими клинками рассек каждому хрупкие шейные сочленения – шеи оказались слабым местом Сталкеров Попджоя. Отрубленные головы покатились по паркету, будто упавшие кастрюли, зеленые глаза погасли. Шрайк отшвырнул с дороги все еще шатающиеся в вертикальном положении туловища; одно из них запуталось в складках шторы на разбитом окне, искры из оголенных шейных проводов попали на ткань, и она вспыхнула. Пламя быстро побежало вверх по занавеске, а потом распространилось по потолку бального зала. Отсветы пожара сияли на доспехах Фанг, когда та ковыляла прочь по прогулочной палубе, волоча одну ногу, рука повисла на пучке связок, все туловище, как полураздавленного жука, покрывали вмятины и жижа.

Шрайку хотелось прекратить драку. Ему хотелось вернуться в горящий зал и помочь доктору Зеро выбраться оттуда. Но его бунтарское тело решило иначе. Шрайк приблизился к Сталкеру Фанг, и когда та сделала свой выпад, он уже был готов отразить его; потом вонзил в изумрудные глаза клинки больших пальцев, почувствовав, как они заскрежетали об олд-

тековское устройство внутри ее черепа.

Оба глаза погасли, Фанг издала шипение, переходящее в визг, и ударила его ногой по туловищу, пробив броню, – он не предусмотрел наличия клинков у нее на стопах. Шрайк оторвал Сталкершу от земли и с размаху ударил о балюстраду на краю палубы. Толстые каменные перила рассыпались на мелкие осколки и в лунном свете полетели вниз белым облаком вместе с кувыркающейся в нем Фанг. Шрайк, опьяненный свирепой радостью дерущегося Сталкера, прыгнул за ней.

* * *

А что же Рен? И Тео? Покинутые своими надсмотрщиками, они продолжали стоять на террасе в виде полумесяца, недоуменно глядя друг на друга, боясь поверить в то, что о них забыли, и слишком напуганные страшными звуками, раздающимися у них над головой, чтобы воспользоваться возможностью и пуститься наутек. Вдруг рядом с ними с верхней палубы дождем посыпались осколки балюстрады, а за ними, похожие на кометы причудливой формы, по очереди свалились Сталкер Фанг и ее противник. Обомлев и прижавшись к Тео от неожиданности, Рен смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами. Столкновения Сталкера со Сталкером не наблюдал ни один человек на протяжении уже многих веков; во всяком случае, со времен северных империй кочевников, посылавших воевать между собой армии оживших мертвецов в те далекие, забытые годы накануне Эры Движения, когда люди были людьми, а города оставались там, где их построили.

– Я думала, он на ее стороне, – жалобно промолвила Рен.

– Чш-ш-ш! – прошипел Тео, опасаясь, что оба Сталкера заметят их присутствие.

Но тем, очевидно, было не до них. Фанг отбросила Шрайка ногой, но не смогла собраться с силами, чтобы продолжить атаку. Вместо этого повертела головой в поисках спасения, призывая своим шепчущим голосом на помощь, и схватилась обеими руками за поручень, опоясывающий террасу. Когда Шрайк, придя в себя, ударил ее в спину, Фанг перемахнула через перила и спрыгнула вниз, в парк.

Шрайк прыгнул вслед за ней. Позади раздались встревоженные возгласы однаждырожденных. Оглянувшись, Сталкер увидел, как Нага и его люди подбежали к краю балкона и пытались рассмотреть, что там внизу. Он побежал дальше, ориентируясь по следу из машинного масла и

суррогата крови, оставляемого раненой Фанг. Сначала ему показалось, что она решила направиться к своему кораблю «Погребальный гром». Но теперь у нее не было зрения и, возможно, повреждены другие органы чувств. Шрайк продолжал преследовать ее по тошнотворному машинному запаху, продираясь через густые кусты с дорожками лабиринтов, вниз по крутому склону парка. Загнанная в угол, она ждала у поручней на краю летающей палубы, повернувшись к нему лицом.

Шрайк, переполненный состраданием, выдавил:

– МНЕ ЖАЛЬ!

– Все эта Зеро! – прошипела Сталкер Фанг. – Она предательница, а ты творение рук ее! Мне следовало бы помнить, что нельзя верить однаждырожденным!

Яростным ударом Шрайк сбил бронзовую маску с ее лица. Голова мотнулась на поврежденных шейных сочленениях, и лунный свет упал на лицо мертвой пилотессы – серая, иссохшая кожа, черные губы, натянутые поверх оскаленных желтых зубов, разбитые зеленые окуляры вместо глаз. Она стыдливо подняла покалеченную железную руку, чтобы прикрыться, и Шрайк поразился, насколько знаком ему этот жест. Где он видел его?

Внезапно Фанг отвернулась от него, изломанная и неловкая, ее невидящие глаза были обращены к звездам.

– Вы видите ее, мистер Шрайк? – спросила она. – Ту, яркую, на востоке? Это ОДИН, самое последнее космическое оружие, которое Древние разместили на орбите Земли. Оно спит со времени Шестидесятиминутной войны и ждет, когда его разбудят. Это мощное оружие. Настолько мощное, что способно уничтожить бесконечное множество городов. И Жестяная Книга Анкориджа содержит код, который разбудит его. Помогите мне, мистер Шрайк. Помогите разбудить ОДИНа и Сделать Мир Снова Зеленым!

После трех сокрушительных ударов Шрайка ее шея не выдержала, и предсмертный крик Фанг стих вместе с треском отломившейся головы.

Он перевалил ее туловище через поручень, поднял голову и маску и швырнул следом. Маска, падая, сверкнула в лунном свете. Ярость и новая сила Шрайка словно иссякли. Теперь, когда неизвестные инстинкты, установленные Эноной Зеро, перестали действовать, в его сознании начали возникать прерывистые помехи. Воспоминания окружили Шрайка, как стая летучих мышей. Он поднял руки, отгоняя их, но те все кружили. Это были не человеческие воспоминания, спокойные и печальные, которые всплывали в памяти, когда он умирал на Черном острове. Нет, сейчас его сознание переполняли картины черных деяний, совершенных им еще в

бытность Сталкером: убийства – в сражениях и так, ради удовольствия; кровавые казни преступников из однаждырожденных; нищий мальчик в Воздушной Гавани, которого разорвал пополам просто из желания убить. Как он мог совершать подобное? Почему не чувствовал тогда вины и стыда, нахлынувших на него сейчас?

И тут, словно из морских глубин, в его памяти всплыло лицо со шрамом, да так отчетливо, что он почти назвал его по имени:

– Э… ЭС…

– Вот он! – закричали голоса у него за спиной. Однаждырожденные воины с трудом выбирались из гущи кустов. – Не двигаться! Стоять, Сталкер, именем Зеленой Грозы!

Ведомые Нагой в клацающих боевых доспехах, однаждырожденные с опаской приближались, наставив на Шрайка огромную переносную пушку и пулеметы с механизмами на паровой тяге.

– Где она? – требовательно спросил Нага. – Что ты сделал со Сталкером Фанг?

– СТАЛКЕР ФАНГ МЕРТВА, – ответил Шрайк, с трудом различая солдат; перед глазами стояло лицо со шрамом. – ДВАЖДЫ МЕРТВА. Я УНИЧТОЖИЛ ЕЕ.

Нага говорил что-то еще, но Шрайк не слышал. У него было такое чувство, словно он рассеивался в воздухе, растворялся в ржавчине, и его удерживало в целости только это воспоминание, это лицо. Девочка, которую он спас когда-то, единственное добро, совершенное им в жизни.

– ЭС… ЭСТ…

Забыв о солдатах, Шрайк побежал. Сталкеры бросились на него и отлетели в стороны под ударами. Пули забарабанили по броне – он едва заметил. В глазах замигали сигналы о повреждениях – он не придал значения.

– ЭСТЕР! – разнесся по оранжереям страдальческий вопль.

Глава 32
Полет «Арктической качки»

Под дымовой завесой на искореженном Океанском бульваре валялись островки скомканного серпантина и бумажные шляпы – остатки уличного празднества, закончившегося так внезапно с началом воздушного налета.

В темноте Том, Эстер и Селедка с оглядкой передвигались по бульвару, стараясь оставаться незамеченными для шаек мародеров и взбунтовавшихся рабов, которые хозяйничали в разгромленных торговых рядах. Языки пламени плясали на сцене театра на открытом воздухе, а в гавани каждые пять минут взрывалась очередная цистерна с газом, сотрясая палубу и взметая над крышами домов обломки, которые усеивали поверхность Морского бассейна сотнями белых всплесков. Лохмотья причудливых костюмов на мертвых участниках карнавала чуть шевелились на ночном ветерке, будто перышки на подстреленных птицах.

– В трюмах до сих пор бесчинствуют, – сообщил Том, прислушиваясь к шуму, раздающемуся из люка. – Как же мы попадем на «Винтового червя»?

Эстер рассмеялась. Она все еще ощущала радость и гордость от того, как ловко вызволила Тома из застенков Шкина, и даже его упрямое желание тащить с собой Селедку не надолго испортило ей настроение.

– Совсем забыла! – воскликнула она. – Нет, ты не поверишь! Из-за всей этой суматохи просто вылетело из головы! Том, нам больше не нужен «Винтовой червь»! И вообще, как ты собираешься взлететь на Облако-девять – на пиявке?

– На дирижабле? – неуверенно предположил Том. – Но где его теперь найти? Они стаями взлетали из гавани с самого начала обстрела и, судя по натужному гудению двигателей, заполненные до отказа.

Эстер внезапно остановилась, и Селедка испуганно спрятался за Тома.

– «Дженни Ганивер» здесь, – выдохнула она, глядя на мужа счастливыми глазами. – В этом дурацком музее Пеннирояла. Нас дожидается. Мы угоним ее, Том! Когда-то это неплохо у нас получалось!

После короткого объяснения все трое поспешили на Олд-Стайн. Сквозь дым слышались крики и звон бьющегося стекла. На фонарных столбах покачивались трупы муниципальных чиновников и подававших надежды актеров. Эстер шла впереди с револьвером на изготовку, а Селедка не сводил глаз с женщины, которую поклялся убить. Он и сейчас не

отказывался от данного слова, но уж слишком боялся ее. И еще его смущало то, как она смотрела на Тома – с нежностью, и в эти минуты Селедка думал, что, может быть, Эстер не такая уж злющая и что, наверное, было бы здорово жить вместе со всеми Нэтсуорти. Он робко взял Тома за руку.

– Ты всерьез говорил насчет меня? Ну, что я с тобой поеду? Ты возьмешь меня с собой в Винляндию?

Том кивнул и ободряюще улыбнулся мальчику:

– Мы только заскочим по дороге на Облако-девять.

Но на Олд-Стайн их взгляду предстали лишь оборванные тросы, валяющиеся вокруг станции подъемника. Облако-9 исчезло.

– О Квирк! – в отчаянии закричал Том. – Где это чертово Облако!

Ему и в голову не приходило, что летающей палубы может не оказаться на месте. Пусть повреждена, как весь Брайтон, но все там же, над городом, вместе с дочерью, дожидающейся спасения. Теперь он видел, каким был самонадеянным. Ну конечно, летающий дворец, подвешенный на воздушных шарах, для штурмовиков Зеленой Грозы все равно что кость для голодных псов!

– Рен… – в ужасе прошептал Том.

Ему не верилось, что боги привели его так близко к дочери, чтобы снова отнять ее у него.

Эстер взяла его за руку и крепко сжала:

– Держись, Том! Если мы уберемся с этой свалки, то, возможно, сумеем отыскать это дурацкое Облако-девять, в воздухе или в море. Помни, что там руководит Пеннироял, а из него боец никудышный!

Она показала на покрытый грязными пятнами белый фасад музея и вывеску «Приключения Нимрода Пеннирояла». Переднюю стену угрожающе исполосовали трещины и выпучило над тротуаром, входные двери сорваны с петель. Эстер показывала дорогу Тому и Селедке, а сама мучилась страшным предчувствием, что кто-нибудь еще в поисках средства спасения опередил ее, пришел и забрал «Дженни». Но, добежав до верха лестницы, она увидела, что старый воздушный корабль стоит на том же месте. Стеклянная крыша разбита, осколки рассыпаны по полу и оболочке корабля, но никаких повреждений нет. Дирижабль даже немного почистили и вывели сбоку большую цифру 1, подготавливая к регате. Более того, на подвески установили две маленькие ракеты.

Позади нее Том добрался до верха трапа и остановился, не в силах сдержать слезы.

– Эт! – произнес он срывающимся голосом. – О Эт! – Том засмеялся

над собственной слабостью и вытер слезы. – Это же наша «Дженни»!

– Ну и старая калоша! – воскликнул Селедка, натягивая пальто, прихваченное снизу с одной из восковых фигур.

– Селедка, пойди включи свет в зале, – попросил Том и влез в гондолу.

От старого корабля пахло музейной пылью. Он нагнулся, пролезая под провисшими проводами, и нежно провел рукой по знакомым контрольным приборам на панели управления. В зале зажглись огни, освещая кабину через свежевымытые окна «Дженни».

– Помнишь, как завести двигатели? – спросила из-за спины Эстер тихим голосом, каким разговаривают в храме.

– Конечно, – тоже прошептал Том. – Такое не забывается!

Он благоговейно взялся за рукоятку и потянул. У него над головой открылся люк, оттуда выпала надувная лодка. От неожиданности Том потерял равновесие и повалился на пол. Ногой запихнул лодку под штурманский столик и потянул за другую рукоятку. На этот раз корпус корабля вздрогнул и завибрировал, а музейный зал наполнился грохотом сдвоенных двигателей Жёне-Каро.

Снаружи Селедка зажал руками уши и, кашляя в клубах выхлопных газов, закричал:

– Как вы собираетесь взлететь?

– Крыша раздвигается! – закричала в ответ Эстер, показывая наверх.

Селедка отрицательно покачал головой:

– Я так не думаю!

Том заглушил двигатели, высунулся из люка и посмотрел на крышу. С включенным в зале светом стало хорошо видно, почему никто другой не воспользовался «Дженни». Толстенный трос, один из тех, что удерживал Облако-9 над Брайтоном, упал с высоты поперек крыши музея, отчего побились стекла над воздушным кораблем и безнадежно прогнулись тонкие рамы.

– О всемогущий Квирк! – в очередной раз жалобно воскликнул Том.

Ему начинало казаться, что его бог играет с ним в злые игры. Если и дальше так будет продолжаться, не придется ли подумать о принятии другой веры!

Он побежал в кабину экипажа к Эстер.

– Крыша сломана. Мы не сможем раздвинуть створки!

– Сюда идут! – закричал Селедка, выглядывая на улицу в музейное окно. – Целая толпа. Похоже, Пропащие Мальчишки решили проверить, что здесь за шум!

Эстер посмотрела через носовые окна «Дженни» на крышу:

– Как думаешь, сможем подняться напролом?

Том покачал головой:

– Этот трос толще нас обоих, вместе взятых. Мы в ловушке.

– Не горюй! – успокоила его Эстер. – Что-нибудь придумаем.

Она сосредоточенно закрыла глаза. Селедка бегал от окна к окну, крича что-то о Пропащих Мальчишках.

Эстер открыла глаза, взглянула на Тома и ухмыльнулась:

– Придумала!

Она принялась щелкать выключателями на длинной запылившейся панели управления. «Дженни Ганивер» дернулась, бросив Тома назад. В неразберихе взревевших двигателей и болтанки корабля, освободившегося от швартовочных захватов, он не сразу понял, что происходит. Но когда волной от двойного взрыва повыбивало стекла музейных окон, а «Дженни» приподнялась и поплыла вперед, Том понял, что Эстер выпустила обе ракеты в поврежденную стену фасада, и та обрушилась на улицу, образовав достаточно просторный проем, чтобы маленький корабль мог протиснуться наружу и взлететь.

– Селедку забыли! – что есть мочи завопил Том, стараясь перекричать оглушительный скрежет подвески двигателя о сломанную стену.

– Какая потеря! – бросила через плечо Эстер.

– Вернись!

– Том, он нам не нужен! Персона нон грата!

Том пробрался к открытому люку и, выглянув наружу, позвал Селедку по имени. Мальчик бежал за гондолой, протягивая руки; на белом от осыпавшейся штукатурки лице, похожем на клоунскую маску, застыл ужас. Он кричал, но Том не слышал слов из-за грохота двигателей и глухого шума в ушах после взрывов ракет, однако ему и так было ясно.

– Вернитесь! – раскрывал рот Селедка, а «Дженни Ганивер» сквозь дым и пыль поднималась над площадью Олд-Стайн, забитой изумленными Пропащими Мальчишками и мародерами, и еще выше, в родное ей небо. – Не бросайте меня! Мистер Нэтсуорти! Пожалуйста, вернитесь! Вернитесь! Вернитесь!

* * *

«Дженни Ганивер» летела, виляя в разные стороны, потому что Том и Эстер отталкивали друг друга от панели управления.

– Ради Квирка! – кричал Том. – Мы должны вернуться! Мы не можем

бросить его!

Эстер оторвала его руки от рычагов и сильно толкнула. Он ударился о штурманский столик и осел на пол, охнув от боли.

– Забудь о нем, Том! – крикнула Эстер. – Ему нельзя верить. И он назвал «Дженни» старой калошей! Его счастье, что не получил ножом в бок!

– Он еще ребенок! Что с ним будет, если мы бросим его!

– Кому какое дело! Это же Пропащий Мальчишка! Забыл, что он сделал с Рен?

«Дженни» вдруг вышла из слоя дыма, который остался внизу метрах в двадцати, похожий на поле грязного снега, и теперь вокруг было прозрачное небо и луна. Вдалеке по левому борту из дыма торчали усыпанные огоньками верхние ярусы Ком-Омбо и Бенгази. Рядом сновали во всех направлениях воздушные корабли, но никому не было дела до «Дженни Ганивер». Эстер внимательно осмотрела небо впереди и далеко в южном направлении разглядела потрепанные аэростаты Облака-9. Она повернула «Дженни» в их сторону, зафиксировала рули и опустилась на колени перед Томом. В глазах у него застыло странное выражение, и Эстер вдруг поняла: он боится ее! Она рассмеялась, взяла в руки его лицо, поцеловала и слизала соленые слезинки в уголках рта, но Том лишь отвернулся. Теперь уже ей стало страшно. Не слишком ли далеко она зашла на этот раз?

– Слушай, ну хочешь, вернемся? Ошиблась в панике, с кем не бывает? – сказала она, хотя на самом деле считала, что все сделала правильно. – Ну, не сердись, пожалуйста, прости!

Том отстранился и с трудом поднялся на ноги. У него в глазах все стояла странная улыбка, которая играла на лице Эстер в Перечнице, когда она выстрелами прокладывала для них дорогу на свободу.

– Ты получаешь от этого удовольствие! Так ведь? Тебе нравилось убивать людей Шкина, ты наслаждалась этим!

– Они работорговцы, Том. Нелюди. Они продали в рабство нашу Рен, нашу маленькую девочку! Мир стал лучше без них.

– Но…

Эстер замотала головой и закричала в ярости и нетерпении. Ну почему он не понимает?

– Послушай, – начала она, – ты и я, мы просто маленькие людишки, так? И мы всегда были и будем маленькими людишками, которые стараются прожить, как могут, свою собственную жизнь. Но наша жизнь всегда будет зависеть от таких людей, как Дядюшка, Шкин, Масгард,

Пеннироял и… и Валентайн. Да, приятно чувствовать себя такой же сильной, как они, приятно давать им отпор и даже чуть-чуть сводить счеты!

Том безмолвствовал. В свете инструментальной панели Эстер заметила свежую шишку, вскочившую у него на голове в том месте, где он ударился о штурманский столик.

– Бедный Том! – Она наклонилась, чтобы поцеловать его, но он снова резко отвернулся и посмотрел на датчики уровня горючего.

– Баки заполнены только наполовину, – заметил он. – Ты знала это с самого начала. Если мы сейчас вернемся, то можем не долететь до Рен. Впрочем, какая разница, все равно Пропащие Мальчишки уже добрались до Селедки.

Эстер пожала плечами, не зная, что сказать. Она хотела обнять Тома, но боялась, он опять не позволит. Его непонятная одержимость чужим мальчишкой злила ее. Почему ему все время необходимо переживать за кого-то постороннего? Эстер взяла себя в руки и сказала примирительно:

– Селедка сумеет позаботиться о себе.

Том посмотрел на нее с надеждой, ему хотелось верить ей.

– Ты думаешь? Он такой маленький…

– Да ему уже все двенадцать. Я жила одна на Открытой территории, когда была не намного старше, и справилась. А ведь меня никто не обучал в Грабиляриуме. – Она коснулась щеки Тома. – Мы спасем Рен. Потом разыщем горючее. В Брайтоне как раз поутихнет, мы вернемся и заберем Селедку.

Эстер обняла мужа, и на этот раз Том не отстранился, хотя и не обнял ее в ответ. Она поцеловала его, провела рукой по волосам, уже не таким густым, как в молодости. Ей совсем не хотелось ссориться с ним. И она ненавидела Селедку, из-за которого возник этот спор. Было бы хорошо, если бы другие Пропащие Мальчишки уже играли в футбол его вшивой головенкой!

Глава 33
Отбытие

Тео и Рен не стали дожидаться, когда солдаты Грозы снова возьмут их в плен. Пробегая через парк, они услышали, как между деревьями эхом разнесся предсмертный крик Сталкера Фанг.

– Что это было? – остановилась Рен, напуганная жутким звуком.

– Не знаю, – ответил Тео, – но наверняка что-то нехорошее.

Оба нырнули в кусты, когда мимо пробежал еще один взвод грозовиков. На солдатских касках играли блики оранжевого света. Рен оглянулась и увидела, что над Шатром занимается зарево пожара.

– Тео! Горит!

– Знаю, – тихо произнес он, думая о чем-то своем.

Тео стоял очень близко, так что Рен в отсветах пожара могла разглядеть гусиную кожу на его обнаженной груди и что он чуть дрожит от холода. Вдруг Тео обнял ее обеими руками и сказал:

– Тебе надо вернуться, Рен. Облако-девять падает. В плену ты будешь в большей безопасности. Мне назад пути нет, но тебя они пожалеют. Нага и эта женщина, Зеро, кажутся неплохими людьми. Тебе надо вернуться!

– А как же ты? – спросила она. – Я не могу бросить тебя здесь одного!

– За меня не беспокойся, – сказал он, а потом повторил, стараясь говорить более уверенно: – За меня не беспокойся! Эта штука опускается медленно. Приземлится – пойду по пустыне на юг. В горах Тибести, к югу от песчаного моря, есть оседлое поселение. Может, удастся добраться до него пешком.

– Нет! – заявила Рен и отстранилась от Тео, потому что, когда он обнимал ее, у нее переставали соображать мозги и ей хотелось соглашаться с любыми его словами, даже если где-то глубоко внутри она понимала, какая это чепуха. Допустим, он уцелеет при падении Облака-9, однако отправляться пешком через пустыню – просто самоубийство! – Я остаюсь с тобой! Будем вместе искать выход из положения – и точка! Пошли, надо вернуться на аэродром, – может, найдется какая-нибудь несломанная летающая машина.

Она зашагала через пропахшие дымом оранжереи, испытывая необъяснимое чувство надежды и весьма довольная собой. Но когда они добрались до аэродрома, то увидели, что разрушения здесь намного превосходят их ожидания. Сборные ангары и бараки Летучих Хорьков

раскурочены и разбросаны по территории, от не успевших взлететь аппаратов остались лишь обугленные обломки.

Среди развалин летнего домика, где накануне Рен разговаривала с Орлой Дубблин, нелепо торчала вешалка, на которой еще более не к месту висели две длинные кожаные куртки на овечьем меху. Хоть здесь повезло! Рен кинула одну Тео, и тот с благодарностью натянул ее на себя, повесив вместо нее свои серебристые крылья, будто ангел, изгнанный из рая.

Облачаясь в другую куртку, Рен уже обдумывала новый план.

– Ну хорошо, – заключила она, – может быть, мы действительно окажемся в пустыне. Нам понадобится вода и пища. И компас тоже пригодится!

Но Тео не слушал. Его внимание привлекло шуршание в кустах за аэродромом. Знаком он призвал Рен сохранять тишину.

– О боги! – прошептала она. – Только не Зеленая Гроза!

Но это был Нимрод Пеннироял. Первую пулю Шкина остановила Жестяная Книга в кармане мантии мэра, сломав ему несколько ребер, а вторая скользнула по виску, отчего он потерял сознание и все лицо ему залило кровью. Однако Пеннироял пришел в себя и дотащился до аэродрома с той же мыслью, что Рен и Тео, – найти способ улететь с Облака-9. Жалобно глядя на них из кустов, он прохрипел:

– Помогите!

– Оставь его, – посоветовал Тео, когда Рен направилась к мэру.

– Не могу, – ответила Рен, в душе сожалея об этом.

После всего зла, которое причинил ей Пеннироял, он не заслуживал сострадания. Но если она не поможет ему, станет такой же плохой. Рен опустилась на колени возле раненого и оторвала от нижнего края блузки полосу ткани, чтобы перевязать его.

– Хорошая девочка, – прохныкал Пеннироял. – Кажется, я еще сломал ногу, когда падал… Этот дьявол Шкин! Гад! Выстрелил в меня! Ранил, а сам улетел!

– Зато вы теперь знаете, каково было бедному Тому Нэтсуорти, – наставительно сказала Рен.

Через повязку выступила кровь. Рен пожалела, что в свое время не уделяла должного внимания урокам оказания первой помощи, чему учила их миссис Скабиоз дома, в Винляндии.

– Ну, тогда было совсем другое дело, – начал Пеннироял. – Это было… Великий Поскитт! – спохватился он. – Откуда тебе известно о Томе Нэтсуорти?

– Потому что я его дочь, – пояснила Рен. – Шкин сказал вам правду

обо мне. Том – мой отец. Эстер – моя мать.

Из горла Пеннирояла послышались какие-то булькающие звуки, его глаза выпучились от ужаса и страдания. Он следил, как Рен отрывает еще одну полосу ткани от своей блузки, словно боясь, что его сейчас станут душить ею, как удавкой.

– Хоть кто-нибудь на этой проклятой летающей тарелке на самом деле является тем, кем себя называет? – произнес он слабым голосом и тяжело обмяк на руках у Рен.

– Умер? – спросил Тео, приблизившись.

Рен отрицательно покачала головой:

– Рана неопасная. Обычный обморок. Надо помочь ему, Тео. Он спас нас от Синтии.

– Да, но только для того, чтобы заполучить назад свою Жестяную Книгу, – возразил Тео. – Оставь его здесь. Может, грозовики найдут его и возьмут с собой, когда будут убираться отсюда…

Но тут позади них, из-за деревьев, отбрасывая в дымке длинные тени, в реве аэродвигателей начали набирать высоту Женьшеневые Мотыльки и Лисицы-оборотни и осторожно пролетать сквозь оснастку Облака-9. Зеленая Гроза уже убиралась отсюда.

* * *

Энона Зеро пришла в сознание из-за ядовитого запаха горящих штор. Голова болела. Девушка хотела глубоко вздохнуть, но едкий дым попал в легкие, она закашлялась и перевернулась на спину.

Над ней языки пламени накатывались на разукрашенный потолок бального зала чередующимися волнами, словно какая-то светящаяся жидкость. Энона с трудом приподнялась, пытаясь нащупать свои очки, но они были разбиты, а огонь подобрался уже совсем близко. На горящем полу валялись почерневшие страницы Жестяной Книги.

Энона бросилась в колеблющуюся огненную завесу и выбежала на прогулочную палубу. Там творилось что-то невообразимое: смешались дым, сполохи пожара, бегущие люди… Она ринулась в эту кашу в поисках лестницы, но у нее на пути встал генерал Нага. Энона попятилась, споткнулась о туловище Сталкера и беспомощно села на него, в полной власти закованного в железные доспехи человека.

– Доктор Зеро, – обратился к ней генерал Нага, – это… это нападение… ваших рук дело?

Энона знала, что сейчас он убьет ее. Страх переполнил ее до такой степени, что стал сочиться через рот тихоньким, тоненьким писком. Она зажмурилась и начала шептать молитву богу разрушенной часовни в Тяньцзине, потому что, хотя у нее никогда не хватало времени для богов, уж он-то, думала девушка, наверняка понимает, каково бояться, страдать, умирать… И страх покинул ее, глаза открылись, и за дымом парила луна, полная и белая, и Энона решила, что большей красоты в жизни не видела.

Она улыбнулась генералу Наге и сказала:

– Да, это сделала я! Я запрограммировала секретные инструкции в мозге Сталкера Шрайка. Я заставила его уничтожить Фанг. Это было необходимо.

Нага опустился на колени и взял ее за голову своими большими железными руками. Потом наклонился и неловко поцеловал между бровей.

– Превосходно! – восклицал он, помогая ей встать. – Превосходно! Натравить Сталкера на Сталкера, а?

Он повел ее прочь от пожарища мимо озаренных огнем, остолбенело озирающихся солдат и авиаторов по лужайке к пришвартованному «Погребальному грому». По пути взял чью-то накидку и укутал ею дрожащую девушку.

– Вы даже не представляете себе, как долго я ждал этого дня! – говорил генерал. – О-о-о, в первые годы Фанг прекрасно сыграла роль вождя, но время идет, конца войне не видно, а она все расходовала попусту людей и корабли, будто карточные фишки. Сколько я ни пытался придумать способ… А вы сделали это! Вы избавили нас от нее!.. Кстати, ваш друг мистер Шрайк убежал куда-то. Он не опасен?

Энона сокрушенно покачала головой, вообразив, что, должно быть, пришлось пережить Шрайку.

– Трудно сказать. Я временно отключила в мозге Сталкера некоторые ячейки памяти, чтобы освободить место для моей секретной программы, но теперь, когда миссия выполнена, в его сознании может всплыть множество воспоминаний из давнего прошлого. Для него это настоящее потрясение, способное вызвать помешательство… Бедный мистер Шрайк!

– Мы говорим о машине, доктор, – напомнил Нага.

– Нет, он не просто машина. Прикажите своим людям отыскать его, генерал!

Нага небрежным взмахом руки ответил на приветствие двух часовых и вскарабкался по сходне «Погребального грома». В гондоле усадил Энону в кресло. Она вдруг почувствовала себя ужасно усталой. С полированной поверхности металлической груди генерала на нее смотрело собственное

лицо, перепачканное кровью и сажей, голое и беззащитное без очков. Нага отечески похлопал ее по плечу и хрипло пробормотал:

– Тихо, девочка, тихо, – словно успокаивал испуганную собачку. Истинный воин, он был неловок в отношениях с женщинами и не знал, что такое ласка. – Вы очень храбрая молодая особа!

– Нет, я боялась! Страшно боялась…

– В этом-то и заключается храбрость, дорогая моя, – в преодолении страха. А вот если бы не боялись, тогда не считается! – Из кармашка в доспехах генерал достал фляжку. – Вот, глотните бренди, помогает восстановить душевное равновесие! Мы, конечно, не станем во всеуслышание трубить о вашей причастности… Нам придется, хотя бы формально, объявить траур в связи с кончиной Сталкера Фанг. Обвиним в ее смерти городских! Это поднимет боевой дух войск, как никогда с самого начала войны! Мы начнем наступление на всех фронтах! Отомстим за гибель вождя!

Энона закашлялась от резкого вкуса бренди и отодвинула от себя фляжку:

– Нет! Война должна закончиться…

Нага засмеялся, неправильно истолковав ее слова:

– Зеленая Гроза по-прежнему способна одерживать военные победы и без того, чтобы нами помыкала эта железная ведьма! Не волнуйтесь, доктор Зеро! Без нее мы справимся еще лучше. Эти варварские ползучие города встанут у нас на вечную стоянку! А когда я займу место вождя, вы будете вознаграждены – дворцы, деньги, любая должность, какую захотите…

Ошеломленная, Энона только головой покачала. Глядя, как этот бронированный человек ковыляет по тесной, израненной в боях гондоле, девушка начинала понимать, что недооценила Зеленую Грозу. Этих людей выковала война, и они сделают все возможное, чтобы мир никогда не наступил.

– Нет, – повторила Энона, – я не для этого…

Но генерал Нага, уже забыв о ней, отдавал приказ своим подчиненным:

– Передайте сообщение по всем каналам: Сталкер Фанг пала смертью храбрых в бою. Необходимо сохранять спокойствие и стойкость в этот трагический момент и так далее… Для продолжения нашей победоносной борьбы против варварского движенчества я принимаю на себя высшее командование… И подготовьте «Погребальный гром» к отлету. Хочу успеть в Тяньцзин, пока какой-нибудь наш товарищ не надумал узурпировать власть!

– Как поступить с пленными, генерал?

Нага помедлил, бросил взгляд на доктора Зеро и сказал:

– Не хочу начинать свое правление с побоища. Взять их на борт!.. Но только, пожалуйста, велите этой женщине, Пеннироял, перестать петь!

* * *

Сталкер Шрайк наблюдал из укрытия в кустах, как абордажный отряд Зеленой Грозы спешно возвращался на борт «Погребального грома». Кто-то звал через громкоговоритель:

– Мистер Шрайк! Мистер Шрайк! Возвращайтесь на корабль! Мы отбываем!

Шрайк догадался, что его наверняка разыскивают по приказу доктора Зеро, и чувствовал благодарность за это, но своего присутствия в кустах все же не выдал. Он должен остаться на Облаке-9. Среди пленных, которых затолкали в штурмовик, не было той девочки, что попалась ему на глаза возле бального зала. Если она здесь, значит и ему надо быть здесь. Чутье подсказывало Шрайку, что девочка каким-то, пока непонятным, образом связана с Эстер. Может быть, держась рядом с ней, он снова встретит Эстер…

Глава 34
«Право собственности нашедшего»

Селедка лежал в дюнах, бесконечно тянувшихся вдоль берега. Окоченевший от холода и обиды, он наблюдал, как Брайтон запустил свои истерзанные двигатели и, хлопая по воде уцелевшими колесами, сикось-накось поплыл прочь. Вместе с дымом над водой разнесся громогласный ликующий вопль Пропащих Мальчишек.

Селедка был на волоске от гибели, но ему повезло. Когда мальчишки взяли штурмом музей, он успел убежать через черный ход и пробирался сквозь уличные пожарища, плача и безнадежно повторяя: «Мистер Нэтсуорти, вернитесь, вернитесь…» – пока наконец не уперся в перила смотровой площадки на городской корме и, не задумываясь, спрыгнул вниз, ища спасения в море.

Ему едва хватило сил доплыть до берега, и он чуть не захлебнулся в прибое. И теперь, усталый и замерзший, вынужден был снова спасаться, потому что мимо него через дюны катились голодные города пустыни, а свирепые пригороды-амфибии сползались к нему, привлеченные обломками воздушных кораблей и летательных аппаратов, которые устилали прибрежный песок и плавали в набегающих волнах. Селедка никогда в жизни не был так близко от движущихся городов и не верил своим глазам, когда их гигантские колеса вздымались над ним, казалось, до самого неба, а земля ходила ходуном, если один из них проезжал, тяжело переваливаясь, совсем близко. Задыхаясь в выхлопном дыму и тучах поднятого колесами песка, он увертывался от страшных монстров, пока не убежал далеко в пустыню.

Вот теперь он действительно стал самым настоящим пропащим мальчиком. Селедка понятия не имел, где он и куда направляется, просто бежал и бежал, час за часом, переползая через песчаные барханы, спотыкаясь на сухих каменистых равнинах и скалистых холмах. Его пугали темные непроглядные тени, которые становились еще чернее по мере того, как луна опускалась к западному горизонту. Наконец он свалился без сил на берегу высохшего ручья, поджал к груди и обнял руками, чтобы согреться, окоченевшие колени и захныкал вслух:

– Что теперь станется с бедным маленьким Селедкой?

Никто ему не ответил, и это было страшнее всего. Он привык, что рядом всегда находились наставники. Но Гаргл, Ремора и Рен покинули его

в беде; фальшивые мамы и папы одурачили; мистер Шкин не оправдал ожиданий, а Том Нэтсуорти отказался от него. И все же Селедка сейчас предпочел бы оказаться вместе с любым из них, чем торчать здесь, посреди ночной пустыни, в полном одиночестве.

Что-то лежащее поблизости сверкнуло в лунном свете. Селедка, которого с младенчества приучили подбирать все блестящее, не раздумывая, подполз поближе.

На него с песка смотрело лицо. Оно было бронзовое и довольно сильно помятое. Селедка взял его в руки. Вместо глаз – дырки. Губы слегка раздвинуты в улыбке, которая показалась Селедке ободряющей, а само лицо – прекрасным. Он приложил его к собственному лицу и посмотрел через дырки на заходящую на западе луну. Потом сунул маску за пазуху и продолжил путь, чувствуя себя значительно лучше в предвкушении, что в этой пустыне его ожидают новые ценные находки.

Через несколько десятков метров его острое зрение уловило какое-то шевеление на дне высохшего русла. Насторожившись, как дикий зверек, мальчик подкрался поближе. По гальке ползла оторванная кисть руки. Она оказалась металлической и передвигалась с помощью пальцев, похожая на краба без половины ног. В месте отрыва виднелись провода, какие-то детали и что-то похожее на кость. Замерев, Селедка понаблюдал за рукой и, поскольку в ее движении ощущалась целенаправленность, решил идти следом.

Вскоре навстречу стали попадаться другие, уже не такие деятельные части тела: оторванная металлическая нога, лежащая поперек валуна, согнутая не в ту сторону; туловище, все в дырах и вмятинах. Кисть все это как бы обнюхала, а затем поползла дальше. Через сотню метров нашлась другая кисть, уже вместе с сохранившейся большей частью руки, которая карабкалась вверх по склону из гальки и небольших булыжников туда, где росли несколько чахлых акаций.

Там лежала голова – лицо высохшей мумии в оболочке металлического черепа, окруженное перепутанными проводами, шнурами и кабелями. Голова выглядела безжизненной, но когда Селедка присел рядом на корточки, то понял, что она ощутила его присутствие. Линзы стеклянных глаз были разбиты, но тонкий механизм внутри двигался и пощелкивал, будто силился видеть. Мертвый рот шевельнулся и прошептал так тихо, что Селедка едва расслышал:

– Я повреждена.

– Да, есть маленько, – согласился Селедка. Ему стало жалко эту одинокую несчастную голову. Он спросил: – Как тебя зовут?

– Я Анна, – прошептала голова. Но тут же поправилась: – Нет-нет, Анна мертва. Я Сталкер Фанг.

У головы было два голоса – один резкий, командный; а второй неуверенный, удивленный.

– Нас забрали на Архангельск, – сказал второй голос. – Мне семнадцать лет, я рабыня четвертой категории на верфях Стилтона Каэля, но строю собственный корабль и…

Тут зашипел первый голос:

– Нет! Это было давно, в жизни Анны, а Анна мертва! Сатия, дорогая, это ты? Я в такой растерянности…

– А меня зовут Селедка, – представился Селедка, тоже слегка растерянный.

– Кажется, я повреждена, – сказала голова. – Валентайн обманул меня… Шпага в сердце… Мне так холодно… Так холодно! Да, теперь я помню. Я помню! Машина этой Зеро… А генерал Нага находился рядом и допустил… Меня предали!

– Меня тоже предали, – вздохнул Селедка.

Он разглядел погнутые крепления по вырезу черепа, на которых держалась бронзовая маска, достал ее из-за пазухи и старательно приладил на место.

– Пожалуйста, помоги ей, – прошептала голова и тут же: – Ты отремонтируешь меня!

– Я не умею…

– Она… Я научу!

Селедка огляделся вокруг. Детали Сталкерского тела потихоньку подползали к нему по песку, ориентируясь на голову. Скребущие движения пальцев рук напомнили ему о краб-камах, которых он чинил по заданию Гаргла.

– Я мог бы попробовать, – сказал Селедка, – но только не здесь. Мне нужны инструменты и все такое. Вот если бы собрать все твои детали, найти какой-нибудь город или еще что-то…

– Сделай так, – приказала голова. – Затем я отправлюсь на восток. В Шань-Го, в мой дом в Эрдэнэ-Теж. Я отомщу однаждырожденным! Да, да…

– Я пойду с тобой, – вызвался Селедка, которому больше не хотелось, чтобы его бросали. – Я тебе пригожусь! Я буду помогать.

– Я знаю тайну Жестяной Книги, – прошептала голова, разговаривая сама с собой. – Коды сохранены в моей памяти. Я вернусь в Эрдэнэ-Теж и разбужу ОДИНа!

Для Селедки все сказанное было очень непонятным, но он радовался уже тому, что кто-то им руководил, пусть это всего лишь голова. Он поднялся на ноги. Неподалеку на ветках куста трепыхалась на ветру порванная серая мантия. Селедка снял ее, завязал узлы на прорехах, и получилось что-то вроде мешка. Затем начал собирать в него разбросанные части туловища, пока голова Сталкера Фанг нашептывала себе о Мире, который Снова Стал Зеленым.

Глава 35
В воздушном плену

После ухода Зеленой Грозы на Облаке-9 воцарилось непривычное безмолвие. Ветер по-прежнему свистел в натянутых стропах, сохранившиеся аэростаты с шорохом терлись друг о друга, время от времени слышался грохот обрушивающихся перекрытий в горящем Шатре, но все эти звуки издавал не человек, а потому их вроде бы и не было.

Тео и Рен перенесли все еще бесчувственного Пеннирояла в кипарисовую рощу между ангаром, где раньше стоял «Чибис», и кустами с дорожкой-лабиринтом. В центре рощи находился фонтан, Пеннирояла положили возле него и постарались устроить как можно удобнее. Потом Тео лег сам, закинув руки за голову, и тоже уснул. Рен удивилась; она и сама устала до предела, но точно знала, что ни за что не заснет из-за страха и переживаний. Конечно, ему проще, размышляла Рен. Тео воевал и, наверное, привык ко всяким неприятным неожиданностям.

– Фифи, птичка моя, я все объясню! – пробормотал Пеннироял, пошевелился и приоткрыл глаза. Увидел сидящую рядом Рен и сказал с облегчением: – А, это ты!

– Спите дальше, – бросила ему Рен.

– Знаю, ты плохо обо мне думаешь, – проворчал Пеннироял. – Послушай, мне очень жаль, что так получилось с твоим отцом, правда жаль! Ах, Том, бедный юноша! Я не хотел причинять ему зла. Это был несчастный случай, клянусь!

Рен поправила повязку у него на голове.

– Дело не только в этом, – сказала она. – Вот ваша книга, например. В ней же сплошная ложь! О мисс Фрейе, об Анкоридже, о том, что моя мама якобы заключила сделку с охотниками…

– А вот это как раз чистая правда, – запротестовал Пеннироял. – Признаю, я немного приукрасил некоторые события, исключительно ради интереса читателя, но именно Эстер Шоу привела Архангельск на нашу голову. Да она сама мне об этом сказала! Я, говорит, направила сюда охотников, потому что хотела вернуть себе Тома. Для меня, мол, он и есть «золото хищников»! А через несколько месяцев встречаю я в толпе беженцев из Архангельска очаровательную юную особу по имени Джулиана, невольницу, которая была в служанках у этого деревенщины, Масгарда, и, по ее словам, присутствовала при заключении сделки. Мол,

пришла к хозяину пилотесса, молодая, почти девочка, с ужасным шрамом через все лицо, и рассказала о местонахождении Анкориджа.

– Я вам не верю, – сердито произнесла Рен и ушла в оранжерею, оставив Пеннирояла в одиночестве.

То, что он сказал, просто не может быть правдой. Пеннироял снова принялся за старое, переворачивает факты с ног на голову. «Но почему он настаивает на истинности именно этого эпизода, признавая, что все остальное – выдумки? – с тяжелым сердцем подумала Рен. – Может, он сам поверил в это? Мама запросто могла сказать ему, чтобы, к примеру, напугать. А что касается свидетельства масгардовской рабыни, так мало ли на свете пилотесс со шрамами – профессия опасная…»

Она тряхнула головой, отгоняя тревожные мысли. Ей было о чем побеспокоиться помимо дурацких измышлений Пеннирояла. Облако-9 неустойчиво болталось у нее под ногами, в ночном воздухе раздавался натужный скрип перегруженных строп. Дым стелился по накренившимся газонам, прикрывая от взора мертвые тела и еду, упавшую с опрокинутых столиков. Рен подобрала несколько бутербродов и съела, стоя и глядя на Шатер. Трудно поверить, что сталось с недавно прекрасным зданием. Покосившиеся стены в грязных пятнах, единственный свет в разбитых окнах – красные сполохи пожара. Большой центральный купол вспучился, как чрезмерно надутый воздушный шар. Над ним висели почерневшие от копоти аэростаты; они еще держали, но самые мощные языки пламени, вырывающиеся с крыши гостевого крыла здания, угрожающе облизывали нижнюю часть их оболочек.

Поглощенная этим зрелищем, Рен не сразу ощутила, что кто-то стоит рядом и смотрит на нее.

– Тео, ты? – сказала она, оборачиваясь.

Но это был не Тео.

Вздрогнув, она поскользнулась на образовавшемся склоне и шлепнулась на попу, икая от страха. Сталкер не двигался, только чуть балансировал на покачивающейся под ногами почве. Он не отводил взгляда от Рен. Что еще мог поделать Шрайк, кроме как молча стоять и смотреть своими круглыми зелеными лампами вместо глаз? Отблески пожара сияли на его помятых доспехах и испачканных когтях. Голова подергивалась. Из ран вытекала смазка.

– ТЫ НЕ ОНА, – констатировал Сталкер.

– Нет! – по-мышиному пронзительно с готовностью пискнула Рен.

Она понятия не имела, о ком говорит этот ужасный монстр, но спорить с ним не собиралась. Потом заерзала, стараясь отползти от него подальше.

Сталкер не спеша подошел ближе и снова остановился. Рен казалось, ей слышно, как внутри металлического черепа с жужжанием вертятся невидимые шарики.

– ТЫ КАК ОНА… НО ТЫ НЕ ОНА, – талдычил свое монстр.

– Да знаю, нас все время путают! – снова поспешила согласиться Рен, не понимая, за кого тот принимает ее.

«Бежать не имеет смысла», – сказала она себе, но ее тело, переполненное страстным желанием жить, не хотело слушать. Рен вскочила и бросилась наутек, поскальзываясь на мокрой траве, оступаясь на склоне накренившейся палубы.

– ПОСТОЙ! – взмолился Шрайк. – ПОМОГИ МНЕ! Я ДОЛЖЕН НАЙТИ ЕЕ!

Он побежал было следом, но тут же остановился.

Страх и отвращение на странно знакомом лице девочки привели Шрайка в смятение. Преследованием он только напугает ее еще больше. Он проводил взглядом растворившуюся в дымке фигуру. Позади него центральный купол Шатра провалился в бальный зал, подняв тучу искр. Огненные обломки полетели мимо, падая на фонтаны, цветочные клумбы и даже через край накренившейся летающей палубы вниз, в пустыню. Но Шрайк их будто не заметил; стоял, настороженно склонив голову и прислушиваясь. За шумом пожара его чуткий слух уловил далекое гудение аэродвигателей.

* * *

С колотящимся сердцем, хватая ртом воздух, Рен нырнула обратно под защиту кипарисовой рощи. Пеннироял спал или опять потерял сознание, зато Тео сразу вскочил на ноги:

– Рен, что?

– Сталкер! – еле выдохнула она. – Зеленая Гроза оставила здесь Сталкера! Того большого урода, который подрался с другим…

Пеннироял застонал и пошевелился. Тео потихоньку отвел Рен в сторону.

– Рен, если бы этот Сталкер хотел убить нас, то давно бы нашел, правильно? И побежал бы за тобой, и был бы уже здесь!

Рен задумалась:

– Кажется, он ранен.

– Ну, вот видишь!

– Или сошел с ума, – добавила она, вспомнив, какую чепуху нес Сталкер, разговаривая с ней, и нервно хихикнула. – Знаешь, если предназначение нормальных Сталкеров убивать людей, то сумасшедший Сталкер – как раз тот, с которым обычно остаются наедине, застряв на каком-нибудь обреченном висящем острове. Может, он просто хотел обсудить прогноз погоды? Или связать мне в подарок кофточку?

Тео засмеялся:

– Думаю, ничего страшного не произойдет. Если и дальше будем с такой скоростью терять газ, то приземлимся в пустыне через какие-то полчаса.

– Тебя послушать, так это даже хорошо!

– Это на самом деле хорошо. Посмотри сама!

Она пошла с ним сквозь деревья к дальней опушке рощи. Только короткая, круто обрывающаяся вниз полоса травы отделяла их от края палубы. Стоя у перил, они могли видеть землю и тень Облака-9, скользящую по изгибам барханов и голым каменистым выступам. И повсюду кучки огоньков и едва заметные в темноте шлейфы пыли обозначали перемещение небольших поселков и деревень, спешащих к месту, где, по их расчетам, упадет Облако-9.

– Города-стервятники! – испугалась Рен. – Они нас сожрут!

– Они сожрут Облако-девять, – поправил ее Тео. – Мы уйдем в пустыню раньше, чем они догонят нас, а потом вернемся и поднимемся на борт одного из них в качестве пассажиров, а не добычи. Возьмем с собой из Шатра золота, или олд-тека, или еще чего-нибудь, чтоб оплатить дорогу. Все будет хорошо!

Его слова успокоили Рен. «Вот что соединило маму и папу, – подумала она. – Когда вместе проходишь через испытания, возникает какая-то объединенность, настолько прочная, что ей ничего не страшно – недоверие, уродливая внешность, – ничего!» Не то чтобы Тео был некрасивый – наоборот! Рен повернула голову посмотреть на него, и их лица оказались так близко, что ее нос даже легонько ткнулся ему в щеку.

И вот тогда, как раз в тот момент, когда Рен знала – сейчас они поцелуются и одна ее половина действительно хотела этого, а другая боялась даже больше, чем городов-стервятников, вот тогда узкая лужайка, на которой они стояли, вдруг ушла у нее из-под ног, как палуба корабля в штормовом море, уронив ее на Тео, а его – на растущее по соседству дерево.

– Черт! – вырвалось у Рен.

Нехорошие дела творились в ореоле из аэростатов над Облаком-9.

Самый большой, центральный, поджариваясь на пламени пожара в Шатре, дал течь, газ вспыхнул и теперь вырывался из прорехи струей голубого огня. Аэростаты поменьше пока оставались неповрежденными, но их подъемной силы было недостаточно, чтобы долго удерживать махину Облака-9. Летающая палуба накренилась еще больше, так что вода из фонтанов и бассейнов вылилась через ее край короткими белыми потоками.

Полетели и твердые предметы; статуи и летние беседки, пальмы в кадках и садовая мебель, раздвижные навесы и музыкальные инструменты сыпались на барханы как манна небесная.

Раскрашенные в камуфляж города-стервятники пустыни, толкаясь и бранясь, еще сильнее заторопились прибыть первыми к месту крушения.

* * *

«Дженни Ганивер» миновала висящий в воздухе слой дыма и пыли и вошла в тень накренившейся поверхности Облака-9. Его нижняя сторона через иллюминаторы левого борта казалась огромной разрушенной стеной, испещренной воронками от снарядов и обгоревшими конструкциями. Эстер направила туда луч прожектора и увидела, как мимо проплыли погнутые настилы для технического обслуживания, предупреждающая надпись полуметровыми белыми буквами: «НЕ КУРИТЬ!» На оборванных кабелях раскачивалась разбитая кабина подъемника, а из нее свисали и развевались в воздухе подолы испачканных кровью бальных платьев и вечерних мантий.

– Мы опоздали, – сказала Эстер. – Никого из живых здесь не осталось.

– Не говори так! – резко оборвал ее Том.

Он все еще не мог успокоиться после недавнего спора. Ссориться дальше не имело смысла, сейчас самое важное найти Рен, но все же что-то изменилось в отношениях между ним и Эстер, и Том не был уверен, что они могут снова стать такими, как прежде. Ее жестокость, невозмутимость, с какой Эстер оставила на произвол судьбы ребенка, потрясли его и заставили задуматься.

Все еще сердясь, Том манипулировал рычагами управления «Дженни», поднимая ее над верхним краем летающей палубы и осторожно проводя сквозь переплетение строп. Ему вдруг захотелось, чтобы вместо Эстер рядом с ним была Фрейя. Уж она-то не бросила бы несчастного Селедку. Она бы сумела вытащить его из башни Шкина, не убивая ради этого всех тех бедняг. И она бы не отказалась так быстро от надежды найти Рен.

– Помнишь Лондон? – обратился он к Эстер. – Помнишь ночь, когда заработала МЕДУЗА, а я как раз прилетел за тобой? Тогда тоже казалось, что все пропало, но я же нашел тебя, правда? Вот и сейчас мы отыщем Рен!

Облако-9 раскачивалось под ними, как дымящее кадило. Эстер направила прожектор на разоренный парк.

* * *

Тео и Рен карабкались на четвереньках по наклонной поверхности, волоча между собой Пеннирояла. Они разыскивали место, где можно будет укрыться, когда летающая палуба коснется земли.

– Молодцы, ребята! – похвалил их Пеннироял, ненадолго очнувшись. – Я позабочусь о том, чтобы вас отпустили на свободу за усердие!

И снова отключился, из-за чего стал невозможно тяжелым.

Они уложили его, чтобы передохнуть, и Рен села рядом. Земля находилась под ними в двухстах метрах, даже меньше. Рен различала отдельные чахлые кустики между длинными изогнутыми каменными выступами, исполосовавшими пустыню. Еще ей были видны окна и двери на верхних палубах города, который спешил параллельным курсом за Облаком-9 на больших бочкообразных колесах. В воздухе носились стоны перегруженных строп. Но вдруг поверх протяжных металлических звуков послышался и стал усиливаться посторонний шум. Рен подняла голову. Через переплетение канатов, тянущихся наискосок над парком, прямо ей в глаза ударил ослепительный луч прожектора. Потом ушел в сторону, высвечивая никому не нужные дорожки между газонами, а на другом конце луча Рен увидела маленький воздушный корабль.

– Смотри! – закричала она Тео.

– Стервятники, – упавшим голосам сказал тот. – Или воздушные пираты…

Очевидно, жители города внизу подумали то же самое, потому что оттуда с шипением взлетела ракета и взорвалась в небе над корабликом. Тот ушел в сторону, потом осторожно возвратился на место; его рулевые плоскости ходили туда-сюда, как плавники любопытной рыбки. Из иллюминатора гондолы высунулось чье-то бледное лицо. Рулевые плоскости снова шевельнулись, подвески двигателей приняли наклонное положение, и корабль приземлился на металлической площадке не так уж близко от Рен и Тео, но и не слишком далеко, чтобы девочка не узнала людей, которые выбрались из гондолы и стали карабкаться к ней по

накренившемуся газону.

Сначала она просто не поверила глазам. Ну не может быть, чтобы и мама, и папа очутились здесь! Рен зажмурилась, стараясь избавиться от пугающей галлюцинации. Да нет же, нет, это не они, дурацкие глаза все врут! Все ясно – потрясения и переживания сказались на ее психике, и теперь к ней стали являться призраки!

Затем кто-то прокричал:

– Рен!

И чьи-то руки обхватили девочку и прижали к телу, и это был отец, он обнимал ее, смеясь и повторяя снова и снова:

– Рен! Рен! – А слезы промыли белые тропинки на его испачканном пылью и сажей лице.

Глава 36
Неожиданные встречи

– Простите меня! – плача, сказала тоненьким голоском Рен. – Простите, пожалуйста! Я такая дура!

Потом она больше не смогла говорить, так как в голову не приходило ничего вразумительного.

– Все хорошо, – успокаивал ее отец. – Самое главное – ты в безопасности, все остальное ерунда…

Папа отпустил Рен, и настала очередь мамы обнимать ее – сильно и крепко. Она прижала лицо дочери к своему костлявому плечу и спросила на ухо:

– Ты в порядке? Тебя не обидели?

– Все хорошо, – ответила Рен, хлюпая носом.

Эстер отступила на шаг и взяла в обе ладони лицо Рен, удивляясь тому, какую сильную любовь к своему ребенку испытывала сейчас. Небывалый случай – она плакала от счастья! Не желая, чтобы Том и Рен видели ее в минуту слабости, отвернулась и только сейчас заметила высокого чернокожего мальчика, который молча ждал в сторонке.

– Мама, папа! – Рен взяла его за руку. – Это Тео Нгони. Он спас мне жизнь!

– Мы оба спасли друг другу жизнь, – застенчиво поправил ее Тео.

У него тоже глаза были мокрые от слез при мысли о том, как его встретят родители, если ему когда-нибудь удастся добраться домой, в Загву.

Эстер подозрительно оглядела красивого юного пилота, а Том пожал ему руку и сказал:

– Добро пожаловать на борт корабля!

Оба повернулись и пошли к «Дженни Ганивер», и Эстер последовала за ними, когда Рен вдруг сказала:

– Постойте, Пеннирояла забыли…

Может, Том и Тео за радостными волнениями не расслышали этих слов, но только не Эстер.

*** * ***

Рен торопилась через рощу к фонтану. Пеннироял, оживившийся при

звуках аэродвигателей, силился встать на ноги. Он широко ухмыльнулся при виде Рен и сказал слабым голосом:

– Ну, что я говорил! Не спеши умирать раньше времени! – Но тут же узнал фигуру, выросшую позади девочки и воскликнул: – О великий Поскитт!

В последний раз Эстер видела Пеннирояла в Анкоридже убегающим в снежную мглу в ту ночь, когда она расправилась с охотниками Архангельска. А последний разговор между ними состоялся накануне в разгромленной кухне в доме мистера и миссис Аакиук. Именно тогда Эстер открыла ему, каким образом охотникам удалось разыскать Анкоридж.

Сейчас лицо Пеннирояла смертельно побледнело под полосами засохшей крови, он, ковыляя, попятился. Эстер двумя прыжками настигла его, сбила с ног и выхватила нож, пока тот извивался и хватал ее за ноги.

– Пожалуйста! – стенал он. – Пощадите! Я вознагражу вас!

– Заткнись! – оборвала его Эстер, нагибаясь так, чтобы не забрызгать кровью новое пальто, обнажая его горло.

Рен с разбегу налетела на мать, оттолкнув ее в сторону.

– Мама, не надо! – завопила девочка.

– Не лезь не в свое дело! – огрызнулась Эстер.

Но Рен не считала, что это не ее дело. Она видела глаза матери, когда та смотрела на Пеннирояла, и они выражали не ненависть, не гнев, не жажду мести, а страх! А почему бы ей бояться этого ничтожного человека, если не из-за того, что сказанное им о ее роли в судьбе Анкориджа – правда? Когда Эстер снова направилась к распростертому на земле мужчине, Рен встала у нее на пути, раскинув в стороны руки.

– Я знаю! – выкрикнула девочка. – Я знаю, что ты сделала! Поэтому, если хочешь заставить его молчать, ты опоздала! Теперь тебе придется убить и меня, чтобы сохранить все в тайне!

– Убить тебя? – процедила Эстер сквозь зубы, схватила Рен за куртку на груди и сильно толкнула так, что та ударилась о дерево. – Да я жалею, что ты вообще родилась!

Она удобнее перехватила нож за стертую костяную рукоятку. Лезвие сверкнуло в пламени пожара, и отражение упало на потрясенное, непокорное лицо Рен. И дочь вдруг показалась очень похожей на ее, Эстер, полукровную сестру, Кэтрин Валентайн, которая погибла, защищая ее от шпаги их родного отца.

– Мама! – позвала Рен тоненьким, испуганным голоском.

Эстер опустила нож.

Том и Тео бежали во весь дух через рощу, поскальзываясь на склоне.

– Что происходит? – закричал Том, который вырвался вперед. – Рен, ты в порядке?

– Она хочет убить его! – Рен упала на колени; рыдания мешали ей говорить, но она упорно повторяла: – Мама хочет убить Пеннирояла!

Том перевел взгляд на лежащего человека, протянувшего к нему дрожащую руку.

– Том, умоляю, не будем совершать поспешных поступков…

Какое-то мгновение Том молчал. Ему вспомнилось, каково было лежать на снегу в Анкоридже в уверенности, что смерть вот-вот заберет его. Он почувствовал резкую боль в груди, вкус собственной крови во рту. И до сих пор мог слышать затихающий гул моторов «Дженни», на которой удирал Пеннироял. На секунду его охватила такая же ярость, как и Эстер, он сам был готов схватить нож и покончить со старым негодяем. Но вспышка гнева прошла, и Том прикоснулся к руке жены.

– Эт, посмотри на него! Он старый и беспомощный, его дворец падает, охваченный пожаром. Разве это не достаточное возмездие? Давай затащим его на «Дженни» и улетим поскорее, пока эта лохань не грохнулась оземь!

– Нет! – выкрикнула Эстер. – Мы уже раз пустили его на борт! Ты забыл, что он сделал в благодарность за это? Ты забыл, что он почти убил тебя? Ты не можешь вот так взять и простить его!

– Могу, – спокойно сказал Том. Потом опустился на колени возле Пеннирояла и знаком подозвал Тео помочь поднять его. – А что еще остается делать? Убить его? И чего мы добьемся? Это ничего не изменит…

– Изменит! – сказала Рен, и ее голос прозвучал так странно, что Том поднял голову и посмотрел на нее.

Она продолжала плакать, глубоко, не по-девчоночьи всхлипывая; лицо некрасивое и мокрое от слез и соплей. Когда мать повернулась к ней, Рен испуганно отскочила подальше и закричала:

– Если убить его, то он уже никому не расскажет, как мама продала Анкоридж охотникам!

Голова Эстер мотнулась, как от пощечины.

– Ложь! – сказала она и попыталась засмеяться. – Наслушалась бредней Пеннирояла!

– Нет, – твердо произнесла Рен. – Нет, правда! Все эти годы благодарные граждане считали ее спасительницей Анкориджа от охотников, а на самом деле она же и сделала тех граждан заложниками бандитов и убийц. Мне бы тоже хотелось, чтобы это оказалось неправдой. Я говорила себе, что такого не могло быть. Но это правда!

Том посмотрел на Эстер, ожидая от нее опровержения.

– Я сделала это ради тебя, – сказала она.

– Значит, это правда?

Эстер отступила назад, прочь от него:

– Конечно правда! А куда, ты думаешь, я отправилась в ту ночь на «Дженни»? Прямиком в Архангельск – и рассказала Масгарду, где найти Анкоридж. У меня был один выбор – либо это, либо потерять тебя, и я не смогла бы… не смогла… О Том, во имя богов, это случилось шестнадцать лет назад и теперь уже не имеет никакого значения! Я же сама все исправила, разве не так? Убила Масгарда и его людей! И все это ради тебя…

Но ради совсем другого Тома Нэтсуорти и его любви она в свое время была готова приносить в жертву целые города. Тот Том – храбрый, красивый, страстный юноша, – наверное, простил бы ее. А этот, постарше, скромный анкориджский историк, стоит и смятенно смотрит, глупо разинув рот, а рядом распустила сопли его придурочная дочка; и ему никогда не понять ее поступка. И девчонке тоже не понять. Эти двое не такие, как Эстер. И дура она была, когда решила, что сможет жить в их мире.

– Все эти годы… – начала она, швыряя в сторону нож и наблюдая, как тот сверкнул, вращаясь, и воткнулся в газон Пеннирояла. – Все эти годы в Винляндии… Все эти годы с вами обоими… были сплошной скукой!

Ее била дрожь, и вспомнилась ночь, когда привели в действие МЕДУЗУ, а она впервые осмелилась поцеловать Тома. Тогда, в начале всего, ее тоже безудержно трясло, как и теперь, когда все закончилось. Она повернулась и быстро зашагала прочь от него через разгромленный парк. Впереди сквозь дым неясно проступало что-то невысокое и квадратное, похожее на какое-то строение, но потом Эстер догадалась, что это какой-то дурацкий лабиринт. Что ж, годится! И она направилась прямо к входу.

– Эстер! – позвал сзади Том.

– Проваливай! – Она мельком обернулась.

Том бежал за ней, причудливый силуэт на фоне горящего Шатра, вместе с поспешающими следом Рен и ее африканским другом.

– Проваливай! – снова крикнула Эстер, повернулась на ходу и сделала пару шагов спиной вперед, показывая на «Дженни Ганивер». – Забирай Рен, и валите отсюда, пока Пеннирояла снова не угнал чертово корыто у вас из-под носа!

Но Том не унимался:

– Эстер!

– Я не полечу, Том! – Она плакала. Мимо проносились клубы дыма вместе с горящими обрывками оболочки аэростата, а черные полы пальто

Эстер вздымались на горячем ветру, делая ее похожей на жуткого ангела. – Возвращайтесь в Винляндию! Будьте счастливы! Только без меня. Я остаюсь здесь!

– Эстер, не глупи! Эта штука сейчас развалится на части!

– Нет, просто упадет, – возразила Эстер. – Я выживу. Там, внизу, суровые города пустыни, самоходы-стервятники. Их жизнь как раз для меня!

Он почти догнал ее. Эстер видела его лицо, блестящее от слез в свете пожаров. Ей очень хотелось подойти к нему, поцеловать и обнять, но в то же время она знала, что больше никогда не сможет прикоснуться к нему, так как их навсегда разделило зло, совершенное ею.

– Я люблю тебя! – крикнула Эстер, повернулась и исчезла в темноте лабиринта.

Почва под ней то вздымалась, то уходила из-под ног; из груди непроизвольно вырывались не то всхлипы, не то смех. Позади, глуше и глуше, слышался голос Тома, выкрикивающий ее имя. Над головой аэростаты Облака-9 вспыхивали один за другим, наполняя лабиринт причудливыми, мечущимися тенями. Эстер споткнулась, потеряла равновесие и оцарапала лицо о колючие ветки самшитовых кустов. Только теперь до нее стало доходить, что здесь не самое безопасное место и ей понадобится более надежное укрытие в момент падения. Но тут она добралась до центра лабиринта и почти сразу разглядела, что там кто-то сидел, словно дожидаясь ее.

Эстер резко остановилась, проехав по инерции по мокрой траве. Сидящая фигура разогнулась, выпрямилась и теперь возвышалась над ней. Гигант, казалось, весь состоял из пламени, но это было лишь отражение полыхающих аэростатов на полированных и довольно помятых доспехах. Мертвое лицо расплылось в улыбке. Эстер узнала его: она собственноручно закидывала его землей восемнадцать лет назад на Черном острове, когда хоронила старого Сталкера в глубокой могиле, а потом натаскала сверху груду камней. Оказывается, зря старалась! Ее обоняние уловило знакомый запах формалина и нагретого металла.

– Эстер! – еще раз донесся откуда-то издалека чуть слышный крик Тома, теперь потерянного для нее навсегда.

Шрайк протянул к ней свои чудовищные лапы и произнес:

– ЭСТЕР ШОУ.

* * *

Очередной аэростат с ревом воспламенился, и в небо вырвался огненный гейзер. Почва ушла из-под ног, и Том на мгновение повис в воздухе, потом больно упал, покатился и стукнулся о статую бога Поскитта.

– Эстер! – пытался закричать он, вставая на ноги, но вместо крика получилось какое-то хрипение, и сердце, казалось, тоже захрипело.

Помассировал грудь, но облегчения не наступило; Том упал на колени, затем лицом вниз – боль пригвоздила его к траве. В глазах почернело. Когда он очнулся, кто-то был рядом.

– Эстер! – промычал он.

– Папочка… – Рен трогала его за спину и плечи, заглядывала в лицо испуганными и красными от слез глазами.

– Все хорошо, – сказал Том, и в самом деле ему стало лучше, хотя ощущалась тошнота и головокружение. – Такое и раньше случалось… Ничего страшного.

Он начал с трудом подниматься, но тут подошел Тео, друг Рен, и почти без усилий взял его на руки. Том, наверное, опять ненадолго потерял сознание, пока Тео нес его через парк, потому что ему всю дорогу чудилась рядом Эстер. Но потом он оглянулся, а ее не было. Они пришли уже к открытому люку «Дженни Ганивер», и Пеннироял смотрел на них через иллюминатор кабины. Том совсем запутался в происходящем, тем более что весь парк накренился и раскачивался и единственной реальной деталью во всем этом была Рен. Она крепко держала его за руку и пыталась улыбаться, хотя все время плакала.

– Рен, – сказал он ей, – мы не можем лететь без мамы. Надо найти ее…

Рен покачала головой и помогла Тео затащить отца на борт.

– Мы должны покинуть это ужасное место, пока не поздно!

Люк закрылся. Тео пошел на нос в кабину экипажа помочь Пеннироялу запустить двигатели. Рен встала на колени перед отцом и обняла его, как он обнимал ее в детстве, когда ей было больно или снился плохой сон. «Тихо, тихо», – приговаривал тогда папа, и Рен шептала ему точно так же:

– Тихо, тихо… – и гладила по волосам, и тихонько целовала, пока он не уснул.

А девочка старалась забыть о своей матери и обо всем плохом, что она сделала или сказала, и о мерцающих бликах, которые отбрасывал нож в ее руке. Девочка старалась запомнить, что у нее больше нет матери.

* * *

Как она постарела!

Шрайк знал о том, что время делает с однаждырожденными, и все же его поразило, как изменилась его маленькая девочка. На обветренном лице появились морщины, когда-то прекрасные рыжие волосы стали серыми и жесткими. Он протянул навстречу руки, спрятав в пазухи клинки, и с ней произошло то же, что и с большинством однаждырожденных, когда они оказывались в его власти: тоненько заскулила, а в воздухе резко запахло извергнутым содержимым кишечника. Ее страх опечалил его. Он, как мог, нежно прижал ее к своей броне и сказал:

– Я ОЧЕНЬ СКУЧАЛ ПО ТЕБЕ.

И Эстер, сдавленная огромными ручищами, могла только дрожать, и плакать, и прислушиваться к самому грустному звуку на свете – реву сдвоенных двигателей Жёне-Каро, которые уносили «Дженни Ганивер» без нее.

* * *

Облако-9 наконец достигло поверхности пустыни. Сначала болтающаяся кабина подъемника якорем пропахала песок, затем край палубы зацепился за скалу. Вырванные из днища подвесные переходы чертили линии на барханах. Остатки разбитых летательных аппаратов и упавшие деревья посыпались на песок. Гулко лопнул трос, наполовину сдутый аэростат вырвался на свободу и полетел вверх, сквозь пыль и дым. Целые секции Шатра взрывались, выстреливая во все стороны шрапнелью из антикварных ценностей и шедевров изобразительного искусства. Сминались металлические лестницы, рушились прогулочные палубы, раскалывались бассейны. Облако-9 подпрыгнуло, снеся напрочь верхушку гигантского бархана. Яркие, как леденцы на палочках, купола покатились по пустыне, преследуемые алчными городишками. Махина снова ударилась о землю, извергая огонь, волоча за собой кабели и изорванные оболочки аэростатов; подскочила, снова грохнулась, содрогаясь, дергаясь, скользя и переваливаясь, пока окончательно не застыла на месте.

* * *

Наступила минута тишины, нарушаемая лишь вздохом мириад мельчайших песчинок, взметнувшихся ввысь и теперь оседающих обратно на землю. И в этом безмолвии, пока ненасытные города-стервятники не сбежались на место крушения, из обломков поднялся Сталкер Шрайк, взял Эстер на руки и исчез вместе с ней в ночной пустыне.

---

notes

Примечания

1

Автолик (*др. – греч.* «одинокий волк») – в греческой мифологии ловкий разбойник, обитавший на Парнасе, «самый вороватый из людей». По одной из версий – сын Гермеса.

2

«The Sadness of Things» – песня Момуса с альбома «The Philosophy of Momus» (1995) или же заглавная композиция с эмбиент-альбома (1996) Дэвида Тибета и Стива Стэплтона.

3

«She’s Leaving Home» – песня *The Beatles* с альбома «Sergeant Pepper’s Lonely Hearts Club Band» (1967).

4

Schadenfreude *(нем.)* – злорадство.

5

Напротив *(фр.)*.

6

«Cloud 9» (*тж.* «Cloud Nine») – «Седьмое небо» – название альбомов группы *The Temptations* (1968) и Джорджа Харрисона (1987).

7

Combat Wombat (буквально: Боевой вомбат) – австралийская хип-хоп-группа из Мельбурна.

8

У. Шекспир. «Буря», песня Ариэля (перевод М. Кузмина).

9

В германо-скандинавской мифологии – корабль, сделанный целиком из ногтей мертвецов. В Рагнарёк он будет освобожден из земного плена потопом, выплывет из царства мертвых Хель, и на нем армия ётунов, предводимая Гимиром (по версии «Младшей Эдды») или Локи (по версии «Старшей Эдды»), поплывет на поле Вигрид для последней битвы против асов.

10

Намек на канадскую рок-группу *Bachman Turner Overdrive*. Дж. М. У. Тернер – Джозеф Мэллард Уильям Тернер (1775–1851), британский живописец и акварелист, предшественник французских импрессионистов.

11

Group Captain Mandrake – персонаж фильма Стенли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал волноваться и полюбил бомбу» (1964). Одна из трех ролей, сыгранных в этом фильме Питером Селлерсом.

12

«Могучий сыр», «Сыр-борец» (Mighty Wrestling Cheese) – сценический номер британского иллюзиониста Персиваля Томаса Тибблса (1881–1938), выступавшего под псевдонимом П. Т. Селбит.

13

В оригинале – «Itsy Witsy Teeny Weeny Yellow Polka-Dot Machiney», что отсылает к песне Брайана Хайланда «Itsy Bitsy Teeny Weeny Yellow Polka-Dot Bikini» с альбома «Bashful Blond» (1960).

14

«Is That All There Is?» – песня Джерри Либера и Майка Столлера, ставшая хитом в исполнении Пегги Ли (альбом «Is That All There Is?», 1969) и многократно перепевавшаяся другими музыкантами (Гай Ломбардо, Тони Беннетт, Чака Хан, Алан Прайс, Джон Париш и П. Дж. Харви, *Giant Sand* и др.). Источником вдохновения для песни послужил рассказ Томаса Манна «Разочарование» (1898).